И.В. ТЮЛЕНЕВ

КРАХ ОПЕРАЦИИ „ЭДЕЛЬВЕЙС"

ОРДЖОНИКИДЗЕ - 1975

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Генерал армии Иван Владимирович Тюленев — один из славных советских военачальников, которые стояли у истоков Советских Вооруженных Сил. Его жизненный и боевой путь пролег через три войны: первую мировую, гражданскую и Великую Отечественную. Новая книга генерала армии И. В. Тюленева «Крах операции „Эдельвейс“» — свидетельство того, что он — один из ветеранов нашей Советской Армии, крепко хранит в памяти события минувших лет и стремится сделать их достоянием широких масс.

- И. В. Тюленев,
  -
  - Слово о друге и его книге
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

И. В. Тюленев,
генерал армии
Крах операции «Эдельвейс»

Издательство «Ир» ❇ Орджоникидзе 1975

© Издательство «Ир», 1975 г.

Слово о друге и его книге

На своем веку мне довелось знать немало людей, чьи имена вошли в историю и чьими делами можно гордиться. К таким людям относится и генерал армии Иван Владимирович Тюленев.

Жизнь и деятельность этого талантливого советского полководца схожа с судьбами тех, кто всего себя посвятил службе в армии, кто не щадил себя в борьбе за Советскую власть, за дело родной Коммунистической партии, кто приумножил боевую доблесть и славу Советской Армии.

Генерал армии Иван Владимирович Тюленев — один из славных советских военачальников, которые стояли у истоков Советских Вооруженных Сил. Его жизненный и боевой путь пролег через три войны: первую мировую, гражданскую и Великую Отечественную. Он — участник Февральской и Октябрьской революций, делегат первого Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, коммунист с марта 1918 года. Ему довелось бороться за победу власти Советов в Поволжье, на родине В. И. Ленина — в Симбирске, быть одним из организаторов красногвардейских отрядов.

В 1918 году его направили на учебу в военную академию РККА. Здесь, в стенах академии, И. В. Тюленеву посчастливилось встретиться с Владимиром Ильичем Лениным.

Когда развернулось наступление Деникина и над молодой Республикой Советов нависла смертельная угроза, Иван Владимирович, прервав учебу, выехал на Южный фронт, в Первую конную армию.

В легендарной буденновской коннице наиболее ярко раскрылось военное дарование бывшего унтер-офицера 5-го Каргопольского драгунского полка. Возглавляя разведывательный отдел полевого штаба армии, затем 2-ю бригаду 4-й кавалерийской дивизии, И. В. Тюленев проявил себя талантливым и отважным командиром, трижды был ранен, но возвращался в строй лихих конников. Он бился с деникинцами, белополяками и врангелевцами, громил петлюровцев и махновцев. В марте 1921 года по льду Финского залива вел 137-й Минский стрелковый полк на штурм Кронштадта, захваченного эсеро-меньшевистскими мятежниками. В этом же году, командуя бригадой и 15-й Сибирской кавалерийской дивизией, подавлял антисоветское восстание Антонова на Тамбовщине. В должности командира бригады участвовал в ликвидации кулацко-меньшевистских и мусаватистских банд в Нагорном Карабахе.

Три ордена Красного Знамени украсили грудь мужественного

кавалериста. В то время такая высокая честь оказывалась только героям из героев.

Боевая биография И. В. Тюленева тесно связана с Кавказом. Весной 1920 года он участвовал в разгроме белогвардейцев на Северном Кавказе, в 1938–1940 годах был командующим войсками Закавказского военного округа, в годы Великой Отечественной войны командовал Закавказским фронтом.

…Я всегда вспоминаю нашу плодотворную совместную партийную и служебную работу с И. В. Тюленевым в Инспекции кавалерии в 1931–1932 годах.

Инспекцию кавалерии РККА в то время возглавлял Семен Михайлович Буденный. Его помощниками были: Б. К. Верховский, Ф. Р. Жемайтис, П. П. Собенников, И. В. Тюленев, А. Я. Трейман. Это были хорошо знающие свое дело командиры.

…Месяца через три с начала моей работы в Инспекции кавалерии РККА у нас состоялось общее партийное собрание коммунистов всех инспекций и управлений боевой подготовки тогдашнего Наркомата обороны. На этом собрании меня избрали секретарем партийного бюро, а заместителем секретаря — Ивана Владимировича Тюленева.

Принципиальность, прямота, доброжелательность и стремление оказать товарищу помощь в работе — таковы черты характера генерала армии Тюленева.

Я хорошо помню встречу с И. В. Тюленевым в конце декабря 1940 года, когда по указанию Центрального Комитета партии в Москве состоялось совещание высшего командного состава нашей Армии. В его работе приняли участие командующие округами и армиями, члены военных советов и начальники штабов округов, начальники всех военных академий, профессора и доктора военных наук, генерал-инспекторы всех родов войск, начальники центральных управлений и руководящий состав Генерального штаба. На совещании все время присутствовали некоторые члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Были сделаны важные сообщения и военно-политические доклады. Генерал армии И. В. Тюленев подготовил основательный доклад о характере современной оборонительной операции, хорошо встреченный участниками совещания.

После совещания нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко сказал И. В. Тюленеву, что его доклад будет полезен в подготовке кадров Красной Армии.

В мае 1940 года в Красной Армии вводились генеральские звания. В числе трех первых генералов армий был И. В. Тюленев.

Хорошо помню 18-ю Всесоюзную конференцию ВКП(б), на которой мне довелось присутствовать. Принятый конференцией

мирный народнохозяйственный план на 1941 год предусматривал значительный рост оборонной промышленности.

На конференции кандидатами в члены ЦК ВКП(б) и в состав Центральной ревизионной комиссии были избраны И. В. Тюленев, М. П. Кирпонос, И. С. Юмашев, В. Ф. Трибуц, Ф. С. Октябрьский и другие видные военачальники.

Генерал армии И. В. Тюленев — преданный сын нашей социалистической Родины, принципиальный коммунист-интернационалист, талантливый полководец оперативного масштаба.

…Перу И. В. Тюленева принадлежит ряд работ по военному искусству, научных статей по тактике и стратегии, публицистических очерков, посвященных первым полководцам и военачальникам Советской Армии. Он — автор военных мемуаров «Через три войны».

Новая книга генерала армии И. В. Тюленева «Крах операции „Эдельвейс“» — свидетельство того, что он — один из ветеранов нашей Советской Армии, крепко хранит в памяти события минувших лет и стремится сделать их достоянием широких масс.

Я рад, что первыми читателями новой книги будут трудящиеся Северной Осетии, о встречах с которыми И. В. Тюленев всегда тепло и сердечно вспоминает.

Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза, Герой Монгольской Народной Республики

Г. ЖУКОВ

СЛАВНЫМ ЗАЩИТНИКАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПОСВЯЩАЕТСЯ

У подножья Казбека и Эльбруса

В воздухе как-то сразу теряется ощущение пространства и времени. Стоило только ТУ-114 оторваться от бетонных плит Минераловодского аэропорта и круто уйти в южное безоблачное небо, как за овалами иллюминаторов, словно на цветном телевизионном экране, обозначился знакомый кавказский ландшафт.

Кажется, протяни руку, и вот они, уменьшенные семикилометровой линзой высоты, крошечные бугорки заснеженных хребтов, тоненькие голубые спирали горных рек. Заходящее солнце зажгло на ледяных склонах алые костры, и вершины Эльбруса и Казбека превратились в сказочные светящиеся рубины.

Повинуясь воле наземных радиомаяков, самолет плавно скользнул на левое крыло и, оставляя позади пушистые инверсионные полосы, лег курсом на юг.

Сколько раз приходилось мне пересекать по воздуху Главный Кавказский хребет, и всегда возникало необъяснимое чувство волнения: может быть, от захватывающей дух орлиной высоты или от того, что с Кавказом связана моя судьба…

Кавказ занимает особое место в истории и жизни нашей страны. Богатые запасы нефти, газа и цветных металлов, плодородные земли в долинах рек и альпийские луга превратили его в источник промышленного и стратегического сырья, в крупную продовольственную базу.

Еще в апреле 1921 года в специальном письме «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» В. И. Ленин выразил «надежду, что их тесный союз создаст образец национального мира, невиданного при буржуазии и невозможного в буржуазном строе».[1]

Слова Ленина воплотились в жизнь. За годы Советской власти трудящиеся Северного Кавказа и Закавказья в братской семье советских народов добились больших успехов в промышленности, сельском хозяйстве, науке и культуре.

В голубое небо поднялись трубы заводов и фабрик, стрелы подъемных кранов, ажурные буровые вышки, в горы шагнули линии электропередач, в солнечных долинах выросли кварталы городов и рабочих поселков, белокаменные корпуса здравниц.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяли большое внимание расширению добычи и переработки

нефти — важнейшего стратегического продукта Северного Кавказа и Закавказья. Только к 1940 году, например, в этих районах были введены в строй сотни новых нефтяных скважин. К началу 1941 года нефтедобывающие районы Северного Кавказа и Закавказья поставляли народному хозяйству значительную часть ценного жидкого топлива.

Большое развитие получила в этих экономических районах энергетическая база.

Важное экономическое и военное значение имели разработки в предвоенные годы марганцевой руды в Грузии, свинцово-цинковой руды — в Северной Осетии, вольфрамо-молибденовой руды — в Кабардино-Балкарии.

Велико экономическое значение Кавказа для продовольственных ресурсов страны. Северный Кавказ, Кубань, Ставрополье, Закавказье — богатейшие районы по производству пшеницы, кукурузы, подсолнечника, сахарной свеклы, по выращиванию фруктов, овощей, винограда.

Но не только сырьевыми и продовольственными ресурсами богат Кавказ. Через его порты на Черном и Каспийском морях в довоенный период проходил значительный внешнеторговый грузооборот.

«Голубые трассы» Каспийского и Черного морей связывают нашу страну с Ираном и Турцией, а через проливы Босфор и Дарданеллы с мировыми океанскими путями.

Своеобразной визитной карточкой Кавказа являются здравницы. На Черноморском и Каспийском побережьях, в районах Кисловодска, Цхалтубо, Пятигорска, Нальчика, Орджоникидзе и других городов созданы санатории, курорты, дома отдыха, которые ежегодно принимают миллионы трудящихся.

Велико политическое значение многонационального Кавказа. Посмотрите на его карту. На северных склонах расположены Краснодарский и Ставропольский края, Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Дагестан, а за перевалами лежат — Грузия, Армения, Азербайджан.

«Я так горячо люблю эту прекрасную страну, олицетворение красоты и силы, — писал Алексей Максимович Горький, — ее горы, окрыленные снегами, долины и ущелья, полные веселого шума, быстрых певучих рек, и ее красивых, гордых людей…»

Северный Кавказ и Закавказье — многонациональные уголки нашей страны. В предгорных долинах живут русские, украинцы; северные склоны гор — родина осетин, кабардинцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, карачаевцев, адыгейцев, черкесов, многочисленных народностей Дагестана. Закавказье

представлено грузинами, армянами, азербайджанцами, абхазцами, аджарцами, осетинами и другими национальностями.

До Великого Октября Кавказ представлял собой окраину царской России, народы его в политическом отношении были бесправны. Промышленность и сельское хозяйство находились на низком уровне. Абсолютное большинство трудового населения Кавказа было лишено возможности учиться. В горных селениях и отдаленных аулах редкий человек был грамотным. «Настольными» книгами горцев были, как правило, коран или церковная литература.

Но Кавказ никогда не был «белым пятном» на карте империалистической России. Огромные богатства этого горного края безжалостно эксплуатировались русскими и иностранными капиталистами. Все это, конечно, обостряло классовые противоречия, вело к росту национально-освободительного движения.

Великая Октябрьская революция принесла в долины и ущелья Кавказа новую, светлую жизнь. Под руководством Коммунистической партии, при бескорыстной помощи трудящихся России и Вооруженных Сил Советской республики над древними сторожевыми башнями взвились алые флаги свободы. И с тех пор народы Кавказа стали хозяевами своей судьбы, творцами своего счастья.

На примере советского Кавказа трудящиеся всего мира воочию убедились, что только Великий Октябрь спас малые народы от истребления их эксплуататорами и иноземными поработителями, а победа социализма в нашей стране открыла всем братским народам путь процветания.

Кавказ издавна занимал важное военно-стратегическое значение. Это определяется не только наличием здесь больших запасов нефти и другого стратегического сырья, мобилизационными возможностями людских ресурсов, но и исключительно выгодным географическим положением. Об этом еще до нашей эры писали в своих произведениях греческие и римские писатели и полководцы, об этом упоминается в древних хрониках арабских, индийских, армянских, грузинских историков. Гражданская и Вторая мировая войны еще раз подтвердили, что Кавказ — это важный форпост на юге нашей страны.

Кавказские горы… Их могучие вершины, искрящиеся вечными снегами, прячутся высоко в облаках. Красоту гранитных исполинов не раз воспевали в своих произведениях многие поэты. Каждый человек по-разному относится к горам. Для туриста — это чудо природы, для строителя — барьер на пути к намеченной цели, для геолога — кладовая богатств, для чабана — родная

стихия и источник жизни, а для нас, военных, горы — это сложный театр боевых действий.

Основу всей горной системы этого края составляет Главный Кавказский хребет, который тянется на 1300 километров от Апшеронского полуострова до устья реки Кубань.

В горной цепи Центрального Кавказа немало заоблачных вершин, но главные из них — Эльбрус, Казбек, Адай-хох, Дыхтау, Шан, Ушба, Шхара… В годы войны горы мешали широко и маневренно вести бои, скалистые хребты сковывали размещение крупных войсковых соединений, затрудняли проведение целенаправленных наступательных операций.

Характеризуя военно-политическое и экономическое значение Кавказа, мне хотелось бы остановиться на транспортных коммуникациях. Экономической отсталости дореволюционного Кавказа соответствовал и примитивный транспорт. Особенно тяжело приходилось жителям гор. Сообщение между селениями, которые лежали на заоблачной высоте, и долинами в зимнее время почти прекращалось.

«Дорожный вопрос в горной полосе Кавказа является самым насущным, ставящим на карту многие человеческие жизни с трагической кончиной», — писал о состоянии дорог в горах великий осетинский поэт Коста Хетагуров.[2]

Важным показателем экономического развития за годы советского строительства стала прокладка железных дорог, сооружение аэродромов, асфальтированных трасс, автомобильных магистралей.

Железные дороги связывают Северный Кавказ с Закавказьем лишь по побережьям Черного и Каспийского морей.

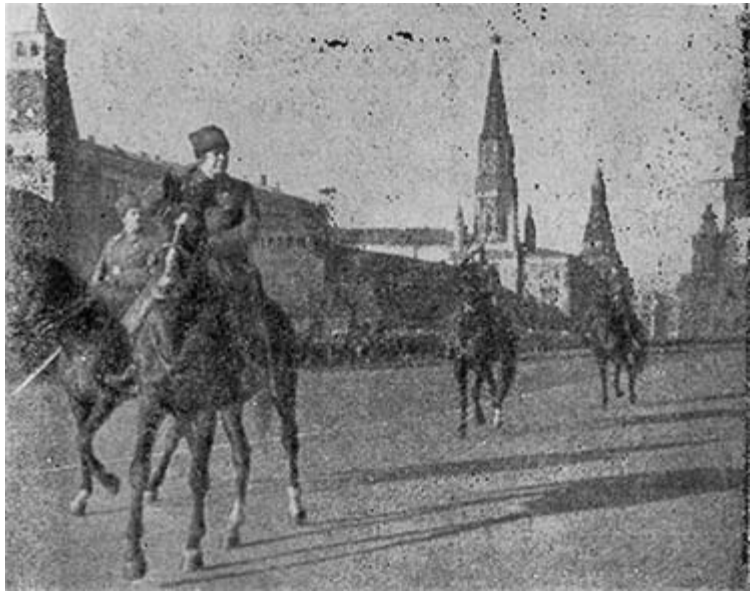
Из наиболее известных перевальных дорог можно отметить Военно-Грузинскую дорогу, берущую свое начало из столицы Северной Осетии — Орджоникидзе. В мирное время в зимние месяцы движение по ней, как правило, закрывается, но во время боевых действий она функционировала и зимой.

Оценивая эту важную транспортную артерию, Карл Маркс писал: «Кавказские горы отделяют южную Россию от роскошных провинций Грузии… Единственная военная дорога, заслуживающая это название, вьется от Моздока к Тифлису через узкое Дарьяльское ущелье, она защищена непрерывной цепью укреплений…».[3]

Другая важная перевальная магистраль — Военно-Осетинская дорога. Она берет свое начало у небольшого осетинского города Алагира, идет через Мамисонский перевал, заканчиваясь в Кутаиси.

Военно-Сухумская дорога проходит от города Баксана через

перевалы Приэльбрусья на Сухуми.



Ноябрь, 1940 год. С. К. Тимошенко и И. В. Тюленев во время военного парада на Красной площади.

В зимнее время эти участки дороги для движения также закрываются. Обильные снегопады, гололедица и селевые потоки становятся серьезным препятствием на пути транспорта и пешеходов.

* * *

…Февраль, 1942 год. Над степными просторами Донбасса стояла ясная погода. Снежные метели укрыли отлогие склоны терриконов, намели рыхлые сугробы в глубоких балках.

На военном аэродроме в Старобельске меня ждал ЛИ-2, предоставленный в мое распоряжение Маршалом С. К. Тимошенко. Мы вылетели утром и в полдень благополучно приземлились в Минеральных Водах. Отсюда маршрут пролегал на Махачкалу, затем — Баку, Тбилиси.

— Сколько летных часов до столицы Грузии? — спросил я у шеф-пилота.

Он уклончиво ответил:

— Все будет зависеть от погоды, товарищ генерал…

— А не махнуть ли нам напрямик, кратчайшим путем, через Главный Кавказский хребет?

Летчик оказался человеком смелым — согласился лететь по

незнакомой трассе, не имея синоптической карты.

Горы, как и море, располагают человека к размышлениям и воспоминаниям. И вот здесь, в воздухе, под мерный рокот моторов, я впервые отчетливо, в деталях, восстановил в памяти первые дни войны.

… 21 июня 1941 года в штабе Московского военного округа, которым я командовал с сентября 1940 года, мне сообщили:

— С Вами будет говорить товарищ Сталин.

В трубке — глуховатый, спокойный голос:

— Товарищ Тюленев, как обстоят дела с противовоздушной обороной Москвы?

Я коротко доложил И. В. Сталину о мерах противовоздушной обороны, принятых на 21 июня.

В ответ донесся, ставший вдруг металлическим, голос:

— Учтите, положение на границе тревожное, и вам следует еще раз проверить боевую готовность войск противовоздушной обороны Москвы.

А в 3 часа ночи 22 июня меня вызвали в Кремль. Началась война. Враг напал на нашу Родину…

В Кремле меня встретил комендант и тотчас проводил к Маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову, который объявил, что Советское правительство назначило меня на должность командующего войсками Южного фронта.

Вечером 22 июня железнодорожный состав с полевым управлением Южного фронта ушел из затемненной, посуровевшей Москвы.

…Общая обстановка в полосе всего Юго-Западного направления была тяжелой. Измотанные тяжелыми боями, под непрерывной бомбежкой, артиллерийским и минометным огнем, цепляясь за каждый клочок земли, отбивая яростные атаки врага, войска Южного фронта 70 суток вели сражение.

Мы отошли за Днепр. Горько, невыносимо больно было сознавать, что обширная территория на правобережье — в руках врага. Но мы знали, что вернемся сюда, что гитлеровцы заплатят нам за все злодеяния.

В сентябре 1941 года в одном из боев я был тяжело ранен и доставлен в Москву, в Центральный военный госпиталь.

Обстановка на всех фронтах Великой Отечественной войны в тот момент была чрезвычайно напряженной. Фашистские войска, опьяненные первыми успехами, рвались к Москве, Ростову, блокировали Ленинград.

Из госпиталя я написал письмо И. В. Сталину. В нем я сообщил, что здоровье мое в порядке, хотя это было далеко от действительности, и просил, чтобы меня направили на фронт.

Через несколько дней меня вызвали в Кремль.

В тот день Сталин куда-то торопился. Одет он был в защитного цвета китель, брюки — заправлены в мягкие кавказские сапоги. Выглядел Сталин усталым, шафранно-смуглое лицо покрывала мраморная бледность.

Внимательно посмотрев на меня, Иосиф Виссарионович предложил мне сесть на тяжелый кожаный диван, а затем справился о моем здоровье. Я знал, перед тем как вести разговор о деле, он всегда интересовался здоровьем, самочувствием людей…

Я ответил, что военный хирург Центрального госпиталя Петр Васильевич Мандрыка сделал почти невозможное: порванное осколком сухожилие полностью срослось, рана зажила. Хотя мне стоило немалых трудов, войдя в кабинет, не припадать на больную ногу.

— Ну вот и хорошо. Можете ли вы, товарищ Тюленев, немедленно выехать на Урал? — спросил Сталин.

«В тыл! — мелькнула мысль. — Я же в письме просил, чтобы меня снова направили на фронт».

Сталин точно прочитал в моих глазах эту беспокойную мысль. Подойдя ко мне, он тихо, подчеркивая каждое слово, добавил:

— Вы поедете на Урал для выполнения специального задания Государственного Комитета Обороны. Учтите, задание очень срочное и важное.

Беседа была окончена. Сталина ждал прямой телефонный разговор с фронтом, а для меня в приемной был уже заготовлен мандат.

«Мандат. 13 октября 1941 года. № 785. Москва, Кремль.

1. Сим удостоверяется, что генерал армии тов. Тюленев И. В. является Уполномоченным Государственного Комитета Обороны по обучению и сколачиванию вновь формирующихся дивизий на территории Уральского округа.

2. Тов. Тюленеву И. В. ставится задача деформировать 14 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, организовать их обучение современному ведению боя и сколотить их с тем, чтобы в течение 2-х месяцев дивизии представляли вполне боеспособные единицы.

3. Обязать все советские, военные и партийные организации оказывать тов. Тюленеву И. В. всяческое содействие при выполнении возложенной на него задачи.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин».[4]

Глубокой ночью меня снова вызвали в Кремль. Кроме

Сталина в кабинете находились некоторые члены Политбюро, а также члены Государственного Комитета Обороны.

Заговорили о причинах отхода наших войск на Южном фронте. Спросили мое мнение.

Я старался говорить кратко. В своем рассказе остановился на том, что, видимо, хорошо было известно и присутствующим. Войска Южного фронта оставили значительную территорию Украины потому, что с флангов и в тыл прорвались крупные силы гитлеровцев, поддержанные танками, самолетами. Оборонительные же рубежи, из-за отсутствия резервов, заблаговременно заняты нами не были.

Видно было, как И. В. Сталин переживает неудачи, которые терпят наши войска на Южном направлении. Он перебирал в руках карандаши, постукивал по столу потухшей трубкой, бросал взгляды на географическую карту, расчерченную условными знаками.

Затем разговор зашел о моей поездке на Урал.

— Нам сейчас необходимы очень крепкие резервы, — сказал И. В. Сталин. — От того, насколько быстро и эффективно мы сумеем их подготовить, зависит наше положение на фронтах, особенно под Москвой. Государственный Комитет Обороны поручает вам это неотложное дело.

Развивая в деталях свою мысль, Сталин обратил внимание на то, что при подготовке резервных дивизий на Урале, следует обучить их ведению ближнего боя, в особенности борьбе с танками, мотомехчастями. Необходимо также отработать с командирами вопросы управления боем.

…Приближался 1942 год. В городах Урала было завершено формирование резерва, оснащенного новейшей боевой техникой. По вызову Ставки Верховного Главнокомандования я ехал в Москву с докладом о готовности дивизий к отправке на фронт.

В заснеженную и затемненную Москву прибыли поздно ночью. Я направился прямо в Генеральный штаб, зная, что там ни на минуту не прекращалась работа.

В Генштабе, склонившись над картой, сидел Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников.

Он расспросил меня о проделанной работе и сказал, что сейчас Сталин занят и принять меня сможет только завтра.

…И вот я снова в Кремле, в кабинете Верховного Главнокомандующего. И. В. Сталин выглядел бодрым, подтянутым, в жестких черных волосах густо проглядывала седина. Чубуком потемневшей трубки он поглаживал усы.

Кратко, зная, что при докладах Сталин не любит лирических

отступлений, я доложил о выполнении задания партии и правительства, рассказал о боевой готовности резервных войск.

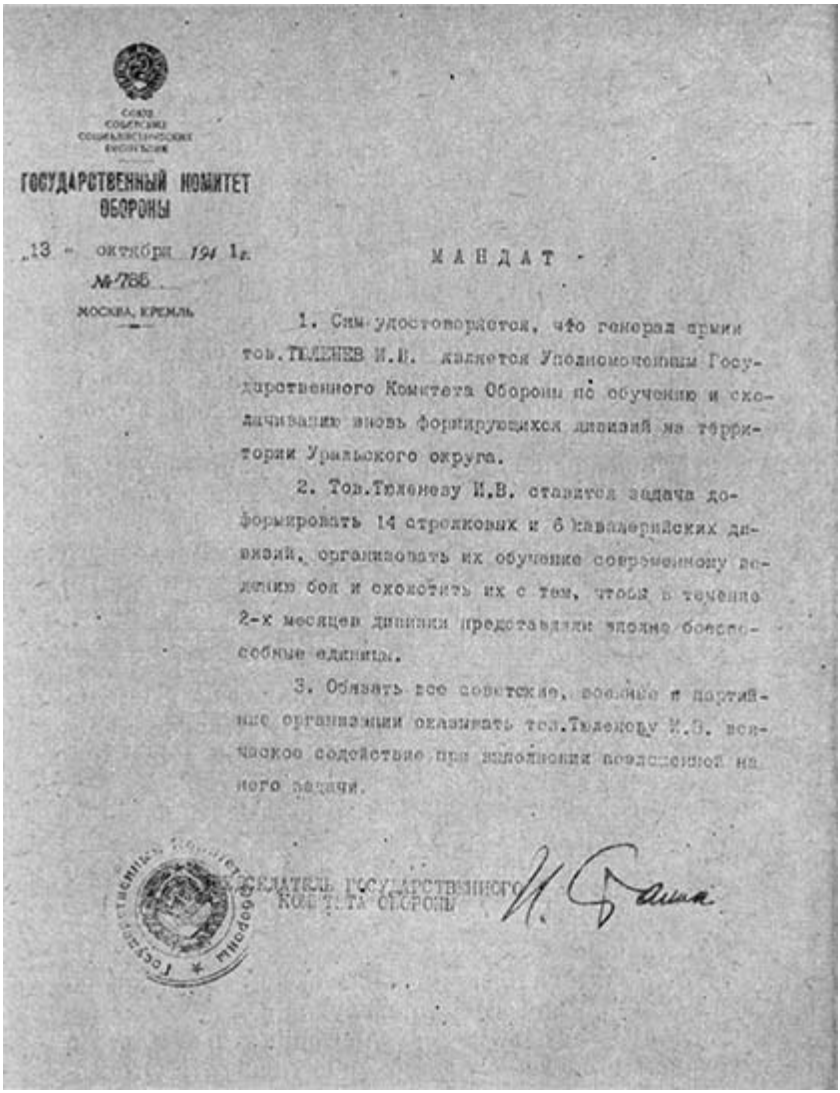
Иосиф Виссарионович внимательно выслушал меня и, улыбаясь, добавил:

— Тут товарищ Шапошников говорил, что вы добиваетесь срочной отправки на фронт. Что, надоело сидеть в тылу?

— Так точно!

— Ну что ж, ничего не поделаешь, придется удовлетворить вашу просьбу. Вы это заслужили.

19 января 1942 года мне вручили приказ о том, что я назначен заместителем Главнокомандующего Юго-Западным направлением. Не успел я детально ознакомиться в штабе Главкома, который располагался под Воронежем, с дивизиями, действовавшими на юго-западном направлении, как получил директиву Ставки Верховного Главнокомандования о моем назначении командующим Закавказским военным округом.



ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

13 октября 1941 г.

№ 785

МОСКВА, КРЕМЛЬ

МАНДАТ

1. Сим удостоверяется, что генерал армии тов. ТЮЛЕНЕВ И.В. является Уполномоченным Государственного Комитета Обороны по обучению и сколачиванию вновь формирующихся дивизий на территории Уральского округа.

2. Тов. Тюленеву И.В. ставится задача доформировать 14 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, организовать их обучение современному военному бою и оснастить их с тем, чтобы в течение 2-х месяцев дивизии представляли вполне боеспособные единицы.

3. Обязать все советские, военные и партийные организации оказывать тов. Тюленеву И.В. всемерное содействие при выполнении возложенной на него задачи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

Мандат И. В. Тюленева на право формирования дивизий на территории Уральского военного округа.

…Вспомнив это, я стал смотреть через иллюминатор на заснеженные горы не как на одно из чудес природы, а так, словно вылетел на рекогносцировку местности.

Через час мы приземлились на тбилисском аэродроме. Тбилисцы встретили меня радушно.

Среди встречавших на аэродроме были заместитель командующего генерал-лейтенант А. И. Ходеев и начальник штаба А. И. Субботин. Они в тот же день ввели меня в курс дела.

В трудные дни 1942 года, когда гитлеровские танковые колонны рвались к предгорьям Главного Кавказского хребта, стремясь овладеть нефтепромыслами Грозного, Баку и через

Закавказье проникнуть на Ближний Восток, перед войсками Закавказского военного округа, преобразованного позже в Закавказский фронт, была поставлена сложная и ответственная задача. Оставшись в известной степени изолированным, он должен был вести боевые действия в условиях вражеского окружения. С севера — находились фашистские оккупанты, с юга — проходили границы Турции и Ирана. Со стороны Египта двигались войска генерала Роммеля.

Симпатии турецкого правительства к фашизму были широко известны. В июне 1941 года, за несколько дней до начала Великой Отечественной войны, Турция «скрепила своей подписью» договор о дружбе и сотрудничестве с Германией. Турецкое правительство выжидало лишь благоприятного момента, чтобы направить свои войска через границы Советского Союза и осуществить заветную мечту — отторгнуть от СССР Закавказье и Северный Кавказ.

Эти «настроения» мне были хорошо известны еще в 1938 году, когда я был назначен командующим войсками Закавказского военного округа. Это еще раз подтвердилось в феврале 1942 года, когда Ставка Верховного Главнокомандования снова назначила меня командующим Закавказским военным округом, в который входили войска, расположенные в Дагестане, на территории Грузии, Армении, Азербайджана и Ирана.

Детально знакомясь в штабе округа с размещением войсковых частей, просматривая свежую почту, газеты и журналы, я обратил внимание на один из номеров турецкого журнала «Бозкурт», близкого к правительственным кругам, в котором печаталась красочная карта «Великой Турции». На ней были также Кавказ и республики Средней Азии.

Много беспокойства вызывал Иран. В соответствии с советско-иранским договором 1921 года в Иран были введены Советские войска. Одновременно в Иран вошли английские войска.

Командование округа беспокоил также недостаток вооружения. Требовалось срочно организовать изготовление оружия на базе местной промышленности.

На помощь пришли партийные, советские и профсоюзные организации Закавказья. В короткий срок эта проблема была решена — местные промышленные предприятия наладили выпуск автоматов, минометов, снарядов, мин, гранат, бутылок с горючей смесью.

Вскоре руководство военного округа столкнулось еще с одной проблемой — пополнением войск подготовленным к боевым действиям личным составом. Нельзя сказать, что в республиках Закавказья ощущалась нехватка людских резервов. Но

значительная часть призывников слабо владела русским языком, что усложняло процесс их ускоренного военного обучения. Ставка Верховного Главнокомандования в своей директиве разрешила сформировать национальные части и дивизии. Мы имели свежие данные о том, что немецко-фашистское командование усиленно готовится к летнему наступлению на Кавказе.

На совещании в штабе группы армий «Юг», которое состоялось в начале июня 1942 года, Гитлер заявил: «Моя основная мысль — занять область Кавказа, возможно основательнее разбив русские силы… Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, я должен ликвидировать войну».[5]

План фашистов по захвату Кавказа получил условное кодовое название «Эдельвейс». Он был изложен в директиве Гитлера № 45 от 23 июля 1942 года.

Еще до вероломного нападения на Советский Союз в лучших типографиях Лейпцига, Берлина, Дрездена выполнялся специальный заказ генерального штаба рейха. На плотной мелованной бумаге печатался с секретным грифом «только для служебного пользования» подробный путеводитель по Кавказу. К нему прилагалось множество красочных карт, фотоснимков, справочных словарей. Предназначался путеводитель для группы армий «А», которая должна была захватить Кавказ.

Первая страница этого «творения» начиналась с подробной карты Северного Кавказа и Закавказья. С пунктуальностью отмечалось расстояние от Ростова до Баку и Орджоникидзе, от Нальчика до Сухуми и Тбилиси, от Пятигорска до Грозного и Махачкалы.

Ряд страниц альбома посвящался подробному плану и описанию городов. Столица Северной Осетии — Орджоникидзе, лежащая у подножья Казбека, была залита двумя цветами: фиолетовым и красным. На схеме города — множество цифр, а внизу — краткое и точное объяснение. Фиолетовый цвет — заводы «Электроцинк», вагоноремонтный, машиностроительный, переходящие в собственность германского государства. Красный цвет — военные учреждения на месте сельскохозяйственного, горнометаллургического и педагогического институтов. Голубая линия — Терек, а черная — Военно-Грузинская дорога.

Эта фанатичная идея возникла в Берлине давно. В Азербайджане — самые богатые нефтяные промыслы. В столице Чечено-Ингушетии — городе Грозном получают высококачественный бензин. На рудниках Грузии добывают марганец, идущий для производства сверхтвердых сталей. В Приэльбрусье, расположенном в горах Кабардино-Балкарии, таятся богатые залежи вольфрама и молибдена. В Северной

Осетии вот уже в течение многих десятков лет выплавляют ценное стратегическое сырье — свинец и цинк. В Армении можно получать медь. В Дагестане — отары овец, рыба…

Из Закавказья, с Северного Кавказа Германия рассчитывала пополнять свои ресурсы.

Кавказ привлекал немцев и как ворота на Ближний и Средний Восток, в страны Малой Азии, в Индию. Еще в 1918 году начальник австрийского генерального штаба Арц в своей докладной записке писал, что Германия хочет навсегда закрепить за собой самый безопасный путь на Месопотамию и Аравию через Баку и Персию…

Прусские юнкера были на Кавказе в 1918 году. Страшась своего народа, меньшевистское «правительство» Грузии отдало солнечный край оккупантам. Немецкие промышленники получили тогда монопольное право эксплуатации всех природных богатств Грузии, в их руки перешли железнодорожный транспорт и Черноморские порты.

За то, что жители не внесли в течение трех часов контрибуцию в 150 тысяч рублей, немецкий карательный отряд сжег селение Сарвани. «В целях устрашения кавказских туземцев» немецкие летчики разбомбили и сожгли села Душетского района. В Грузии разрушались древние храмы, взрывались погреба с вековыми коллекциями знаменитых грузинских вин.

В Поти один за другим прибывали суда под немецкими флагами. Они выгружали танки, самолеты, артиллерию, пехотные и кавалерийские полки. Людендорф торопил генерала фон Креса.

Председатель Бакинского Совета Степан Шаумян телеграфировал В. И. Ленину и И. В. Сталину: «Сообщаю, что в Тифлис 11-го вечером прибыл третий эшелон германских войск. 8 июня в Поти высадились на трех транспортах германские войска с артиллерией… Настроение в наших войсках бодрое, порядок образцовый, флот будет геройски отстаивать Советскую власть. Настроение у рабочих, несмотря на почти 3-месячный голод, очень повышенное, будут сражаться до последней возможности. „Живыми не сдадимся и немецким хищникам никакой нефти не оставим“, — говорят рабочие».[6]

В те времена кое-кто не верил, что Кавказ выстоит. Но события развивались вполне закономерно. Вместо Баку — прусским юнкерам пришлось в спешном порядке уходить к Черноморскому побережью, а оттуда — на военных транспортах отступать.

Шли годы. Кавказ вместе со всей страной расправлял богатырские плечи. Благоустраивались города, селения и аулы. В горах прокладывались дороги, строились в долинах санатории,

турбазы.

Пользуясь гостеприимством и радушием советских людей, иностранные туристы путешествовали по заоблачным перевалам Грузии и Кабардино-Балкарии, гуляли по аллеям тенистого парка в Орджоникидзе, любовались закатами на Крестовом перевале, не забывая при этом щелкать «лейками».

На прилавках книжных магазинов Германии в широком выборе предлагались путеводители по Кавказу с подробными картами, детальным описанием автомобильных дорог и извилистых чабанских троп.

В Дарьяльском ущелье, в русле реки Терек, лежит исполинских размеров гранитный валун. Объем его около 6 тысяч кубометров, вес — до 15 тысяч тонн. Он известен под названием «Ермоловский камень» и считается одним из величайших ледниковых валунов. По преданию, на этом камне русский генерал Ермолов подписал мирный договор с дагестанским ханом. Так вот, на немецких картах был обозначен и этот гранитный исполин, а на его лысой вершине — крошечный кустик, впившийся своими корнями в каменную расселину.

Известные немецкие исследователи — географы, картографы, топографы составили подробные карты Кавказа, особенно ледниковых областей Центрального хребта. Им помогали альпинисты из Баварии и Тиролии. По нескольку раз совершали они восхождения на вершины Эльбруса и Казбека, делали стереоскопические и панорамные съемки.

Я помню, в особом отделе штаба Закавказского фронта мне рассказали о двух довольно любопытных фактах.

Когда едешь по Баксанскому ущелью — одному из живописных мест Кабардино-Балкарии, то кажется, что попал в мир каменной сказки. Со всех сторон теснятся скалы, сложенные из древних кристаллических пород. Вскоре справа по пути начинает вырастать серая гора и окутанный дымкой город горняков — Тырныауз. Темные вершины, возвышающиеся над ним, как бы перекрывают ущелье, создавая впечатление, что город висит в воздухе.

С вершины горы по канатным дорогам торопятся на обогатительную фабрику вагонетки с рудой, а за облака, урча моторами, взбираются автомашины.

О Тырныаузе стало известно в 1934 году. Геологи искали здесь сурьму, мышьяк, золото, а нашли — молибден.

С этого момента изменилась жизнь Тырныауза. В горах вырос горнометаллургический комбинат.

Однажды сюда забрел тихий худощавый паренек. За кусок хлеба он таскал воду на кухню, колол дрова, подметал мостовую.

Чья-то добрая душа заметила парня.

— Хочешь работать горняком?

— Конечно, да вот неграмотный я и специальности никакой.

— Ничего, было бы желание, научим. У нас каждая пара рабочих рук сейчас на учете.

Зачислили парня в шахтерскую бригаду, через год стал помощником мастера. Аккуратно посещал ликбез, а затем — на вечерние курсы записался, семьей обзавелся…

И вот однажды «скромного» парня поймали с рацией. Он передавал сведения немецким альпинистам, которые шагали с альпенштоками в руках покорять Эльбрус. Оказалось, что «скромный» парень был матерым шпионом. В Германии он закончил горную академию, был крупным инженером по горным разработкам.

…Кто до войны из жителей Орджоникидзе не знал Мурзабека. Говорили про него, что в поисках счастья и золота отправился он со своим отцом Алиханом в Америку. Отец, так и не найдя счастливой доли, остался лежать где-то среди диких камней Аляски, а Мурзабека — потянуло на родину.

Был Мурзабек компанейским парнем: у кого свадьба, поминки — он тут, как тут. Нужны кому-то деньги, он одолжит. Ну, а не вернут — не беда. Он один — семьи нет.

Помнили Мурзабека тихоней, этаким увальнем-несмышленышем, а теперь — погляди… Знает толк в автомашинах, в один миг сможет починить швейную машинку «Зингер», разбирается в радиоприемниках.

— Побывал парень за границей, — говорили старики, — поглаживая седые бороды. — Научился там уму-разуму…

Никто плохого слова не мог сказать о Мурзабеке, да вот стали замечать за ним одну странность: уж больно набожный он стал какой-то, часто ходит на старое осетинское кладбище покойников поминать.

Ребята — народ дотошный. Выследили они однажды Мурзабека. Перемахнув через забор, сложенный из булыжника, он скрылся среди каменных памятников и ажурных решеток. Раздвинули ребята кусты сирени и видят: Мурзабек роется под треснувшей надгробной плитой.

Словно тень, скользнул мимо ребят Мурзабек, а они, заглянув под плиту, ахнули: в склепе лежат какие-то толстые кипы бумаги, рация, завернутые в промасленную бумагу пистолеты.

Мурзабек оказался агентом немецкой разведки.

Захват Кавказа — давняя мечта фашистской Германии. Готовясь к покорению его, гитлеровцы очень рассчитывали на нелояльность кавказских народов к Советской власти. Ставилась

задача — натравливать одну нацию на другую. Особенно надеялся захватчик на мусульманские народы. В своей книге «Россия в войне 1941–1945» английский журналист Александр Верт пишет: «Немцы все же установили контакт с некоторыми мусульманскими элементами на Северном Кавказе…».[7]

Забегая вперед, хочу ответить на это утверждение словами самих же горцев: «И в хорошем огороде гнилые тыквы бывают».

С отщепенцами, трусами, отдельными выродками и удалось гитлеровцам установить контакт. Что касается народов многонационального Кавказа, то они сражались в едином строю против фашистских оккупантов. Животворный советский патриотизм, горячая любовь к своей социалистической Родине и беззаветная преданность делу Коммунистической партии, жгучая ненависть к иноземным завоевателям — вот что характеризовало в годы Великой Отечественной войны все без исключения народы и народности Кавказа.

…Я часто думаю о трудных годах минувшей войны, о героической полосе в жизни советского народа, о колоссальной организаторской работе нашей партии.

С первых же дней войны перед советским народом, перед его боевым авангардом — Коммунистической партией встала первоочередная задача — мобилизовать все силы страны на отпор врагу, перестроить всю жизнь на военный лад.

В первом же обращении к советскому народу, в директиве Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня, в речи И. В. Сталина от 3 июля партия сказала народу о глубине нависшей опасности, откровенно раскрыла предстоящие трудности борьбы и в то же время уверенно заявила, что враг будет разбит, победа будет за нами.

Центральный Комитет указывал: «Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов… В навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти советского государства, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков — сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг Советского правительства для

самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы».[8]

Партия и правительство разъясняли широким массам народа, воинам Советских Вооруженных Сил, что Великая Отечественная война идет за светлое будущее человечества против фашизма, что советскому народу предстоит с оружием в руках защитить самый передовой прогрессивный строй, самую демократическую форму государственной власти, самую передовую культуру, социалистическую идеологию.

Для укрепления партийного руководства вооруженными силами, повышения роли политорганов, армейских парторганизаций Центральный Комитет провел ряд крупных организационных мероприятий. Кроме призыва в армию коммунистов по общей мобилизации ЦК компартий союзных республик, обкомы, крайкомы партии отобрали и отправили на фронт наиболее подготовленных в военном отношении коммунистов.

«За первые шесть месяцев войны в Красную Армию и Военно-Морской Флот пришло около миллиона коммунистов и более двух миллионов комсомольцев. Они были надежной опорой армейских партийных организаций».[9]

В зарубежной политической литературе нередко пишут о коммунистах, партийных работниках как о каком-то «особом», привилегированном слое нашего общества. Как человек военный, я могу сказать одно: я пожелал бы любой стране иметь таких «особых» людей, которые героически и беззаветно сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

Мне не раз приходилось разговаривать с прибывавшими в войска Закавказского фронта политбойцами. Эти люди несли в себе непоколебимую уверенность в нашей победе.

Большое значение в укреплении мощи Красной Армии и Военно-Морского Флота, в усилении партийно-политической работы в них имела проведенная Центральным Комитетом партии 16 июля 1941 года реорганизация политических органов в армии и введение института военных комиссаров. Главное управление политической пропаганды Красной Армии было преобразовано в Главное политическое управление. Ранее существовавшие в армии отделы и управления политической пропаганды превращались в политические отделы и управления. Расширились их права, повысилась роль в организации партийно-политической работы в армии, в руководстве боевой деятельностью войск.

Большую роль в укреплении боевого духа, организованности и дисциплины в войсках Закавказского фронта сыграли военные комиссары. Они руководили политической работой, сплачивали личный состав, укрепляли авторитет командиров, помогали им в

решении боевых задач. Политические органы и партийные организации воспитывали воинов в духе беззаветной преданности Советской Родине, личной ответственности за судьбу социалистического Отечества, глубокой веры в победу над фашизмом.

…Планируя захват Кавказа, гитлеровское командование преследовало не только военные и экономические цели. В докладе «имперского министра» по делам оккупированных восточных областей Альфреда Розенберга говорилось: «Задача Кавказа прежде всего является политической задачей и означает расширение континентальной Европы, руководимой Германией, от Кавказского перешейка на Ближний Восток».[10]

Во главе гитлеровской администрации на Кавказе должны были стоять «имперский покровитель по Кавказу», или «наместник Кавказа».

Военная оккупация Кавказа предусматривалась на длительный срок. Ставленник Розенберга на пост рейхскомиссара Кавказа Шикенданц в составленной записке «Краткий отчет организационного штаба „К“» («Кавказ») сообщил, что намечено создать пять больших управлений: Грузия, Азербайджан, Горный Кавказ, Кубань, Терек. Созданный задолго до этого организационный штаб «Кавказ» развернул активную деятельность. К работе были привлечены лица из белоэмигрантов. В подготовке оккупационного режима на Кавказе приняло участие и министерство иностранных дел Германии, которое подобрало грузинского «престолонаследника» в лице белоэмигранта князя Багратиона Мухранского.

«Претворением в жизнь плана „Эдельвейс“ гитлеровцы рассчитывали решить не только важную экономическую, но также и внешнеполитическую задачу… Через Кавказ немецко-фашистское командование надеялось установить непосредственный контакт с турецкой армией, которая продолжала готовиться к войне с СССР…

К 25 июля, когда началась битва за Кавказ, против войск Южного фронта, действовавших на кавказском направлении, наступала немецкая группа армий „А“ силами 1 и 4-й танковых и 17-й армий, выдвинувшихся к нижнему течению Дона и захвативших плацдармы на его левом берегу. 11-я немецкая армия, также входившая в состав этой группы, находилась в Крыму. Всего в полосе Южного фронта наступало 19 дивизий врага, что обеспечивало ему значительное численное превосходство над войсками Южного фронта».[11]

30 июля 1942 года войскам был зачитан приказ наркома обороны И. В. Сталина № 227 от 28 июля. В нем подчеркивалась

серьезность положения на фронте, указывалось на то, что «бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у Северного Кавказа, немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с нефтяными и другими богатствами». В приказе прямо говорилось: «Отступать дальше — значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину… Ни шагу назад без приказа высшего командования. Таков призыв нашей Родины».[12]

Приказ наркома обороны имел огромное значение в укреплении политико-морального состояния воинов, в воспитании у них железной воинской дисциплины и упорства в обороне.

В этот трудный момент Военный совет Закавказского округа поставил перед Ставкой Верховного Главнокомандования вопрос об образовании Закавказского фронта.

Ставка 15 мая утвердила это предложение, и с августа 1942 года Закавказский фронт становится действующим.

В конце августа из Москвы была получена директива Ставки, в которой предусматривалось создать на пути гитлеровских танковых колонн прочный оборонительный заслон. Этот вопрос решался еще год назад, когда враг за несколько дней сумел захватить Ростов-на-Дону. Но прежнее командование Закавказского округа, решая задачу по обороне Кавказа, выдвигало одно, на первый взгляд весьма обоснованное предложение — остановить наступление противника не на берегах Терека, а по Сулаку, у так называемых «Махачкалинских ворот».

Обсудив этот план в штабе фронта, мы пришли к выводу, что он лишает наши войска надежного плацдарма для маневра, обрекает их на пассивность. Отвод войск в район узких «Махачкалинских ворот» означал потерю грозненской нефти, большой территории Северной Осетии вместе с Орджоникидзе, откуда открывался прямой путь в Баку и Закавказье.

Свои соображения, а также новый план обороны Кавказа, принятый Военным советом Закавказского фронта, я передал в Москбу. Начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский ознакомил с ними И. В. Сталина и вскоре план, предусматривающий создание главного оборонительного рубежа по Тереку, был утвержден.

Ценное предложение высказали на заседании Военного совета работники оперативного отдела: оборону строить не только на своем берегу, но и на противоположном, обращенном к противнику.

Занимая позиции за водной преградой — на южном берегу

Терека, наши войска получили возможность вести наблюдение за действиями врага в долинах. Этот план был выгоден также в политическом и экономическом отношении: отстаивалась безопасность автономных республик Северного Кавказа — Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Дагестана, а также нефтяных промыслов и заводов Грозного.

Командующий Закавказским фронтом И. В. Тюленев. Лето 1942 года.

К этому времени Северо-Кавказский фронт был очень ослаблен. После неудач на Керченском перешейке его дивизии стали малочисленны, плохо оснащены техникой и вооружением.

Обстановка осложнялась тем, что все участки Северо-Кавказской железнодорожной магистрали от Ростова до Баку были буквально запружены эшелонами с заводским оборудованием, стройматериалами, боеприпасами. Путейцы работали с колоссальной нагрузкой, старались в первую очередь пропустить воинские эшелоны, составы с беженцами, но количество вагонов, стоявших на запасных путях, не

уменьшалось.

С болью в сердце смотрели мы на длинные серые эшелоны, сформированные из пульманов. Тысячи женщин, детей, стариков умоляли отправить их за Каспий. Лавина беженцев стала для нас в эти дни грозной опасностью. Скопление людей уже вызвало первые страшные признаки эпидемических заболеваний.

Нужно было принимать чрезвычайные меры. С помощью партийных организаций беженцы устраивались в колхозах, на предприятиях, часть — эвакуировалась в Красноводск, Среднюю Азию и дальше — на Восток.

Сообщения, поступавшие с равнинных степей Дона и Кубани, об отступлении наших войск в предгорьях Кавказа были тревожными. Но народ не падал духом, не терял веры в победу. В штаб фронта, в войсковые части приходило много писем от трудящихся автономных республик Северного Кавказа, Грузии, Армении, Азербайджана. В них выражалась горячая любовь к Родине, Коммунистической партии, к защитникам Родины.

В свою очередь, воины-кавказцы давали клятву народу: остановить врага, измотать его силы, выиграть время, накопить резервы для разгрома фашистских захватчиков.

Начав наступление на Кавказ, Гитлер рассчитывал внести раскол в многонациональную семью народов Кавказа, настроить их против русского народа. Но враг просчитался. Угроза, нависшая над городами, селениями, станицами и аулами Кавказа, еще теснее сплотила его народы в единую братскую семью, еще крепче связала их с великим русским народом.

Во многих городах Закавказья прошли собрания и митинги.

«Мы превратим в неприступные рубежи каждую горную тропу, каждое ущелье, где врага всюду будет подстерегать неумолимая смерть, — писали участники антифашистского митинга в Тбилиси в своем обращении к народам Закавказья. — Мы никогда не склоним голову перед хищными германскими разбойниками, какие бы тяжелые испытания ни пришлось нам перенести. Мы знаем, мы горячо верим, враг будет разгромлен!»

Сыны и дочери народов Закавказья и Северного Кавказа дали клятву верности партии, Родине. В середине августа сопротивление советских войск возросло, и темп продвижения противника резко снизился. 17 августа войска Приморской группы остановили фашистов в предгорьях западной части Кавказского хребта. В это время 37-я армия во взаимодействии с передовыми отрядами войск Закавказского фронта преградила путь врагу и на нальчикском направлении, организовав оборону по южному берегу реки Баксан.

Таким образом, планы гитлеровского командования по

окружению и разгрому советских войск между Доном и предгорьями Северного Кавказа сорвались. Верховное Главнокомандование своевременно усилило кавказское направление и создало сплошной фронт на рубеже рек Терек и Баксан в предгорьях Главного Кавказского хребта. Однако обстановка на Северном Кавказе продолжала оставаться чрезвычайно напряженной.

Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство через газету «Правда» обратились к воинам и трудящимся Кавказа со страстным боевым призывом: «Сейчас внимание нашего народа, народов всего мира обращено к Северному Кавказу. Грозовые тучи нависли над его снеговыми горами и предгорьями, над ущельями, долинами Кубани. Дым пожарищ вздымается над станицами и аулами.

Гитлеровские разбойники ворвались на просторы Северного Кавказа. Они рвутся к горам. Враг не знает, что Кавказ был всегда страной сильных и смелых народов, что здесь в борьбе за независимость народы рождали бесстрашных борцов, джигитов, что трусость слыла всегда здесь самым позорным преступлением.

Здесь, у подножья гор, воспитались поколения советских людей с львиным сердцем, с орлиными очами. Никогда не станут рабами гордые народы Северного Кавказа.

Пусть разнесется этот пламенный клич по всему Кавказу, — говорилось в призыве партии и правительства. — Пусть стократное эхо повторит его в предгорьях Эльбруса и Казбека. Пусть смерть станет преградой на пути гитлеровцев и в степях, и в горах!

Жители северокавказских равнин и горцы! Великими героическими традициями овеяны горы Северного Кавказа. Отважные и бесстрашные предки смотрят теперь на своих сынов и внуков. Не щадили своей жизни отцы, деды и прадеды, чтобы отстоять свободу и независимость своей земли, своих гор. Потомству своему передавали завет мужества и боевой чести. Пусть содрогнется враг перед ненавистью и местью воинов, народов Кавказа. Пусть перед их братской дружбой рассыплется фашистская разбойничья свора, живущая только грабежом и убийством беззащитных!..

Братья! Враг должен быть остановлен и разгромлен! Пусть исполнится сердце каждого железной решимостью: не сдавать врагу ни пяди священной земли! Не отступать! Бить врага и истощать его силы! Упорным сопротивлением подготовить почву для его разгрома! Выгнать врага с равнин Северного Кавказа, из его предгорий!».[13]

Народы Кавказа поднялись на священную войну против

гитлеровских захватчиков. В боевые ряды Красной Армии влились грузинские, армянские, азербайджанские национальные соединения, полки славных воинов-джигитов, сформированные из горцев.

Вместе с русскими в предгорьях Кавказа беззаветно сражались за Родину украинцы, белорусы, узбеки, таджики, туркмены, казахи и киргизы.

До глубины души каждого патриота дошли пламенные слова партии. Республики Северного Кавказа и Закавказья подчинили фронту всю свою работу. Десятки тысяч людей разных возрастов и профессий, разных национальностей вышли на строительство оборонительных рубежей. Титаническая работа не прекращалась ни днем, ни ночью. Чтобы представить, какой массовый героизм был проявлен патриотами тыла, я приведу лишь несколько убедительных цифр.

К осени 1942 года на Кавказе было построено около 100 тысяч оборонительных сооружений, вырыто 660 километров противотанковых рвов и 1939 километров ходов-сообщений.[14]

Края, области и автономные республики Северного Кавказа, республики Закавказья — Грузия, Армения, Азербайджан были превращены в единый боевой лагерь, который обеспечивал фронт всем необходимым. На территории Северного Кавказа действовали партизанские отряды, которые ни днем, ни ночью не давали покоя врагу. На территории Краснодарского края было создано 86 партизанских отрядов. В Ставропольском крае, в тылу врага, сражались сводные партизанские отряды четырех основных баз: Северо-Восточной, Восточной, Южной и Западной. Партизанское движение на Ставрополье возглавлял член ЦК КПСС, секретарь крайкома партии Михаил Андреевич Суслов. Успешно громили немецких егерей боевые партизанские группы в горах Карачаево-Черкесии.

Героический подвиг при обороне предгорий совершили трудящиеся Северного Кавказа и Закавказья. Они обеспечивали фронт продовольствием, снаряжением, боеприпасами. Рабочие Тбилиси, Баку, Грозного, Орджоникидзе день и ночь трудились, чтобы дать фронту минометы, автоматы, одежду; срочно ремонтировалась боевая техника.

В предельно короткий срок были созданы транспортные обозы, которые обеспечивали доставку к местам боев продовольствия и боеприпасов. Неоценимую помощь войскам оказали отряды опытных проводников.

Гневом и ненавистью были переполнены сердца народов Кавказа. Вот что писали тогда седобородые горцы в своем письме к народам Кавказа:

«Второй год немецкие злодеи и убийцы разрушают нашу Советскую страну, терзают беззащитных стариков, женщин и детей. Сегодня гитлеровские солдаты — это сброд грабителей и душегубов, которые ценою огромных потерь проникли в предгорья нашего родного Кавказа. За гитлеровской армией волочится кровавый след убийств и насилий. Бешеные псы рвутся на наш Кавказ, чтобы захватить нашу нефть, наш хлеб, наш скот, наши горные богатства. Туда, куда проникла гитлеровская армия, вместе с нею пришли черная смерть, огонь пожаров, ужас разрушений…

Фашистские агенты и провокаторы распространяют слухи о якобы хорошем отношении немцев к горским народностям. Ложь, наглая ложь! Гитлеровцы одинаково ненавидят все народы Советского Союза — и кабардинцев, и русских, и осетин, и чеченцев, и ингушей, и украинцев; всех нас, советских людей, гитлеровские разбойники считают низшей расой; всем нам они несут смерть, нищету и рабство. Истреблению и уничтожению подвергаются одинаково и русские станицы, и горские аулы, и украинские города, и белорусские деревни.

Мы спрашиваем вас: можем ли мы допустить, чтобы немецкие разбойники грабили наши селения, убивали наших стариков, женщин и детей, поработили наши свободолюбивые народы? Как горные реки не потекут вспять, как прекрасное солнце не перестанет светить над нашей землей, так и черные тучи фашизма никогда не покроют наши Кавказские горы. Не бывать фашистам хозяевами над нашим Кавказом, над нашей Советской Страной…

Слушайте нас, своих стариков! Поднимайтесь все, как один, мужчины и женщины, старики и дети! Берите любое оружие, бейте, уничтожайте фашистов, которые не знают, что такое человеческая совесть!

Кавказец, где бы ты ни был, — в рядах Красной Армии или в партизанском отряде, на колхозном поле или на заводском дворе, — помни, что ты каждый час, каждую минуту должен в бою и труде истреблять ненавистного врага.

Братья и сестры временно оккупированных районов Кавказа! Поднимайтесь на Гитлера и его бандитов, вступайте в партизанские отряды, не давайте фашистской сволочи ни воды, ни хлеба, разрушайте дороги, мосты, громите штабы немецких армий, убивайте их офицеров и солдат, будьте подлинными народными мстителями. Верьте, победа будет за нами. Мы знаем, что наша сила в неразрывной дружбе между собой, в братской помощи нам со стороны великого русского народа».[15]

* * *

Опьяненные временными успехами, захватом большой территории немецко-фашистские главари поторопились сделать выводы, что мощь советской экономики, моральный дух народа и его Вооруженных Сил окончательно подорваны. Они заявили, что Советская Армия не в состоянии остановить их победоносное продвижение и тем более перейти от оборонительных действий к наступательным.

Мощные радиостанции Берлина под бравурные марши военных оркестров выплескивали на весь мир сообщения о том, что победа Гитлера над советскими войсками — дело ближайших дней. В сводках немецкого командования, которые специально читал гитлеровский диктор генерал Дитмар, отмечалось, что наступление на юге протекает так же успешно, как оно шло на Дону и Кубани. Задача захвата богатых нефтяных районов Грозного и Баку практически почти решена. Недалек час падения всего Кавказа.

Идеолог гитлеровской пропаганды Геббельс, выступая в Мюнхене перед высшим офицерским составом, сказал: «Мы заняли страну на Востоке не только для того, чтобы ею обладать, но и для того, чтобы организовать ее прежде для себя. Мы ведем войну за уголь, железо, нефть… Если к назначенному нашим командованием времени закончатся бои на Кавказе, мы будем иметь в своих руках богатейшие нефтяные области Европы. А кто обладает пшеницей, нефтью, железом и углем — тот выиграет войну».[16]

Передо мною старая немецкая трофейная карта, на которой нанесены схемы боевых действий на территории Северного Кавказа. Но даже если бы такой карты сейчас не существовало, все равно я отчетливо помню театр военных действий осенью 1942 года.

Немецко-фашистские войска, нацеленные на Кавказ, были объединены в группу армий «А», которой до октября 1942 года командовал фельдмаршал Лист. Затем руководство перешло в руки генерал-полковника Клейста.

Имя Эвальда фон Клейста в то время было хорошо известно в Германии. Потомок нескольких поколений прусских генералов, участник первой мировой войны, похода по дорогам Франции. Гитлер считал, что Клейст — самая подходящая фигура для проведения операции «Эдельвейс». Его стратегическим кредо была знаменитая «теория Канн», а своими учителями он считал немецких теоретиков военного искусства — Мольтке и Шлиффена. Клейст утверждал, что самые эффективные методы

ведения современного боя — мощные таранные танковые удары. Он сумел внушить это Гитлеру и тот благословил его танковый поход на Кавказ.

Первое время лавина гитлеровских танков, лязгая стальными гусеницами, уверенно продвигалась вперед. Первое поражение колонне Клейста было нанесено под Ростовом в конце ноября 1941 года. Войска Южного фронта сильно потрепали танковую армаду.

Неудача под Ростовом была болезненно воспринята не только Клейстом, но и самим фюрером. Поэтому к новому наступлению «танковый генерал» готовился очень тщательно, чтобы восстановить свой поколебленный престиж. Для этого изучалось расположение советских войск, уточнялись маршруты движения, схемы дорог, мостов.

Танкам Клейста удалось ворваться в Цимлянскую, Константиновскую, Новочеркасск, овладеть Батайском, Ростовом. Успешное продвижение на юг окрыляло Клейста.

Вскоре за ведение операции он получает пост главнокомандующего группой армий «А». К предгорьям Кавказа шли десятки опытных дивизий, и главнокомандующий полагал, что стоит только пройти ставропольские степи и притеречные долины, дальше его танковую армию уже никто не сможет остановить. А там — Орджоникидзе, нефтяные промыслы Грозного и Баку, Закавказье, Черноморское побережье…

Первая танковая армия Клейста состояла в это время из отборных кадровых дивизий: 3-й танковой дивизии генерал-майора Герра и 23-й танковой дивизии генерала фон Макка.

В группу Клейста входила и 17-я полевая армия под командованием генерал-полковника Руоффа. Она состояла из 12 дивизий, разделялась на корпуса и особые группы. Армия Руоффа имела превосходное оснащение, была закалена в боях, хорошо вооружена. Она отличалась мобильностью, так как располагала большим парком автомашин, тягачей, бронетранспортеров.

Клейсту были подчинены также румынские войска: 5, 6 и 9-я кавалерийские дивизии, 2 и 3-я горнострелковые и 19-я пехотная.

Гитлеровские стратеги учитывали, что на их пути будет не только героизм, мужество и отвага советских воинов, но и сопротивление партизан, жителей городов, селений, станиц и аулов. Каждый куст, камень, овраг таили за собой сопротивление. А впереди — на горизонте, угадывались высочайшие вершины Кавказа — Эльбрус, и Казбек, заоблачные перевалы. Поэтому для ведения боевых операций на высокогорных участках Кавказа в группу армий «А» вошел 49-й горнострелковый корпус генерала Рудольфа Конрада. Здесь были сосредоточены лучшие альпийские

дивизии: 2 и 4-я горнострелковые и 97 и 102-я горноегерские.

1-й горнострелковой дивизией, именовавшейся «Эдельвейс», командовал генерал-лейтенант Ланц. В прошлом опытный альпинист, Ланц не раз покорял альпийские, гималайские и кавказские «многотысячники». Со своими вымуштрованными горными стрелками он успешно прошел по перевалам Европы.

Дивизия «Эдельвейс» была гордостью армии рейха. Репортеры кинохроники снимали ее среди голубых ледников и альпийских снегов Швейцарии, во французских Альпах; цветные фотографии «снежных барсов» печатались в самых лучших журналах Германии рядом с кинозвездами, конструкторами самолетов и танков. Клейст верил, что они прорвутся через перевалы Кавказа и спустятся к лазурному берегу Черного моря.

Гитлеровское командование выпустило специальное обращение к стрелковому альпийскому корпусу: «Альпийские егеря германской армии сражались под Нарвиком, сидели в дотах на линии Матаксеса, штурмовали Крит. Ныне они станут героями Кавказа… Дух немецкого горного стрелка должен вечно жить в наших гордых егерях, идущих на штурм великого хребта Кавказа».[17]

С «эдельвейсами» соперничали солдаты 4-й горнострелковой дивизии. В нее набирались только тирольцы, для которых альпинизм, скалолазание были любимым занятием, а отвесные склоны и бездонные пропасти — родной стихией.

На знаменах этих дивизий рядом с фашистской свастикой красовался серебристый цветок эдельвейс. Горные стрелки получали специальное альпийское снаряжение, легкие переносные пушки и минометы, спальные мешки, компасы, рации, кислородные маски, защитные очки и др.

В начале войны 97 и 101-я горноегерские дивизии считались обычными пехотными. Вступив в предгорья Кавказа, оба соединения получили альпийское снаряжение и пополнили 49-й горнострелковый корпус генерала Конрада. Сюда же входили еще две горнострелковые румынские дивизии.

В резерве немецких войск группы армий «А» находились засекреченные части «Зондерштаб» «Ф» под командованием генерала Фельми. Мы тогда мало знали об этих таинственных частях. Переходы они совершали вслед за группой Клейста только ночью, ни в какие бои не вступали. Говорили, что эти части имеют в своем составе кавалерию, танки, артиллерию, авиацию.

Вскоре наша разведка выяснила, что это так называемый «африканский» корпус «ЦБФ» — «Для особого назначения». Он формировался в Греции и шел на соединение с войсками генерала Роммеля, которые действовали в это время в Египте. В

состав корпуса входило три моторизованных батальона, один танковый батальон, один артиллерийский дивизион, авиаотряд и ряд других частей. Кроме того, он получил на усиление кавполк и один танковый батальон. Корпус комплектовался из авантюристов разных национальностей Европы, владевших английским, французским и арабским языками. У корпуса Фельми была даже своя эмблема: в овале, на желтом фоне изображалось восходящее солнце, пирамида и склоненная пальма. Внизу — черная свастика и загадочная буква «Ф».

Действия войск Клейста поддерживал также 4-й воздушный флот, которым командовал «первый ас» Германии генерал-фельдмаршал Рихтгофен. Он считался одним из наиболее талантливых генералов авиации рейха. Летом 1942 года Гитлер присвоил ему звание генерал-полковника и поручил ответственное задание — прикрывать с воздуха войска Паулюса и Клейста, которые двигались к Сталинграду и на Кавказ.

4-й воздушный флот насчитывал свыше тысячи современных самолетов. В этой мощной армаде находились лучшие асы Германии. На фюзеляжах «рыцарей воздуха» были намалеваны головы драконов, черепа, тигриные когти, женские ножки.

На огневой позиции в горах Кавказа.

Имея аэродромы и взлетные полосы в Армавире, Краснодаре, Майкопе, Элисте и в других городах Кавказа, генерал-полковник Рихтгофен осуществлял широкий маневр, бросая самолеты 4-го воздушного флота то на населенные пункты Кавказа, то на Сталинград — в зависимости от хода операций Паулюса и Клейста.

Словно «стальная саранча» фашистские самолеты кружились над боевыми порядками советских войск, над городами,

селениями, станицами, железнодорожными станциями. В то время германские стратеги хвастливо заявляли, что господство в небе принадлежит им, а «воздушная война — это чисто немецкая форма боя».

Но мы верили, что недалек тот час, когда наши летчики будут хозяевами в небе Кавказа…

* * *

Учитывая напряженную обстановку на Северном Кавказе, в середине августа 1942 года Ставка Верховного Главнокомандования в короткий срок произвела перегруппировку войск Закавказского фронта.

Войска 44-й армии из района Махачкалы, Баку были выдвинуты к оборонительным рубежам на реках Терек, Сулак и Самур. В то же время на рубеж рек Терек и Урух с советско-турецкой границы и с Черноморского побережья были переброшены 89, 151, 389, 392 и 417-я стрелковые дивизии, 151-я танковая бригада, 3 и 51-я стрелковые бригады, 62-я морская стрелковая бригада, три артиллерийских полка, бронепоезд и несколько других частей. Из района Ленинакана для усиления обороны на прохладненском направлении в состав 9-й армии была переброшена 61-я стрелковая дивизия.

Кроме того, по указанию Ставки Верховного Главнокомандования, чтобы сдержать противника перед главным оборонительным рубежом, выдвигались передовые отряды на рубеж Кума и Малка. Эти отряды, не встретив противника, вышли значительно севернее указанных им рубежей и заняли оборону на восточном берегу Кумы.

Одновременно с организацией перегруппировки для усиления войск Закавказского фронта из резерва Ставки выделялись значительные силы. Закавказский фронт получил 2 гвардейских стрелковых корпуса — 10-й (4, 5, 6, 7-я гвардейские стрелковые бригады), 11-й (8, 9, 10-я гвардейская стрелковые бригады) и 11 отдельных стрелковых бригад (4, 19, 57, 59, 60, 62, 84, 107, 119, 131 и 256-я).

Сосредоточение крупных сил для обороны по рекам Терек и Урух на фронте протяженностью около 420 километров и большое удаление штаба фронта от этого рубежа потребовали создания отдельного органа управления. Ставка Верховного Главнокомандования приказала 8 августа создать Северную группу войск Закавказского фронта. В эту группу вошли 44-я армия, имевшая в своем составе 414, 416 и 223-ю стрелковые

дивизии, 9 и 10-ю стрелковые бригады; 9-я армия в составе 389, 151 и 392-й стрелковых дивизий и 11-й гвардейский стрелковый корпус (8, 9, 10-я гвардейские стрелковые бригады).

Командующим Северной группой войск был назначен генерал-лейтенант И. И. Масленников, членом Военного совета — генерал-майор А. Я. Фоминых и начальником штаба — генерал-майор А. А. Забалуев.

Резерв командующего группой составляли 89 и 417-я стрелковые дивизии, 52-я танковая бригада, 36 и 42-й дивизионы бронепоездов, 50-й гвардейский минометный полк реактивной артиллерии и 132-й минометный полк. Позднее в Северную группу войск была включена 37-я армия.

Создание Северной группы войск облегчило руководство войсками, оборонявшими Кавказ с севера.

Так, в первой половине августа 1942 года войска Закавказского фронта перегруппировали свои силы и организовали оборону Кавказа с севера. На Северном Кавказе была создана вторая линия обороны по рекам Терек и Урух и на перевалах центральной части Главного Кавказского хребта. Особое внимание при этом уделялось надежному прикрытию бакинского направления и подступов к Грозному, как наиболее вероятных и доступных для войск противника.

…Три десятилетия прошло с того дня, но я всегда с чувством большого уважения вспоминаю имена военачальников, работников штаба, политорганов Закавказского фронта, Северной группы войск, всех боевых друзей, с которыми поровну делились радость побед и горечь промахов и ошибок.

Большим авторитетом пользовался член Военного совета фронта генерал-майор П. И. Ефимов. Опытный партийный работник, он обладал глубокой принципиальностью, настойчивостью, неоценимым даром зажигать сердца людей, увлекать их на подвиги. Мне нравились и другие его качества: чуткость к товарищам и в то же время — непримиримость к зазнайкам. П. И. Ефимов прекрасно разбирался в боевой обстановке; короткие минуты затишья между боями он использовал, чтобы встретиться с бойцами, поговорить по душам, рассказать о положении на фронтах, о задачах воинов-кавказцев.

Высокие организаторские способности в боях за Кавказ проявили многие военачальники: генерал-майор танковых войск А. И. Дементьев, начальник связи фронта генерал-майор И. Ф. Королев, начальник артиллерии генерал-полковник В. И. Пестов, генерал-лейтенант авиации Н. Э. Глушенков, генерал-полковник авиации К. А. Вершинин, начальник тыла генерал-лейтенант интендантской службы Н. А. Найденов, работники оперативного

отдела во главе с генерал-майором С. Е. Рождественским.

На вооружении наших замечательных политработников — Л. И. Брежнева, А. Я. Фоминых, М. К. Видова, Н. В. Старшинова и других были и штык, и правдивое слово нашей партии.

Начальник политотдела 18-й армии Леонид Ильич Брежнев, находясь у десантников Черноморского флота, вместе с командирами проверял боевую готовность к смелым и неожиданным операциям, интересовался жизнью бойцов, их моральным духом.

Л. И. Брежнев часто проводил беседы с воинами, совещания с командирами и политработниками, бывал на партийных и комсомольских собраниях, вручал молодым коммунистам партийные билеты.

Однажды катер, на котором шел на Малую землю начальник политотдела 18-й армии Полковник Л. И. Брежнев, наскочил на мину. Взрывной волной Л. И. Брежнева выбросило в море, и он потерял сознание. Благодаря смелости и находчивости матросов жизнь начальника политотдела была спасена.

К сожалению, у нас часто менялись начальники штабов фронта. За короткий период на этом ответственном посту сменилось несколько человек. Возглавлял штаб А. И. Субботин. Его сменил П. И. Бодин, затем — А. И. Антонов. Но каждый из них внес свой вклад в разработку планов обороны Кавказа.

Алексей Иннокентьевич Антонов являлся одним из крупных штабных работников Советских Вооруженных Сил. Участник боев против Деникина, член партии с 1928 года, он прошел большой путь военной службы от начальника штаба дивизии до начальника штаба округа. В августе 1941 года А. И. Антонов был назначен начальником штаба Южного фронта. На этом посту он находился до середины 1942 года. В начале 1943 года Алексей Иннокентьевич был назначен первым заместителем начальника Генерального штаба, а в феврале 1945 года возглавил Генеральный штаб.

Много сложных проблем пришлось решать начальнику инженерных войск Закфронта генералу А. В. Бабину. Этот неутомимый человек, крупный специалист инженерного дела сумел на практике показать свои незаурядные способности. Весь свой богатый опыт отдавал порученной ему работе, делал все, чтобы наглухо закрыть подступы к Северному Кавказу для танковых колонн и моторизованной пехоты врага.

Однажды генерал А. В. Бабин обратился в штаб фронта с просьбой — срочно выделить взрывчатку, которая требовалась для подрывных работ. Дело, как говорят, «горело», а ожидание, пока взрывчатка придет с Урала через Каспий на Кавказ, означало

провал задуманной операции. Совместно с руководством Бакинской партийной организации генерал Бабин организовал производство взрывчатки в Баку.

В короткий срок в предгорьях были возведены инженерные оборонительные сооружения, опоясавшие Кавказский театр военных действий. Это были недели, которые никогда не забудутся. Люди работали до изнеможения, тряпками обматывали кровавые мозоли на руках, оставались без пищи и сна по нескольку суток, выдерживали массированные налеты вражеской бомбардировочной авиации, ночами работали при луне и при свете костров.

Меня окружали люди и старше, и моложе по возрасту, сроку службы в рядах Советской Армии, разные по складу характера, спокойные и рассудительные, порывистые и темпераментные. Большие и малые военачальники составляли четкий слаженный ансамбль, без которого невозможна основанная на глубоком доверии и взаимопонимании работа всех звеньев управления войсками.

* * *

Вопросы руководства войсками Закавказского фронта постоянно находились в центре внимания ГКО, Ставки Верховного Главнокомандования, Генерального штаба.

Как известно, 10 июля 1941 года была перестроена система руководства вооруженными силами. Государственный Комитет Обороны преобразовал Ставку Главного Командования в Ставку Верховного Командования. В состац Ставки вошли: И. В. Сталин, В. М. Молотов, маршалы С. К. Тимошенко, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Б. М. Шапошников, генерал Г. К. Жуков.

В совместном постановлении Президиума Верховного Совета СССР, Центрального Комитета ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров СССР 30 июня 1941 года говорилось: «Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, признали необходимым создать Государственный Комитет Обороны под председательством т. Сталина И. В.

В руках Государственного Комитета Обороны сосредоточивается вся полнота власти в государстве. Все граждане и все партийные, советские, комсомольские и военные органы обязаны беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны».[18]

Рабочим органом Ставки был Генеральный штаб. Он квалифицированно осуществлял подготовку новых формирований, умело и оперативно разрабатывал проекты директив и приказов Верховного Главнокомандования, руководил работой главных штабов различных видов вооруженных сил и родов войск.

Большое внимание обороне Северного Кавказа и Закавказья уделял Верховный Главнокомандующий.

Еще в 1938 году при моем назначении на должность командующего войсками Закавказского военного округа И. В. Сталин несколько раз настойчиво подчеркнул:

— Тщательно готовьте войска, товарищ Тюленев. В будущем в этом районе возможен и горный театр военных действий… Горная война — это сложное дело. Она обусловлена рядом существенных факторов — бездорожьем, высокогорьем, плохим снабжением боеприпасами, продовольствием. Как можно лучше в деталях изучайте методы ведения альпийской войны.

Я родился и вырос на Кавказе и знаю, что значит в горах смекалка, твердость духа, трезвый расчет… Эти качества и должны быть у ваших воинов. А главное на Кавказе — это дороги. Горцы правильно говорят: «Когда есть дорога, горы и равнины по-соседству живут». Все дороги и перевалы Кавказа у вас должны быть под строгим контролем.

Конечно, для Сталина Кавказ — «колыбель». Но вся последующая жизнь И. В. Сталина связана с Россией, с многонациональной страной Советов.

Лично я познакомился с И. В. Сталиным еще в годы гражданской войны. Помню, штаб Первой конной размещался в селе Великая Михайловка Старо-Оскольского района. К нам прибыло командование Южным фронтом: А. И. Егоров и И. В. Сталин. Они знакомились с состоянием войск, беседовали с командирами и бойцами. Я тогда выполнял обязанности начальника разведки армии.

Знакомясь со мной, Сталин спросил полушутя:

— Что, Тюленев, где лучше, в кавалерии или в разведке?

— Конечно в кавалерии, товарищ член Реввоенсовета, — ответил я. — Порой так бывает, подает трубач сигнал: «Седлать коней», а у меня, как у лошади, ноги тоже начинают выделывать пируэты. Привык к седлу.

Ответ, вероятно, понравился Сталину. Он весело рассмеялся.

После этого мне приходилось еще много раз встречаться и беседовать с И. В. Сталиным: в Кремле, на совещаниях, на заседаниях командующих военными округами, у него на даче. На все время врезалась в память одна черта его характера —

исключительная простота и скромность.

В 1939 году, после освободительного похода в Западную Украину, я был вызван в ЦК и принят Сталиным. Он внимательно расспрашивал меня о том, как проходил поход, о трудностях его, об отношении населения Западной Украины к Красной Армии и Советской власти, задавал на первый взгляд второстепенные вопросы. В конце беседы он одобрительно сказал:

— Вы правильно поняли политику нашей партии, когда вас назначали на должность командующего механизированной группой войск в Западной Украине. У вас была задача — двинуться навстречу немецко-фашистским войскам, остановить их продвижение на Восток, обеспечить безопасность населения.

Люди, какой бы национальности они ни были, должны почувствовать коренную разницу между Красной Армией и полчищами захватчиков. Наша армия — армия-освободительница. Этот ленинский завет должен помнить каждый боец и командир.

…Но я снова возвращаюсь к своей мысли — о горной войне. 20 августа 1942 года И. В. Сталин в директиве Ставки Верховного Главнокомандования, словно чувствуя сложность создавшейся обстановки, еще раз напомнил тот разговор о трудностях горной войны: «Противник стремится вторгнуться в пределы Закавказья и для достижения этой цели не ограничится действиями крупных сил на основных операционных направлениях.

Враг, имея специально подготовленные горные части, будет использовать для проникновения в Закавказье каждую дорогу и тропу через Кавказский хребет, действуя как крупными силами, так и отдельными группами… Глубоко ошибаются те командиры, которые думают, что Кавказский хребет сам по себе является непроходимой преградой для противника. Надо крепко запомнить вам, что непроходимым является тот рубеж, который умело подготовлен для обороны и упорно защищается. Все остальные преграды, в том числе и перевалы Кавказского хребта, если их прочно не оборонять, легко проходимы, особенно в данное время года.

Исходя из этого, Ставка требует наряду с созданием прочной обороны на основных операционных направлениях немедленно усилить оборону Главного Кавказского хребта и особенно Военно-Грузинскую, Военно-Осетинскую и Военно-Сухумскую дороги, исключив всякую возможность проникновения противника на этих направлениях».[19]

Осуществляя свой план, командующий группой армий «А» Клейст приказал генералу Конраду силами 1 и 4-й альпийских дивизий выйти на Главный Кавказский хребет и захватить

основные горные перевалы. К 14 августа части горнострелковой дивизии «Эдельвейс» генерала Губерта Ланца продвинулись в районы Верхняя Теберда, станиц Зеленчукская и Сторожевая. Егеря дивизии генерал-майора Эгельзеера заняли станицу Ахметовскую и начали движение на перевалы.

Самый удобный и короткий путь на Сухуми, Кутаиси лежал через Клухорский, Марухский и Санчарский перевалы, причем преодолеть их легче было в летнее время. Поэтому сюда и были брошены главные силы 49-го горнострелкового корпуса противника. В связи с тем, что центральный район Закавказского фронта, проходивший по высокогорной цепи Главного Кавказского хребта, оборонялся незначительными силами, врагу удалось занять перевалы Клухор, Санчаро, Марухский и кое-где выйти на их южные склоны.

Создалась угроза прорыва противника к морю. Фашисты находились всего в 30–40 километрах от столицы Абхазии — Сухуми.

Анализируя сейчас причины захвата врагом этих важных перевалов, следует сказать, что в этом была немалая доля вины командования и штаба Закавказского фронта, опрометчиво решивших, что перевалы сами по себе недоступны для противника. Некоторые из нас считали главной задачей войск фронта — оборону Черноморского побережья, где были развернуты основные силы 46-й армии. А она, в свою очередь, неправильно организовала оборону перевалов и попросту «проспала» их. Врага нужно было встретить на склонах гор, а не ждать пока он поднимется.

На эльбрусском направлении бои начались в середине августа. Передовые отряды немецкой горнострелковой дивизии «Эдельвейс» к 18 августа с боями вышли на южные склоны Эльбруса, захватили перевалы Хотю-тау, Чипер-азау и туристские базы «Кругозор» и «Приют одиннадцати».

На заоблачной вершине Эльбруса гитлеровцы решили установить свой флаг. К этой символической операции они готовились давно и тщательно. Для подъема флага на Эльбрус они выделили несколько альпийских рот. Кинооператоры армейской хроники должны были запечатлеть на пленку водружение флага на вершине. Всю эту процедуру намечалось показать на экране Гитлеру.

Фашистская пропаганда рекламировала это событие как чрезвычайный подвиг. Берлинские газеты писали: «Покоренный Эльбрус венчает конец павшего Кавказа».

21 августа горные стрелки подняли на Эльбрусе фашистский флаг, но развеваться ему над высочайшей вершиной Кавказа

пришлось недолго. Группа советских воинов-альпинистов ночью в снегопад и сильный мороз под командованием военинженера 3-го ранга А. М. Гусева с боем прорвалась на вершину двуглавого великана, и на ней затрепетал алый советский флаг…

Попытку противника спуститься в Баксанское ущелье к верховьям горной реки Ингури отразили подразделения 8-го моторизованного полка НКВД и 63-й кавалерийской дивизии. Враг был отброшен к «Приюту одиннадцати», перевалу Чипер-азау и перешел к обороне.

…Опережая события, хочется сказать о комсомольцах и молодежи Кабардино-Балкарии, по инициативе которых в Приэльбрусье после войны открыт самый высокогорный в нашей стране музей боевой славы. Его экспонаты — многочисленные фотографии, карты, личные вещи, дневники и письма командиров, бойцов и политработников рассказывают о защитниках Кавказа, об их ратных подвигах на заснеженных и ледяных склонах Эльбруса. Ежегодно в Приэльбрусье, которое стало сейчас всемирно известной зоной отдыха, собираются бывшие воины-кавказцы. Они вспоминают минувшие боевые дни и совершают восхождение на вершину Эльбруса.

Не забыт и подвиг защитников Марухского перевала. По решению комсомольцев Карачаево-Черкесии и Грузии среди вечных льдов сооружен памятник Славы, а сам Марухский перевал стал не просто перевалом на туристском маршруте, а перевалом-памятником.

Но вернемся снова к событиям, которые происходили осенью 1942 года в предгорьях Кавказа.

16 августа наши части под давлением превосходящих сил противника отошли на Пятигорск. Отбивая ожесточенные атаки, они нанесли врагу значительные потери. 20 с лишним танков, бронетранспортеры, автомашины и свыше тысячи трупов оставили гитлеровцы на подступах к городу.

К этому времени фашистские войска усилили нажим на Прохладную.

По указанию Ставки против наступавших частей противника были выдвинуты два передовых отряда: майора Корнеева в составе четырех мотострелковых рот и шести орудий и генерал-майора Тимофеева, в который входили Ростовское артиллерийское, Новочеркасское кавалерийское училища, две пулеметные роты Орджоникидзевского пехотного училища, курсы «Выстрел», мотострелковый и минометный батальоны, 12-й учебный мотополк.

Эти отряды заняли оборону на участках Покойное — Архангельское и вдоль реки Кума до станции Минеральные Воды.

Передовые части 1-й танковой армии противника пытались с ходу форсировать реку Куму в районе Минеральных Вод, но встретили упорное сопротивление курсантов Новочеркасского училища. За два дня боев курсанты подбили 10 танков и уничтожили свыше 200 немецких автоматчиков.

Противнику удалось расчленить боевые порядки 11-й дивизии НКВД и ворваться в Пятигорск. Дивизии пришлось отступить, а новочеркасцы оказались в окружении. Но курсанты во главе с полковником И. П. Калюжным сумели с боями прорваться из окружения и заняли оборону на новом рубеже.

Бои в районе Пятигорска продолжались до 25 августа. Здесь и в боях под Прохладным, Моздоком, Малгобеком, а также на других участках фронта советские воины совершили немало героических подвигов.

Огромный урон противнику нанесли летчики эскадрильи гвардии капитана Н. К. Наумчика из 42-го гвардейского истребительного авиационного полка. Однажды пять «яков», возглавляемые капитаном Наумчиком, подверглись атаке девяти «мессершмиттов». Советские летчики смело вступили в неравный бой. Наумчик сбил два самолета, но и его машина была подбита, а сам он получил тяжелое ранение. Несмотря на это, он сумел дотянуть истребитель до своего аэродрома.

Гвардии лейтенант Ф. З. Калугин в боях под Моздоком сбил два «Фокке-Вульфа». Зенитная артиллерия врага подбила его самолет. Калугин посадил изрешеченную машину в расположении противника, перешел линию фронта, перебрался на противоположный берег Терека и через четыре дня снова был в своей части.

Н. К. Наумчику и Ф. З. Калугину было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

1 сентября бронетанковые и пехотные части врага начали распространяться в направлении Кизляра с целью перехвата очень важной коммуникации — железной дороги Кизляр — Астрахань. Вслед за этой операцией немецко-фашистские войска приступили к форсированию Терека в районе Моздока. Несмотря на боевые действия нашей авиации и артиллерии, врагу удалось дополнительно переправить на южный берег реки свыше батальона пехоты и до двух минометных батарей. Однако атака противника была отбита, и в течение дня правый берег Терека на этом участке заняли наши войска.

Этот маневр немецко-фашистского командования был отвлекающим. Цель его состояла в том, чтобы оттянуть советские войска от Моздока и нанести главный удар по нашим группировкам, которые занимали оборону в окрестностях этого

небольшого городка.

…Моздокские степи — хлебная житница Северной Осетии. Отсюда республика получала большое количество зерна; здесь под щедрым солнцем созревали овощи, фрукты, паслись тучные колхозные отары. В тот год урожай в Моздокских степях выдался отменным, но ведь недаром говорят, не тот урожай, что на полях, а тот, что в закромах. С болью в сердце смотрели бойцы — вчерашние земледельцы — на опустошенные и проутюженные гитлеровскими танками поля, на бурые клубы дыма, поднимавшиеся над золотистыми нивами, на развороченные авиабомбами трассы оросительных каналов.

7 сентября в районе Моздока наши войска внезапным ударом разгромили штаб немецкой части, уничтожили батарею и 23 танка. Большой урон противнику нанесли гвардейцы на следующий день, когда под прикрытием сильного артиллерийского огня и поддержке авиации он начал переправу через Терек и двинулся на поселок нефтяников — Малгобек. Только на одном этом участке за пять дней боев было уничтожено 90 танков, 20 крупнокалиберных орудий и более двух тысяч немецких солдат и офицеров.

1942 год. Командующий Закавказским фронтом генерал армии И. В. Тюленев ставит боевую задачу командирам.

В этих операциях отличился батальон морской пехоты под командованием уроженца Северной Осетии капитан-лейтенанта Цаллагова. В марте 1972 года П. К. Цаллагову — первому из осетин — присвоено звание контр-адмирала.

Вот как рассказывается о подвиге моряков в книге Маршала Советского Союза А. А. Гречко «Битва за Кавказ».

«На окраине хутора Гвардейский нашими разведчиками был

взят в плен офицер 370-й пехотной дивизии. Он показал, что десантная группа „Блиц“ в составе двух усиленных пехотных полков при поддержке 30 танков на рассвете должна переправиться на южный берег Терека с задачей захватить Вознесенскую. Колонна танков должна была обойти с востока господствующую высоту и подавить ее стремительной атакой с тыла. Захват этой высоты должен явиться сигналом для ввода в наступление главных сил и резерва армейского корпуса. На узком участке, где оборонялся батальон морской пехоты под командованием капитан-лейтенанта П. К. Цаллагова, намечалось ввести в бой до 100 танков 3-й танковой дивизии и 2 дивизиона штурмовых орудий.

Капитан-лейтенант Цаллагов оборудовал свой наблюдательный пункт на господствующей высоте, которую моряки назвали „Крейсер“. Было ясно, что эта высота во многом будет решать судьбу Терского хребта.

В 5 часов утра 4 сентября началось наступление группы „Блиц“ — на три дня раньше, чем намечалось по плану. Очевидно, командир этой группы полковник Либендорф настоял на этом по причине исчезновения немецкого офицера, знавшего о плане наступления.

Противник бросил в бой около 100 танков. На большой скорости танки подошли к подножью Терского хребта. Подъем становился все круче, и тут они были встречены залпами с высоты „Крейсер“. Первые же выстрелы пушек 47-го гвардейского истребительного дивизиона и стоящих в укрытии танков заставили противника повернуть назад. Но скоро вражеская атака возобновилась. Несколько часов продолжался жестокий бой за высоту „Крейсер“. Несмотря на ожесточенные атаки врага советские воины удержали эту важную позицию».[20]

В Ставке Верховного Главнокомандования в те дни внимательно следили за тем, как развиваются события в предгорьях Кавказа, умело и оперативно направляли ход основных операций.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков пишет, что 12 сентября 1942 года ему довелось присутствовать при разговоре И. В. Сталина с начальником Генерального штаба А. М. Василевским: «Александр Михайлович Василевский доложил о подходе в район Сталинграда новых частей противника из района Котельникова, о ходе сражения в районе Новороссийска, а также о боях на грозненском направлении.

Верховный, внимательно выслушав доклад А. М. Василевского, резюмировал:

— Рвутся любой ценой к грозненской нефти…»[21]

В сводках Совинформбюро сообщалось о напряженных боях под Моздоком, Нальчиком, юго-восточнее Новороссийска и на подступах к Туапсе. Всюду враг наталкивался на упорное сопротивление.

Попытки гитлеровцев одновременно наступать на Новороссийск, Туапсе, Сухуми, Нальчик, Орджоникидзе, Моздок, Грозный, Баку привели к распылению сил на огромном тысячекилометровом фронте. Приятная прогулка по долинам и перевалам Кавказа, широко разрекламированная берлинской пропагандой, начала терять свою романтическую окраску.

Моздокские степи, по определению самих гитлеровских солдат, стали для них «долинами смерти». Упорное сопротивление, контратаки советских войск сильно ослабили наступавшие части врага. Особенно большие потери понесли его 111 и 370-я пехотные дивизии.

Захваченные в плен солдаты и офицеры сообщали, что в боях на Тереке, в районе Моздока, многие батальоны полностью уничтожены. В уцелевших ротах осталось по 10–12 человек.

В Берлине пытались оправдать эти тяжелые потери материальными «выгодами». Геббельс в одном из публичных выступлений, в частности, заявил, что Германия значительно улучшила свое экономическое положение, главным образом за счет Кавказа, откуда она получает якобы 30 процентов нефти.

Но в народе недаром говорят: «Желать и сделать — не одно и то же». Мы отлично понимали, что в то время Германия не могла получать с Кавказа такое количество нефти. Промыслы Баку и Грозного бесперебойно снабжали жидким топливом нашу страну, а буровые скважины, качавшие нефть на склонах Терского хребта у Малгобека и в окрестностях Майкопа, были взорваны нашими саперами. По заключению немецких специалистов для восстановления и налаживания добычи нефти в этих районах потребовалось бы много средств и времени.

Неблагоприятная обстановка на Кавказе заставила ставку Гитлера сделать затем следующее сообщение: «У Терека советские войска пытаются остановить продвижение немецкой армии в направлении Грозного. Река Терек в районе боевых действий имеет 500 метров ширины и 2 метра глубины. Быстрота течения этой реки и заболоченные берега делают ее весьма серьезным препятствием, для преодоления которого требуется некоторый промежуток времени».[22]

Разумеется, дело не только в бурной и стремительной поэтической реке Терек. Фашистским войскам приходилось преодолевать и не такие водные преграды. Ведь на их пути были Дунай, Висла, Днепр, Дон… Причина неудач крылась в первую

очередь в том, что «таранный танковый удар», наткнувшись на возросшее сопротивление советских войск, захлебнулся и постепенно, теряя силу и темп, стал распадаться на изолированные очаги боевых действий.

Но враг был еще силен и коварен, и идея покорения Кавказа не снималась им с повестки. Берлин срочно требовал от Клейста захвата промыслов в районе Грозного.

Под Моздок командование группой армий «А» срочно перебросило с туапсинского направления дополнительные войска и лучшую свою моторизованную дивизию СС «Викинг». Ее отдельные части вышли в район Нижнего Курпа. План был таков: наступать через «Эльхотовские ворота» в направлении Орджоникидзе и вдоль железнодорожной ветки Прохладный — Грозный.

В этот момент из Москвы в штаб фронта поступила следующая директива: «Основной и немедленной задачей Северной группы войск Закфронта иметь уничтожение противника, прорвавшегося на южный берег реки Терек, и полное восстановление первоначальной линии обороны войск 9 и 37-й армий, для чего немедленно приступить к ликвидации прорвавшегося противника, нанося основной удар по южному берегу реки Терек во взаимодействии с 10-м гвардейским корпусом, действующим по северному берегу реки Терек».[23]

Этот приказ Ставки выполнить не удалось. Используя свое численное превосходство, немецко-фашистские войска завязали бои у старинного осетинского селения Эльхотово.

* * *

…Октябрь в Северной Осетии обычно щедр на тепло. Недаром горцы называют его «маленьким летом». В эту пору густые осенние туманы бродят где-то на заоблачных перевалах, а в долинах рек стоят теплые дни. Солнце серебрит на горизонте вершины гор, отливают золотом вековые дубовые и чинаровые леса, синь неба прочерчивает седина паутин.

В Северной Осетии немало удивительно красивых мест. Одно из них — склоны Сунженского хребта. Здесь, между селениями Карджин и Эльхотово, стремительный Терек, словно «прорезав» покатые вершины, образовал себе выход. Он называется «Эльхотовские ворота». Местные жители дали ему название «Арджинараг», что означает «Узкое ущелье Арга».

Здесь когда-то на левом берегу Терека стоял древний город Аланского государства — Верхний Джулат. Возник он у подножья

хребта не случайно. Через город проходили оживленные торговые пути. Верхний Джулат был удобен в стратегическом отношении, так как отсюда, через узкие горные ворота, открывался прямой путь на Восток.

В годы татаро-монгольского нашествия Верхний Джулат был сожжен. На предгорной равнине завоеватели основали свое поселение, которое назвали Татартупским городищем. И как напоминание о тех временах у подножья хребта стоит потемневшая от ветров и дождей каменная труба минарета.

Одна эпоха сменяла другую… Много воды унес стремительный Терек, а горы, словно часовые, продолжали нести свой дозор. От «Эльхотовских ворот» начинается дорога на Орджоникидзе, Грозный, к Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам. Это хорошо знали гитлеровцы и бросили свои силы на Эльхотово, на наши войска, которые занимали оборону по северным склонам Заманкульского хребта.

Противотанковая артиллерия, «катюши», части 84-й бригады морской пехоты, воины стрелкового корпуса стойко отбивали атаки противника. Правда, селение Эльхотово фашисты заняли, но дальше пройти им не удалось.

Многие дома, общественные постройки селения превратились в руины. Часть жителей — старики, женщины, дети — успела уйти в горы. Оставшиеся же — подверглись пыткам, издевательствам.

В одном из домов фашистские изверги расправились с молодой женщиной-горянкой. Про нее кто-то сказал, что ее муж командир. На руках у женщины была двухлетняя девочка. Гитлеровцы закрыли девочку в доме, а вход заминировали.

Ночью разведчики из бригады морской пехоты, пробираясь по задворкам, услышали плач. Они проникли в дом и спасли ребенка.

Девочку-осетинку, которая еще не умела назвать ни своего имени, ни фамилии, моряки назвали Эльхотой Морской. В морской бригаде девочку выходили, а потом санитарной машиной отправили в детский дом в Закавказье.

У этой истории счастливый конец. Долгое время считалось, что след девочки пропал. Эльхота Морская выросла, получила образование. Она побывала в селении Эльхотово, где состоялась встреча с жителями и бывшими защитниками «Эльхотовских ворот» — морскими пехотинцами, которым она обязана своей жизнью.

…Битва за «Эльхотовские ворота» снова началась в дождливое октябрьское утро 1942 года. Гитлеровцы бросили в долину 13-ю танковую дивизию генерала Траугота Герра, 370-ю

пехотную дивизию генерала Клеппа и авиацию генерала Фибиха. Ставка делалась на то, что советские войска после тяжелых боев под Моздоком и Малгобеком не сумеют быстро сманеврировать, и танки Клейста прорвутся через «Эльхотовские ворота».

Штурм гитлеровцев начался с массированного налета бомбардировщиков и истребителей. Клейст решил выжечь все живое в долине Терека, примыкавшей к «Эльхотовским воротам», занять Беслан и нанести удар по Орджоникидзе. Лавины фашистских танков, подминая кустарник, деревца, взбирались по склонам хребта, их сопровождал огневой вал немецкой артиллерии.

Горела земля, плавился металл, крошились каменные глыбы. Все вокруг было покрыто туманом, долины и склоны гор окутались густым маслянистым дымом.

Но советские воины выстояли. «Эльхотовские ворота» остались на крепком замке.

* * *

…Не менее ожесточенно проходили бои в районе действий Черноморской группы войск Закавказского фронта.

В первой половине августа противник захватил Краснодар, Майкоп, а после многодневных сентябрьских боев — Новороссийск. В этой исключительно сложной обстановке Ставка Верховного Главнокомандования в целях предотвращения прорыва врага к Туапсе приказала прочно прикрыть майкопско-туапсинское направление силами 18-й армии и частями 17-го кавалерийского корпуса. Для прикрытия подступов к Новороссийску и Таманскому полуострову с северо-востока, с Тамани была выдвинута 47-я армия.

Демонстрируя большое наступление на левом фланге, немецко-фашистские войска начали активные боевые действия в районе станицы Абинской. В то же время основной удар готовился на Туапсе. Это был хорошо продуманный и подготовленный план. В случае успеха противник занял бы Туапсе и опрокинул в море войска Приморской группы. Одновременно были бы парализованы действия Черноморского флота.

Но в конце сентября советские войска, проведя ряд успешных операций, разгромили немецко-румынскую группировку в районе станицы Абинской и начали упорные оборонительные бои по всему фронту.

Немецко-фашистским войскам не удалось отрезать и

уничтожить Черноморскую группу и прорваться к морю юго-восточнее Новороссийска. Войска 18-й армии в полосе своих действий сковали 14 дивизий противника и создали благоприятные условия для перехода войск Черноморской группы в наступление.

Захвату Черноморского побережья в районе Туапсе немецко-фашистское командование придавало большое значение. Гитлер в беседе с Кейтелем подчеркнул значение этой стратегической операции: «Решающим для нас является прорыв на Туапсе, а затем блокирование Военно-Грузинской дороги и прорыв к Каспийскому морю».[24]

Время шло. В упорных боях советские войска нанесли врагу большие потери, остановили его на всем фронте кавказского направления.

Немецко-фашистские войска уже не могли наступать планомерно, на широком фронте, а о переброске резервов на Кавказ из-под Сталинграда не могло быть и речи. Войска Паулюса сами просили Берлин о срочной помощи.

Анализируя причины неудач немецких войск осенью 1942 года на кавказском направлении, бывший гитлеровский генерал Дёрр в своей книге «Поход на Сталинград» сваливает всю вину на Гитлера, так как он не разрешил менять план операции «Эдельвейс». По его мнению, рейху следовало бы «ради достижения успеха на Кавказе отказаться от Сталинграда» или «взять Сталинград и отказаться от Кавказа…»[25]

Несомненно, это слишком запоздалый совет. Даже самые гениальные стратегические операции не смогли бы спасти немецко-фашистские войска от поражения на юге.

Наша страна ковала победу. На Кавказ шла новая боевая техника: самолеты, танки, реактивные минометы, зенитные орудия, стягивались свежие силы. На временно оккупированной территории все шире развертывалось партизанское движение, активизировалась работа партийного подполья.

Центрами борьбы в те дни стали Сталинград и Кавказ. «Сражение за Кавказ нельзя рассматривать изолированно от Сталинградской битвы, которая на протяжении всей борьбы оказывала исключительное влияние на ход борьбы на Кавказе, — подчеркивает Маршал Советского Союза А. А. Гречко. — В свою очередь события на Кавказе также весьма благотворно влияли на действия наших войск под Сталинградом. Эти взаимосвязанные действия большого стратегического значения умело направлялись Ставкой Верховного Главнокомандования и имели решающее значение в разгроме врага».[26]

К 1 октября перед Закавказским фронтом находилось 26

дивизий противника.

Немецко-фашистское командование готовилось к новой отчаянной попытке прорваться к нефтяным районам Грозного и Баку.

Рядом с облаками

Одновременно с оборонительными боями на грозненском и новороссийском направлениях в середине августа начались ожесточенные бои 46-й армии Закавказского фронта на перевалах Главного Кавказского хребта.

К золотистой песчаной косе, которая гигантской подковой тянется вдоль всего Черноморского побережья от Керчи до Батуми, ведут несколько перевалов. По ним пролегли извилистые автомобильные дороги, пешеходные тропы, не значащиеся на картах.

А есть и узкие чабанские тропинки, доступные лишь горцам. Один неосторожный шаг здесь может стоить жизни. Над головой теснятся остроконечные вершины Кавказского хребта, по склонам карабкаются приземистые сосны, ореховые деревья, раскидистые дубы, в узких ущельях без устали шумят и перекатывают валуны горные реки.

Неискушенному человеку может показаться, что едва ли возможно преодолеть эти препятствия. Но для специально обученных и подготовленных альпийских войск эти преграды — не помеха. Головокружительная высота, бездонные пропасти, острые гребни скал, лесные завалы — их стихия.

Вот по этим путям, пролегающим через перевалы Главного Кавказского хребта, устремились гитлеровские орды. Цель у горнострелковых частей была такова: скорее выйти к берегам Черного моря и во взаимодействии со своими главными группировками, которые сражались под Орджоникидзе и Туапсе, овладеть Северным Кавказом, а затем проникнуть и в Закавказье.

На этот раз опытные разведчики генерального штаба, «специалисты» по Кавказу, не одевали штурмовки, не брали в руки альпенштоки. Следа не осталось от хорошо отрепетированных поклонов, которые они отвешивали седобородым старикам, от их улыбок и жестов. Облаченные в серые мундиры, оснащенные с ног до головы всем необходимым для ведения горной войны, они вели теперь отборные егерские дивизии на захват давно знакомых и тщательно изученных районов Кавказа.

В инструкциях рейха по захвату горного края, в частности, указывалось, что, двигаясь в глубь Кавказа, следует подкупать часть населения, склонять мусульманское население на свою сторону, сеять рознь и раздоры среди народов Кавказа.

Но надежды эти не оправдались. Народы Кавказа, как и все советские люди, не щадили ни сил, ни самой жизни для достижения победы над немецко-фашистскими захватчиками.

Хочется рассказать об одном отважном сыне гор — добровольце Ахсарбеке Абаеве. Нашим частям предстояло освободить его родное селение Дигора. Девятнадцатилетний осетин Ахсарбек с разрешения командира глубокой ночью тайными тропами вывел 20 автоматчиков в тыл немцев. Утром, когда подразделения нашей стрелковой дивизии начали атаку, автоматчики ударили из засады. Фашисты растерялись, решили, что попали в окружение. Вражеский гарнизон был почти полностью уничтожен.

Незадолго до этого Абаев спас жизнь раненому командиру. Он смело вступил в бой с пятью гитлеровцами, уничтожил их и вынес командира в безопасное место. В этой схватке Ахсарбек был ранен, но снова вернулся на передовую.

Также храбро сражался Ахсарбек Абаев и в других боях на Северном Кавказе и в Крыму. За совершенные подвиги он был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Горцы — отличные скалолазы, проводили советских бойцов по никому неведомым тропам, устраивали на перевалах завалы, которые задерживали продвижение гитлеровских горных стрелков, снабжали наши части продовольствием.

Но оперативно-тактическая обстановка, сложившаяся на фронте в последние дни лета 1942 года, благоприятствовала все же наступлению через перевалы немецко-фашистских войск.

Вышедшие в горы части 46-й армии, не имевшие опыта ведения альпийских боев, не успели своевременно занять и организовать надежную оборону. Это упущение использовало немецкое командование, бросив против наших частей значительные силы горных стрелков. Вперед выдвигался 49-й горнострелковый корпус генерала Конрада. Он должен был нанести сильный удар в районе Черкесска, а затем спуститься по ущелью к Сухуми.

Бои на горных перевалах начались 15 августа. Генерал-майор В. Ф. Сергацков — командующий 46-й армией, сообщил: «В районе Черкесска и на перевалах идут незначительные бои. Положение без изменений».

А через три дня в штаб фронта поступило тревожное донесение: «Передовые части 1 и 4-й горнострелковых немецких дивизий уже появились на северных склонах Клухора и на перевале Донгуз-орун („Свиной сарай“)». Не встречая продуманного организованного сопротивления, «эдельвейсы» за несколько дней распространились на основных горных дорогах и

завязали бои с обороняющими перевал подразделениями 815-го полка 349-й стрелковой дивизии.

Бывший командир 11-го гвардейского стрелкового корпуса, участник трех войн, почетный гражданин 15 городов, селений, станиц и аулов Северного Кавказа, генерал-лейтенант в отставке И. Л. Хижняк.

На Клухорский перевал были срочно переброшены два батальона 815-го стрелкового полка, учебный батальон 394-й стрелковой дивизии, отряды Сухумского пехотного училища, войск НКВД и 121-й горнострелковый полк 9-й горнострелковой дивизии.

В тот же день в штаб Закавказского фронта позвонил командир 3-го стрелкового корпуса генерал-майор К. Н. Леселидзе:

«По данным нашей разведки, — сообщал он, — положение на Клухорском перевале очень серьезное. Разрешите вместе со своим штабом выехать в район боевых действий».

Генерала Леселидзе я знал хорошо. Это был рассудительный,

деятельный военачальник, умелый организатор. Ему мы и поручили оборону наиболее важных перевалов.

Хочу особо подчеркнуть, что именно здесь, в наитруднейших условиях горной войны, а позднее в Новороссийской операции, в боях за освобождение Таманского полуострова наиболее полно раскрылся военный талант генерала К. Н. Леселидзе.

О нем ярко сказал в своей речи на торжественном заседании ЦК КП Грузии и Верховного Совета Грузинской ССР 14 мая 1971 года Леонид Ильич Брежнев: «Мне довелось воевать вместе с одним из талантливых советских полководцев — командующим 18-й армией генерал-полковником К. Н. Леселидзе. На фронте люди раскрываются быстрее, там сразу узнаешь, кто чего стоит. Константин Леселидзе запомнился мне как олицетворение лучших национальных черт грузинского народа. Это был жизнелюб и храбрец, суровый к врагам и щедрый к друзьям, человек чести, человек слова, человек острого ума и горячего сердца».[27]

С 18 по 30 августа продолжалось выдвижение и сосредоточение основных сил 46-й армии к перевалам Главного Кавказского хребта.

27 августа в связи с создавшейся угрозой вторжения немецко-фашистских войск в Абхазию я прибыл в штаб 46-й армии, который располагался в Сухуми. Необходимо было в деталях разобраться в сложившейся обстановке.

Разговор с командующим 46-й армией генерал-майором В. Ф. Сергацковым был не из приятных…

— Как получилось, — спрашиваю я его, — что противник опередил наши части и занял перевалы Клухор и Санчаро?

— Штаб стремился максимально использовать возможности армии, чтобы остановить горных егерей…

— Тогда как же понять, генерал, то, что командование и штаб армии не стремились к активной борьбе за перевалы на северных склонах гор, почему высылались туда небольшие отряды под командой малоопытных командиров?

В ходе разбора сложившейся обстановки выяснилось, что в районе боевых действий плохо было организовано снабжение войск боеприпасами, продовольствием и обмундированием. Большой ошибкой командования армии было и то, что оно не установило тесной связи с местными организациями и населением, не подготовило транспортных средств для снабжения войск в горных условиях.

Мною были даны конкретные указания по усилению частей, действовавших на основных направлениях и уточнены боевые задачи. Учитывая возможность проникновения противника в

обход выдвинутых на перевалы наших отрядов, немедленно были взяты под особое наблюдение все дороги. Каждую из них заняла стрелковая рота, усиленная саперами. Одновременно штаб фронта дал указание немедленно приступить к взрывам и завалам тех троп, которые плохо оборонялись, но могли использоваться противником.

Больше внимания стали уделять организации бесперебойного снабжения боеприпасами, продовольствием, теплым обмундированием всех войск, выдвинутых в горы. Из окрестных селений и аулов к нам стали прибывать проводники.

От подножий лесистых гор бои поднимались все выше, к скалистым вершинам. С каждым днем все ожесточеннее становились схватки с врагом.

Вскоре пришли и первые успехи: штурмом взято большое горное селение Псоу, освобожден перевал Санчаро, сброшены в пропасть с Клухора «эдельвейсы».

В середине сентября я снова был в Сухуми, в штабе 46-й армии, которой теперь командовал генерал К. Н. Леселидзе. Вспоминаю, как долго искали мы пути доставки питания, боеприпасов отрядам на перевалы.

— Товарищ командующий, — водил по карте карандашом Леселидзе, — посмотрите: все вокруг окрашено в коричневый цвет, ни одной площадки, где бы можно было найти мало-мальски удобную полосу.

— Да, задача… Горцы хорошо обследовали все районы?

— Так точно. Но горцам трудно определить: сможет ли самолет сделать посадку на обнаруженных площадках. Вот если бы сами авиаторы посмотрели…

Об этой идее сообщили командующему ВВС фронта К. А. Вершинину. В этот же день в небо поднялись два летчика на «У-2». С воздуха они решили найти в горах удобную посадочную площадку, чтобы затем самолетами доставлять нашим частям боеприпасы и питание.

Три дня, словно стрекоза, кружился легкий «кукурузник» над островерхими кряжами, юрко нырял в глубокие ущелья. И вот — удача! Пилоты обнаружили среди нагромождений скал и льда отличную взлетно-посадочную площадку.

Над горами был перекинут своеобразный воздушный мост. Днем и ночью летчики доставляли на заоблачную высоту передовым частям боеприпасы, продукты, консервированную кровь, медикаменты, а оттуда эвакуировали раненых…

В мемуарной литературе сейчас можно встретить детальное описание воздушных, подводных, подземных боев. Но то, что происходило в течение девяти суток на высоте трех с половиной

тысяч метров, к сожалению, не вошло ни в одну фронтовую хронику. Стонали горы, крошились многометровые глыбы ледников, артиллерийская канонада усиливалась гулкой пустотой ущелий, оглушающим эхом ударялась о склоны гор.

Непосредственно на перевалы для руководства боевыми действиями выезжал член Военного совета фронта А. Н. Саджая. Вернувшись он рассказал, что противник занимает район вблизи Эльбруса. Местность вокруг суровая, непривлекательная. Двуглавая громада вся в снегу. Слева сползает огромный язык ледника. Взобравшись сюда, «эдельвейсы» перерезали единственную тропу к «Приюту одиннадцати», угрожая нашим частям фланговым ударом. К тому же враг сильно укрепился — через каждые 100–150 метров — узлы сопротивления со станковыми пулеметами, расположенные ярусами, один над другим, связанные между собой рациями.

К этим опорным пунктам на заоблачных перевалах можно было продвигаться в один след, пробитый опытным вожаком. Отступишь чуть в сторону — шагнешь в бездонные расселины…

Но выбора у нас другого не было. Наступление на перевалы продолжалось. И вот что произошло однажды…

Пятнадцать наших бойцов-альпинистов получили задание: пробраться по отвесным скалам и перерезать гитлеровцам дорогу. Кто знаком с альпинизмом, знает, что такое подъем в горах. Передовая группа скалолазов вгоняла в гранитные трещины стальные крючья, цеплялась металлическими скобами, а остальные подтягивались на веревках. В таком деле спешка, разговоры излишни. И вот до первого вражеского узла сопротивления остается около 200 метров. В ход пошли гранаты и камни.

В этом бою отличился красноармеец Пузанов. В рукопашной схватке он расправился с двумя гитлеровцами. Сорвал с одного шинель и шапку, надел на себя, залег за камень, машет оттуда — зовет гитлеровцев, подходите, мол, «друзья», помогите. Два немца подошли. Пузанов и их прикончил. Еще кличет. Приблизились два солдата и офицер — разделался и с ними.

Оставшиеся в живых горные егеря устремились вниз. Там их поджидали альпинисты лейтенанта Чичурина. «Эдельвейсы» дрались отчаянно, но все полегли на заснеженных склонах.

С восхищением рассказывал мне член Военного совета фронта А. Н. Саджая о подвигах бойцов и командиров, которые сражались с гитлеровцами на перевалах Центрального Кавказа.

— Какие это прекрасные бойцы, товарищ командующий, — говорил он. — Вот, например, командир минометной батареи узбек Шафкат Бекбудиев. До войны он читал курс лекций по

биологии в университете. Его помощник Максим Сысенко учил детей в украинском селе Гнивань. Александр Андгуладзе, заместитель командира батареи по политчасти, руководил заводом в Тбилиси. Мамед Азизов работал лаборантом на хлебозаводе в азербайджанском городе Агдам. Казак Иван Грачев учился в Краснодаре, в техникуме. Татарин Самед Габдулханов пас колхозных коней. Белорус Федор Шульга добывал торф. Кумык Али Курмышев ткал дагестанские бурки. Родина позвала их, и они стали ее солдатами.

Один боевой эпизод особенно запомнился. Гитлеровцы, захватив перевал Санчаро, продолжали наступать на юг. С высоты их поддерживали 123-миллиметровые минометы. У нас минометы были калибром поменьше и находились на менее выгодных позициях — стрелять приходилось снизу вверх. Сорок минут успешно действовали наши батарейцы. Разведчик Ованесов докладывал по телефону с верхушки дуба:

— От гитлеровцев только перья летят!

Однако справа и слева все ближе к минометчикам подбирались фашистские автоматчики. Был ранен командир Шафкат Бекбудиев, убиты Сумбат Хачатурян, Иван Закутко… Тогда прозвучала команда Андгуладзе:

— Расчет Шульги продолжает вести беглый огонь! Шесть человек во главе с младшим лейтенантом Грачевым прикрывают слева, остальные истребляют неприятельских автоматчиков справа!

В самый тяжелый момент боя, когда немецкие автоматчики буквально захлестывали батарею, был ранен младший сержант Яшунин. Он упал на открытом возвышенном месте. Пули вспарывали землю вокруг него. Боец Игнаташвили, не раздумывая, бросился на помощь товарищу. В два прыжка он достиг места, где истекал кровью Яшунин, и заслонил его от пуль своим телом. На другом склоне кумык Курмышев взвалил на плечо раненого разведчика Ахобадзе и под жесточайшим обстрелом отнес его в расщелину.

Несмотря на численное превосходство противника, батарейцы не дрогнули. Они сумели отбить натиск более сотни вражеских автоматчиков и продержаться до подхода наших стрелковых подразделений.

Член Военного совета А. Н. Саджая вручил одиннадцати героям-минометчикам ордена и медали.

* * *

Постепенно инициатива боевых действий на горных перевалах Главного Кавказского хребта стала переходить к нам.

У гитлеровцев же изо дня в день падала вера в успешный исход войны в горах. Все их попытки наступать, атаковать встречали решительный отпор.

В кровопролитных боях, продолжавшихся до октября 1942 года, войска Закавказского фронта, действуя на высокогорной местности, остановили врага, нанесли ему тяжелые потери и, отбросив на северные склоны перевалов, заставили отказаться от наступательных действий и на этом участке фронта.

На эльбрусском направлении части 1-й немецкой горной дивизии под ударами наших войск оставили перевалы Хотю-тау и Чипер-азау, бежали на северные склоны хребта и остановились там до января 1943 года.

На Клухорском и Марухском перевалах немецко-фашистские войска крупными силами стремились прорваться к Сухуми, но так же, как и под Эльбрусом, были опрокинуты контратаками наших войск и откатились на северные склоны.

Интенсивные бои шли на перевале Санчаро. Это направление выводило гитлеровские войска наикратчайшим путем к районам Гудауты, Гагры. Здесь немецкие оккупанты десятки раз бросались в атаку и столько же раз с большими потерями откатывались на исходные рубежи.

Особо ожесточенным был бой за селение Псоу, которое немецко-фашистские войска превратили в базу боевых действий на южных склонах хребта.

Одно время на санчарском направлении частям противника удалось даже достичь района, расположенного всего лишь в 25 километрах от Гудаут. Однако и здесь удержаться они не смогли.

На Умпырском, Белореченском и других перевалах немецкие горные егеря проявляли также большую активность, стремясь перерезать магистраль, связывающую Закавказский фронт с Черноморской группой войск. Но и в этом районе все попытки врага выполнить поставленную задачу, окончились провалом.

В октябре нам удалось создать устойчивую оборону на всех перевалах. Боевые действия в горах Кавказа внесли много поучительного и ценного в наш фронтовой опыт.

Прежде всего хочется сказать о тактических приемах, применявшихся гитлеровцами на перевалах Главного Кавказского хребта. Наиболее характерными из них, на мой взгляд, были: продвижение вперед небольшими отрядами, действовавшими самостоятельно; активная разведка на широком фронте в поисках проходов и обходных путей на фланги; наступление стремительное и, как правило, сопровождающееся охватом

флангов и заходом в тыл нашим боевым порядкам; оборона многоярусная, подковообразная.

Огневые точки гитлеровцев располагались на склонах высот, обращенных в нашу сторону, особенно на фланги. На перевальных точках хребтов и на тропах устанавливались станковые и ручные пулеметы, причем станковые — обыкновенно за вершинами высот или на самих вершинах, ручные — по склонам.

Снайперы строили свои огневые позиции на внешних склонах, ниже ручных пулеметчиков, а автоматчики — непосредственно у подножья высот, там же располагались дежурные стрелки. Огонь открывали по отдельным бойцам только снайперы, редко — автоматчики, по мелким группам — дежурные пулеметы, на наступающие подразделения обрушивалась вся масса огня.

В обороне немцы широко применяли инженерные сооружения, заграждения, преимущественно минирование.

Выброска воздушных десантов на перевалы широкого применения не имела. Из-за туманов самолеты могли летать через хребты очень редко. Кроме того, противник на опыте убедился, что эти десанты ничего реального не давали. Мы их быстро обнаруживали и уничтожали.

На перевалах Главного Кавказского хребта немцы использовали авиацию в основном для доставки продовольствия и боеприпасов. Изредка одиночные самолеты бомбили или штурмовали наши войска. Попытки врага применить технику — автомашины и даже танкетки — потерпели неудачу.

Опыт действия наших войск на перевалах показал, что оборона здесь должна строиться таким образом, чтобы не дать противнику возможности проникнуть на перевалы и в то же время обеспечить на склонах гор плацдармы, необходимые для маневра.

Как ни странно, но военные действия в горах показали, что мы как следует не знали Главного Кавказского хребта. Нам его пришлось изучать по скудным описаниям и устаревшим, весьма неточным картам.

В первый период нами было допущено много тактических ошибок и из-за того, что привлеченные к обороне перевалов соединения и части не были подготовлены к действиям в горах, а горные войска, готовившиеся в мирное время, в большинстве были переброшены на другие фронты.

Наши войска, особенно первое время, занимая ущелья и перевалы, оставляли соседние высоты без прикрытия. Это давало противнику возможность безнаказанно занимать их, а затем фланкирующим огнем выбивать нас с выгодных позиций.

В дальнейшем тактика и методы наступления наших войск изменились. Мы поняли, что успех наступления зависит от скрытности и внезапности действий, перестали верить в кажущуюся недоступность гор. Чаще стали применять засады.

Эффективным оружием в горах оказались минометы, в особенности восьмидесятидвух- и стосемимиллиметровые. Можно сказать, что они заменяли в горах артиллерию.

Широкое применение в борьбе за Главный Кавказский хребет нашли инженерные заграждения.

Многодневные бои на перевалах показали, что непроходимых горных рубежей не бывает. Всякий рубеж, если он не подготовлен по-настоящему к обороне и не защищается войсками, может быть захвачен противником. Горные условия местности, несомненно, создают известные трудности для действия войск, но эти трудности можно преодолеть, если организовывать боевые действия со знанием дела.

Еще Ф. Энгельс, исследуя вопросы горной войны, указывал, что оборона в горах не должна быть пассивной. Она должна черпать свою силу в подвижности, и всюду, где представляется случай, войскам следует действовать наступательно.

Боевые действия в горах Кавказа многому нас научили, обогатили наш фронтовой опыт.

Битва на Тереке и Баксане

Ожесточенные бои на рубеже рек Терек — Баксан начались в первых числах сентября. Им предшествовали арьергардные бои войск Северо-Кавказского фронта.

В районе городов Пятигорск, Нальчик, Минеральные Воды наши войска неоднократно контратаковали противника, нанесли ему значительные потери и все же вынуждены были отойти в сторону Прохладного, Георгиевска. Там снова завязались ожесточенные бои с немецко-фашистскими захватчиками, которые пытались с ходу форсировать горную реку Баксан.

Образцы героизма показали в этих боях многие воинские части, в том числе 392-я грузинская стрелковая дивизия под командованием полковника И. А. Силагадзе. Полки дивизии, отразив яростные танковые атаки противника, перешли в наступление и выбили врага из нескольких населенных пунктов. Особенно жаркий бой разгорелся за селение Урвань. В этом бою был тяжело ранен комбат капитан М. И. Бухаидзе — пуля попала в область сердца. Истекая кровью, он поднялся во весь рост и крикнул своим бойцам:

— Я с вами, братья мои! Вперед!

Бойцы батальона бросились в атаку, выбили фашистов из селения и закрепились в нем. За этот подвиг капитан Михо Бухаидзе посмертно награжден орденом Красного Знамени. Грузинский поэт Ираклий Абашидзе посвятил ему стихотворение, которое стало народной песней.

Беспримерную стойкость, героизм и отвагу проявили бойцы, командиры и политработники бронепоезда № 20. Было это так…

23 августа 20-й отдельный тяжелый бронепоезд, прикрывая отход наших отрядов на южный берег Терека, вступил в бой с десятью фашистскими танками. Огнем орудий было подбито четыре машины, остальные покинули поле боя. Вечером бронепоезд отошел на западную окраину Моздока. Здесь его атаковали сорок танков.

На помощь бронепоезду подошел легкий бронепоезд из 19-го дивизиона под командованием капитана И. П. Кучмы. Но все равно силы были неравные. Вражеские снаряды вывели из строя все орудия и пулеметы, разбили бронеплощадки. Начали рваться боеприпасы. Бронепоезд был охвачен пламенем. Оставшиеся в живых воины со связками гранат двинулись навстречу танкам. Несколько сот автоматчиков и восемнадцать бронированных

машин уничтожили они в этом жестоком и неравном бою.

В это же время на переднем крае обороны по Тереку сражались передовые отряды войск Закавказского фронта под командованием генерала Г. Т. Тимофеева.

Большая нагрузка легла тогда на плечи нашей воздушной армии, которую с начала 1942 года возглавил генерал-майор К. А. Вершинин.

За плечами Вершинина — многотрудная и яркая жизнь. Сын вятского бурлака, он сам до Великого Октября не раз «впрягался» в бурлацкую лямку, гонял по Волге плоты, баржи, работал плотником, лесорубом.

Затем служба в частях Красной Армии, учеба в Военной академии. К. А. Вершинину открывалась блестящая дорога кадрового офицера в сухопутных войсках, однако он предпочел «пятый океан». Интересно, что в кабину самолета Вершинин сел в… 32 года.

Главный маршал авиации К. А. Вершинин в своих воспоминаниях с большой теплотой рассказывает о боевых действиях летчиков 4-й воздушной армии, которые прикрывали с воздуха боевые действия Закавказского фронта и наносили удары по наступающим колоннам противника.

…14 августа 1942 года, когда крупные мотомеханизированные части противника начали выдвижение из района Пятигорска в юго-восточном направлении, перед авиацией была поставлена задача во что бы то ни стало задержать вражеские колонны. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, самолеты поднимались в воздух днем и ночью.

«Наибольшего напряжения боевые действия достигли 15 августа. В этот день танковые колонны противника подошли к реке Баксан. Находясь под непрерывными налетами авиации, гитлеровцы не смогли прорвать здесь оборону 37-й армии. На Баксане завязались тяжелые бои.

Только за три дня, с 14 по 16 августа, части 4-й воздушной армии совершили 1216 вылетов, уничтожили до 60 танков, свыше 600 автомашин, разрушили десятки переправ».

Наступательный порыв гитлеровцев быстро иссяк. Уже 16 августа они значительно ослабили свои атаки. Войска 37-й армии во взаимодействии с авиацией остановили дальнейшее продвижение противника.

Не добившись успеха на нальчикском направлении, немецкое командование вынуждено было перенести главный удар на моздокское направление. Поэтому с 17 августа 4-я воздушная армия сосредоточила свои основные силы севернее этого степного города.

В течение второй половины августа наша авиация продолжала наносить удары по войскам противника, которые пытались на различных участках форсировать Терек. Маневрируя своими главными силами, 4-я воздушная армия сосредоточила свои удары в тех местах, где создавалось наиболее тяжелое положение.

Однако враг все же форсировал Терек в районе Моздока. Гитлеровцы перешли в наступление на станицу Вознесенская и вклинились в оборону 11-го стрелкового корпуса.

К исходу 5 сентября вражеские танки продвинулись на юг от плацдарма на 16 километров, подошли вплотную к подножью Терского хребта и стали взбираться по его северным склонам. Возникла серьезная опасность для Орджоникидзе и Грозного.

В район Вознесенской были брошены все силы 4-й воздушной армии. Наши истребительные и штурмовые части совершали в день по 4–5 вылетов. Маневренные истребители («И-153», «И-16»), вооруженные пушками и реактивными снарядами, снижаясь до высоты 50–75 метров, в упор расстреливали и поджигали вражеские танки.

Благодаря хорошо налаженному взаимодействию авиации с наземными войсками мощная вражеская танковая атака была отбита. У подножья Терского хребта осталось множество подбитых и сожженных танков. Враг вынужден был отойти на исходные позиции.

Накопив свежие силы, он вторично перешел в наступление на Вознесенскую, бросив в атаку уже до 100 танков. Однако и на этот раз враг не имел успеха. Наши войска при поддержке авиации заставили его отступать.

Министр обороны СССР, Маршал Советского Союза А. А. Гречко. В годы Великой Отечественной войны командовал на Северном Кавказе 47, 18 и 56-й армиями.

В приказе Военного совета 9-й армии от 24 сентября 1942 года отмечалось, что 10 сентября противник из района Предмостный на Вознесенскую бросил в атаку 90-100 танков. Летчики 4-й воздушной армии во взаимодействии с артиллеристами непрерывными бомбардировочно-штурмовыми ударами не только отбили танковую атаку противника, но повернули и прогнали его, нанеся большое поражение.

В этом приказе всему личному составу, участвовавшему в боевых действиях, была объявлена благодарность.

В последующих боях части 4-й воздушной армии продолжали выполнять боевые задачи в тесном взаимодействии с наземными войсками.

Серьезное внимание уделялось организации действий по

разрушению вражеских переправ через Терек. Наша авиация в течение сентября разрушила 22 переправы противника. Одновременно велась напряженная борьба за господство в воздухе. Чтобы оградить свои войска от мощных ударов нашей авиации, противник усилил прикрытие их истребителями. Особенно надежно охранялись районы переправ через Терек, над которыми часто завязывались ожесточенные воздушные сражения.

Только за 20 дней 4-я воздушная армия совершила свыше 6 тысяч дневных и около 2 тысяч ночных самолето-вылетов, провела 150 воздушных боев, в которых было сбито более 100 самолетов.

Несмотря на исключительные трудности полетов, ночью смело сражались женщины-летчицы авиационного полка под командованием майора Евдокии Давидовны Бершанской. Сформирован он был прославленной советской летчицей, Героем Советского Союза Мариной Расковой из девушек-добровольцев, окончивших аэроклубы.

Вначале, признаться, я не придавал большого значения этому полку, укомплектованному перкалевыми «кукурузниками» «У-2». Однако вскоре мне пришлось изменить о нем мнение.

В осенние темные ночи, когда на расстоянии нескольких шагов не видно ни зги, а туман рваными клочьями прижимается к земле, девушки-летчицы смело поднимались в воздух, и на головы гитлеровцев летел смертоносный бомбовый град.

Бойцы передовой линии нашей обороны, восхищаясь подвигами «воздушных амазонок», говорили:

— Ну, держись, немчура, дадут вам жару наши девчата! Подумать только — во всем полку одни женщины: и летчики, и штурманы, и мотористы, и стрелки.

Помню, как однажды меня спросили бойцы:

— Скажите, товарищ командующий, здорово достается врагу от «фанерных» бомбардировщиков?

— По показаниям пленных можно судить, что за непрерывные ночные атаки гитлеровские солдаты не зря прозвали этот полк «ночным фельдфебелем». Видно, и ночью им приходится несладко…

На Кавказе частенько погожие осенние дни резко сменяются ненастьем. Над горами и долинами повисает мелкая, словно маскировочная, сетка моросящего дождя. Полевые дороги, большаки и временные аэродромы мигом превращаются в месиво.

Вот в один из таких нелетных дней вместе с командующим авиацией Закфронта генералом Вершининым приехали мы в станицу Архонскую, где базировался ночной легкобомбардировочный полк Бершанской. От палаток,

самолетов, замаскированных ветками, пахучего дыма походной кухни, развешанных под навесом стираных комбинезонов веяло каким-то домашним уютом. И если бы не отдаленный гул артиллерийской канонады, можно было подумать, что приехали мы в какой-нибудь степной учебный аэроклубовский городок.

Завидя нас, девушки — летчицы, техники, механики, быстро построились. Я внимательно всматривался в лица бывших студенток, колхозниц, преподавателей школ, работниц заводов из Москвы, Киева, Одессы, Ленинграда.

Наше неожиданное появление в «стане» девушек внесло некоторое замешательство. В тот день в женском авиаполку произошел комичный случай. Евдокия Бершанская, большая шутница, четко доложив о боевой готовности летчиц, добавила:

— Товарищ командующий! В полку — «ЧП»!

Признаться, мы с командующим авиацией Вершининым насторожились.

— Докладывайте!

— В полку сегодня изрезан на носовые платки и принадлежности женского туалета боевой парашют. Случай разобран, главная виновница, подавшая такую «крамольную» идею, предана товарищескому суду.

— Ну, а как на этот поступок отреагировали остальные? — не сдержав улыбки, спросил я.

— Считают, что решение — правильное, только сожалеют, что снабженцы плохо осведомлены о принадлежностях армейского женского туалета. Ведь без нужды не стали бы летчицы резать парашют.

— Товарищеский суд отменить, — сказал я Бершанской. — Виноваты в этом «ЧП» не девушки, а наши снабженцы.

Вместе с К. А. Вершининым мы пожелали летчицам успехов в их нелегкой службе, хорошей погоды, чистого неба и сказали, что дел у них теперь с каждым днем будет прибавляться, так как фронт готовится к наступлению.

И действительно, заявки на бомбардировочную, штурмовую авиацию все возрастали, а истребители — те и вовсе были нарасхват.

Враг вел интенсивную разведку с воздуха морских коммуникаций, прибрежных черноморских портов и сооружений, дорог и перевалов через Главный Кавказский хребет. Пользуясь молчаливым согласием Турции, самолеты авиации противника вторгались в наше воздушное пространство через турецкую границу.

Как правило, после разведывательных полетов вражеская авиация подвергала бомбардировке крупные населенные пункты,

аэродромы, переправы.

Командующий авиацией Закфронта генерал Вершинин, докладывая о трудностях перехвата вражеских самолетов, объяснял, что гитлеровские летчики применяют различные тактические приемы, чтобы неожиданно появиться в районе заданного квадрата. Они, как правило, залетают на нашу территорию по «ломаному» маршруту на больших высотах с приглушенными моторами или со стороны солнца…

— А ваши летчики что же, в это время козла забивают или ворон ловят? — заметил я однажды.

Вершинин очень любил своих летчиков и, видно, обиделся на эту реплику:

— Никак нет, товарищ командующий. Маневр врага разгадан, и самолеты их мы стали перехватывать. Да вот беда, летчики жалуются, что фашистские асы не вступают в бой. Как только замечают появление в воздухе наших истребителей, сразу нажимают на сектор газа, скрываются в облаках, сбрасывая дополнительные баки с горючим.

Запомнился мне один воздушный бой над юго-западной окраиной Орджоникидзе. Группа немецких бомбардировщиков, сопровождаемая 12 «мессершмиттами», устремилась к городу. Наши 9 «лагов» встретили врага на дальних подступах, над лесистыми горами.

Капитан Козаченко пошел в лобовую атаку и сбил одного «мессера», а его ведомый, молодой летчик лейтенант Гусев уничтожил второй вражеский самолет. В этом неравном бою наши истребители сбили пять фашистских машин.

Позже я побывал в той авиачасти, где служили Козаченко и Гусев. Это оказались скромные, даже застенчивые ребята.

В небе Северной Осетии героически сражались практически представители всех народов нашей страны: русские Виктор Давидков, Алексей Постнов, украинцы Петр Середа, Василий Максименко, белорус Василий Князев, осетин Ибрагим Дзусов, кабардинец Кубати Карданов.

Отважно действовали в этих боях летчики 926-го истребительного авиационного полка под командованием славного сына Дагестана капитана Владимира Эмирова, которого заслуженно называли воздушным джигитом. За месяц боев полк Эмирова уничтожил 43 вражеских самолета. На его личном счету было уже пять сбитых самолетов, когда 10 сентября, прикрывая наши бомбардировщики, он в паре со своим ведомым вступил в бой с шестью фашистскими истребителями.

Владимиру Эмирову удалось сбить один вражеский самолет, но вскоре и его истребитель был подожжен. На горящей машине

летчик ринулся за фашистским истребителем и уничтожил его. Стремясь спасти машину, Эмиров сбил пламя, но машина оказалась неуправляемой. В. А. Эмиров погиб. Воздушному джигиту посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

…На войне нередко случалось так, что солдат, летчик, бронебойщик, командир совершал геройский подвиг, а о нем мы узнавали только спустя месяцы, годы, десятилетия. Но никакой отрезок времени, конечно, не сможет затмить величие боевого духа советского воина, его подвига, беззаветной любви к своей великой Родине…

…Осень 1942 года. С военного аэродрома, расположенного в предгорьях Кавказа, на боевое задание вылетел летчик-штурмовик Владимир Зангиев. Он прикрывал с воздуха самолеты, бомбившие скопления гитлеровских танков на Военно-Осетинской дороге.

В неравном бою с вражескими «мессерами» самолет Владимира Зангиева был подбит.

С трудом открыв заклинившийся фонарь, летчик выбросился из горящей машины. Чтобы сбить пламя, охватившее парашют, Владимир решил сделать затяжной прыжок. Огонь был сбит, но парашют раскрылся слишком поздно. Коснувшись земли, он почувствовал резкую боль в ноге и потерял сознание.

Немецкие мотоциклисты привезли его в дом, где жила сельская учительница Фаруз Басаева.

Когда Зангиев пришел в себя, явился офицер с переводчиком. Начался допрос. Володя молчал, отказывался отвечать, и его избивали до потери сознания. Так продолжалось несколько дней.

Однажды утром немцы согнали жителей Хаталдона к школьному зданию. Зангиева вывели из дома, связали обожженные руки веревкой, другой конец которой привязали к хвосту лошади. Всадник пришпорил лошадь, она рванулась и поволокла раненого по земле. На другом конце селения, на обочине дороги, была вырыта яма. Гитлеровцы столкнули в нее летчика.

В этот день через селение Хаталдон гнали группу пленных красноармейцев. Они вытащили летчика из ямы и попеременно несли его на руках до осетинского селения Дигора.

В сыром глиняном карьере Дигорского концлагеря к Зангиеву вернулось сознание. Потом последовал Прохладненский пересыльный пункт, долгий путь в обледенелых вагонах и, наконец, «гросслазарет Славута», лагерь — 301.

Владимир Зангиев трижды пытался бежать из лагеря, но безуспешно. И только в четвертый раз вместе с группой

военнопленных ему удалось вырваться на свободу. Зангиев попал в партизанский отряд Первого молдавского соединения, действовавшего в районе Шепетовки, Славута, Каменец-Подольска, Ровно.

Позже с группой партизан он перешел линию фронта, лечился в госпитале, а через некоторое время снова сел за штурвал боевой машины.

…Его имя гремит во фронтовых газетах: «Посмотри, сквозь дым зенитных разрывов низвергается на врага штурмовик. Это он, Зангиев! Вот смолкло развороченное орудие врага, вот вражеский танк осел на бок, запылал. Наверное, Зангиев ударил! Ты слышишь, как земля сотрясается от страшных раскатов грома! Это — Зангиев! Это его ярость рвет на клочья врагов, и нет им нигде пощады от человека, который прошел через все муки ада, через смерть, и возродился для мести».[28]

На своей грозной машине Владимир Зангиев совершил десятки боевых вылетов, штурмовал с воздуха Берлин. Его подвиги отмечены орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, медалями… Владимир Сосланович Зангиев работает сейчас председателем республиканского Комитета ДОСААФ в своей родной Осетии.

Хочется рассказать еще об одном интересном факте. Когда в 1942 году было освобождено осетинское селение Хаталдон, летчики-однополчане на месте падения самолета установили Владимиру Зангиеву памятник. А через несколько лет, когда уже кончилась война, боевые друзья снова приехали в Хаталдон и прикрепили на обелиске другую пластинку, на которой начертано: «Герой жив! Пусть этот памятник напоминает о его подвигах!»

Каждый год осенью в Хаталдоне собираются жители селения: молодежь, седобородые старики, многочисленные друзья летчика. Каждый год приезжает сюда и сам защитник Кавказа — Владимир Зангиев. Здесь, у ночного костра, под крупными южными звездами, человек, ставший живой легендой Северной Осетии, рассказывает молодежи о своих фронтовых друзьях, о минувших воздушных боях в небе Северного Кавказа, о счастливой судьбе нынешнего поколения.

В Орджоникидзе, в книжном издательстве «Ир», вышла документальная повесть А. Лаписа и В. Шанаева. В ней авторы поведали о нелегкой, но прекрасной судьбе человека из легенды — Владимире Зангиеве.

Некоторые приведенные выше факты, характеризующие летчика-штурмовика, взяты мной из повести «Опаленные крылья» и фронтовых газет. Они, по-моему, типичны для тысяч советских

людей, чья жизнь была связана с армией, фронтом.

* * *

В течение сентября немецко-фашистское командование группы армий «А» делало отчаянные попытки прорвать оборону советских войск на Тереке и Баксане и выйти к нефтяным промыслам Грозного и Баку.

В боях под Малгобеком и у «Эльхотовских ворот» противник потерял большое количество живой силы и техники. Но не считаясь с потерями, генерал Клейст решил любой ценой поднять свой престиж и во что бы то ни стало захватить столицу Северной Осетии — Орджоникидзе. В планах гитлеровского командования значилось: закупорить Военно-Грузинскую дорогу и тем самым лишить войска Закавказского фронта связей с Северной группой и с основными жизненно важными артериями страны. Параллельно должно было развиваться наступление на Грозный и Баку.

Орджоникидзе имел большое стратегическое значение, так как отсюда открывались прямые дороги в Закавказье, к нефтяным богатствам Азербайджана и Чечено-Ингушетии. Однако подступы к городу прикрываются горными реками, лесистыми хребтами.

Наткнувшись на сопротивление советских войск в районах Моздока — Малгобека, противник решил, что самый удобный путь к столице Северной Осетии — от Нальчика. Местность в этой полосе проходима для всех родов войск.

Северная группа войск Закавказского фронта прилагала все усилия к тому, чтобы ускорить разгром врага, но сил для мощного контрудара не доставало. Причем, командование считало, что немецко-фашистские войска начнут новое наступление не на нальчикском направлении, а на моздокском. И готовилось к сражениям под Моздоком.

— Фашисты только на моздокском направлении и проявляют активность, — сообщали мне из штаба Северной группы. — Они там даже эсэсовцев в бой бросают….

— Откуда вам известно, что со стороны Терского хребта удар готовится? — спрашивал я командующего Северной группой войск.

— Из показаний немецких военнопленных и данных нашей разведки.

Я обратил внимание на слабость левого фланга войск Северной группы. Приказал командованию быть начеку под Моздоком и в то же время усилить войска, прикрывавшие нальчикское направление.

Между тем противник еще в сентябре начал готовить наступательную операцию со стороны Нальчика. К 25 сентября он захватил Котляревскую, Майский, чем обеспечил себе небольшой, но надежный плацдарм на правом берегу Терека. Командование 37-й армии и Северной группы войск не обратило на это внимание и своевременно не ликвидировало Майский плацдарм, где «закручивалась пружина» нальчикской операции и откуда в последствии был нанесен основной удар противника по нашим войскам.

Дезориентируя нашу разведку, немецко-фашистские войска продолжали вести «бои местного значения» под Малгобеком. Затем скрытно сняли из-под Моздока 13 и 23-ю танковые дивизии, пополнили их свежими резервами и сосредоточили все эти силы на новом плацдарме. Всего командование группы армий «А» сконцентрировало на нальчикском направлении две танковые и одну горнострелковую дивизии, десять батальонов и дивизионов специального назначения. Численность войск на плацдарме, протяженностью до 20 километров, достигала около 35 тысяч человек.

Вперед выдвигалась 23-я танковая дивизия. На башне каждого танка был изображен силуэт льва на желтом фоне. Экипажи машин были укомплектованы активистами союза гитлеровской молодежи, давшими клятву верности фюреру.

К цвету немецкой армии принадлежала и дивизия СС «Викинг». Время от времени она появлялась на советско-германском фронте на направлениях главного удара. Дивизия имела три моторизованных полка: «Вестланд», «Нордланд», «Германия», части полевой, зенитной и противотанковой артиллерии. «Викинги» тоже получили приказ двигаться на Орджоникидзе.

«К началу боевых действий Северная группа войск Закавказского фронта была усилена девятью артиллерийскими и десятью истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками, двумя минометными и двумя полками реактивной артиллерии. В группе имелось пять танковых бригад, восемь отдельных танковых батальонов и шесть бронепоездов. В 4-й воздушной армии насчитывалось около 250 различных типов самолетов».[29]

Основные силы советских войск были расположены на грозненском и орджоникидзевском направлениях, на нальчикском направлении находилась 37-я армия. Она была ослаблена в предыдущих боях, не имела резерва. Враг же в этом районе сосредоточил две танковые дивизии и значительные силы пехоты. У 37-й армии танков вообще не было. Отсутствовали

инженерные сооружения, минные противотанковые заграждения.

25 октября в 8 часов 25 минут 70 вражеских бомбардировщиков под прикрытием истребительной авиации неожиданно нанесли мощный удар по войскам и штабу 37-й армии, который располагался на окраине Нальчика — в Долинске. Во время налета погибло девять работников штаба, сгорело много автомашин, разрушен был армейский узел связи. Из Долинска штаб передислоцировался в селение Хасанья, но из-за отсутствия дублирующих средств связи потерял контакт с войсками.

А тем временем под прикрытием плотной дымовой завесы немецкие танки с десантом автоматчиков устремились на наши окопы первой линии. Вслед ринулись мотоциклисты. За ними — пехотные части румын. До поздних сумерек над дорогами, которые вели в Нальчик, висели вражеские самолеты. Массированными ударами они расчищали дорогу танкам.

Упорное сопротивление врагу оказали 295-я стрелковая дивизия полковника Н. Г. Сафаряна и 392-я стрелковая дивизия полковника Г. И. Купарадзе, но и они вынуждены были отступить. Противнику удалось за день вклиниться в нашу оборону на глубину 7–8 километров.

26 октября на этом же направлении немецко-фашистские войска возобновили наступление. Самолеты с черной свастикой на стабилизаторах несколько раз бомбили Нальчик, пригородный аэродром, где базировался 446-й смешанный авиаполк.

К исходу дня в штаб Закфронта поступило сообщение о том, что танковые части, мотопехота гитлеровцев при поддержке авиации 28 октября заняли Нальчик…

Несколько раз наш гвардейский полк бросался в контратаку, но на выручку пехоте врага приходили танки 13 и 23-й немецких дивизий. В бой вступили основные силы противника, сосредоточенные на Майском плацдарме.

С трудом связываюсь по телефону со штабом Северной группы войск и прошу дать реальную оценку создавшемуся положению.

— По-видимому, это частная операция противника по ликвидации 37-й армии, которая обороняла подступы к Нальчику, — ответили мне.

Вечером командованию группы наконец стало ясно, что неожиданный удар с запада — начало широкой наступательной операции по захвату Орджоникидзе. Прорвав оборону 626-го стрелкового полка, вражеские танковые колонны продвинулись на отдельных участках более чем на 20 километров. Командование 37-й армии не ожидало такого оборота дела.

Войска лишились управления и начали отходить разрозненными группами к предгорьям Главного Кавказского хребта.

Командование немецкой группы армий «А», сообщая об успехах своих войск, отмечало: «В районе 1-й танковой армии наступление на Нальчик, по-видимому, застало противника врасплох. Танковые дивизии уже в первый день продвинулись до Псыгансу, некоторые их части повернули на север и создали предпосылки для окружения приблизительно четырех дивизий противника. Уничтожение этой группировки должно закончиться в несколько дней. Противник оттеснен в горы. Представляется, что продвижение танковыми силами в южном, а затем в восточном направлении на Орджоникидзе откроет широкие перспективы…»[30]

* * *

В это время я находился, в районе Туапсе, в Черноморской группе войск. Здесь тоже было нелегко. Вместе с работниками штаба Закфронта срочно принимаем решение: в Северную группу войск направить 155-ю стрелковую дивизию из 58-й армии. Кроме того, в район прорыва подтянуть 10-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора П. Е. Ловягина.

А. А. Гречко в своей книге «Битва за Кавказ» пишет: «10-й стрелковый корпус в составе 59 и 164-й стрелковых бригад, усиленный тремя артиллерийскими дивизионами и двумя истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками, должен был в ночь на 27 октября занять оборону по восточному берегу реки Урух, от реки Терек до селения Чикола. Корпусу подчинялась и 275-я стрелковая дивизия, которая оборонялась на правом фланге, в районе Змейской.

Кроме того, командующий фронтом приказал 11-му гвардейскому стрелковому корпусу, которым командовал генерал-майор И. П. Рослый, занять оборону по внешнему обводу Орджоникидзевского оборонительного района. 3-й стрелковый корпус полковника Г. Н. Перекрестова сменялся частями 317-й стрелковой дивизии и сосредоточивался в районе Заманкула, что в 10 километрах восточнее Эльхотово.

Между тем противник продолжал наступление, отбрасывая 37-ю армию к предгорьям Главного Кавказского хребта. Между частями 37-й армии образовался разрыв, участок от Уруха до Чиколы оказался совершенно открытым. Создалась непосредственная угроза прорыва немецко-фашистских войск к Орджоникидзе.

29 и 30 октября противник произвел перегруппировку 13 и 23-й танковых дивизий к западному берегу реки Урух для наступления на Орджоникидзе. 31 октября танковые дивизии врага нанесли удар в районе Чиколы и вышли в тыл 10-у стрелковому корпусу. Штаб стрелкового корпуса был смят танками противника».[31]

Участники боев на территории Северной Осетин у обелиска Славы в селении Эльхотово.

С рубежа Старый Урух — Хазнидон вражеские дивизии круто повернули на юго-восток, пытаясь прорваться через Чиколу, населенные пункты Дигории.

1 ноября немцы заняли город Алагир; переправились через реку Ардон, отбросив к селению Нарт нашу 319-ю стрелковую дивизию.

В этот же день сильной бомбардировке подвергся город Орджоникидзе. Во время бомбежки в районе восточной окраины города погибли начальник штаба Закавказского фронта генерал-лейтенант П. И. Бодин, член Военного совета фронта А. Н. Саджая…

2 ноября специальным военным самолетом из Туапсе я прибыл в расположение Северной группы войск в Орджоникидзе.

В столице Северной Осетии мне приходилось бывать и до этого. Я хорошо помнил тенистый липовый сквер на Пролетарском проспекте, великолепный парк, аллеи которого сбегают к Тереку, красивую панораму гор, чистые, уютные улицы старого Владикавказа, музеи, институты, веселый перезвон трамваев…

В те дни Орджоникидзе я не узнал. Он стал фронтовым городом. Его улицы превратились в крепкие узлы сопротивления, ощетинились противотанковыми ежами. На углу Тифлисской, у Кировского моста сооружены железобетонные доты и дзоты. На перекрестках патрули с нарукавными повязками проверяли документы.

Мощная бомбардировка с воздуха превратила некоторые жилые дома, школы, общественные здания в груды развалин. У подъездов больших домов на улице Маркуса, в Музейном переулке надписи: «Вход в бомбоубежище».

На передовую линию, которая приблизилась к западной окраине Орджоникидзе, в спешном порядке направлялись все новые и новые войска. На городских магистралях, у предприятий отряды истребительных батальонов и народных ополченцев занимали исходные позиции.

Положение было тревожное. Нужно было принимать чрезвычайные меры.

Знакомство с обстановкой в Орджоникидзе началось с осмотра командного пункта Комитета обороны города. Старинный особняк на бывшей Стрелковой улице отвечал всем требованиям военного времени: круговой обзор, сооружения из железобетона.

Вокруг пункта — сад, обнесенный толстым каменным забором. Из здания в различные концы города вели подземные ходы сообщения.

Стоило лишь подняться на НП, поднести к глазам мощный полевой бинокль, как перед глазами вставала западная окраина города Орджоникидзе, затянутая дымом пожара. Сквозь белесую пелену можно было разглядеть лесистые горы, ленту старой Алагирской дороги, яркие вспышки артиллерийской канонады.

На командном пункте Комитета обороны города Орджоникидзе у меня состоялся обстоятельный разговор с генералом И. И. Масленниковым.

Оказалось, что штаб группы переведен в Грозный, приказ об усилении войск на нальчикском направлении не выполнен…

В течение нескольких часов вместе с командующим Северной группой войск мы тщательно изучали карту боевых действий под Орджоникидзе, рассмотрели несколько вариантов, решений, которые позволили бы стабилизировать обстановку на подступах к столице Северной Осетии.

Прощаясь с И. И. Масленниковым, я сказал:

— Сейчас линия фронта здесь, под Орджоникидзе. До Грозного отсюда свыше 100 километров. Враг на подступах к столице Северной Осетии, а штаб группы оказался в Грозном. А

там и Махачкала, и Баку не за горами… Это — очевидная ошибка командования группы.

Мы все в ответе за дела на данном участке фронта, но пока войска Закфронта находятся в моем подчинении, полную ответственность за их действия перед Ставкой Верховного Главнокомандования несу я.

Орджоникидзе — это крепость, это ключи от Кавказа, это ворота на Восток. Сдать город мы не имеем права. Приказ Родины, партии — оборонять его до последнего вздоха.

— Есть, товарищ, командующий! — четко ответил Масленников. — Приказ будет выполнен.

— И еще, — приказал я. — В городе сейчас же объявить осадное положение. Трусов, провокаторов, шпионов, дезорганизаторов немедленно предавать суду военного трибунала. Ввести комендантский час. Срочно созвать Военный совет для обсуждения чрезвычайного положения, создавшегося в городе, и решения конкретных практических задач обороны Орджоникидзе…

Размышляя над планом обороны города, я пришел к выводу, что врагу необходимо быстро противопоставить свой маневр.

Я приказал срочно перебросить на орджоникидзевское направление из района Ищерской 10-й гвардейский стрелковый корпус и 63-ю танковую бригаду. Кроме того, был отдан приказ дополнительно подтянуть к городу пять артиллерийских противотанковых полков и три гвардейских минометных. Этими силами предполагалось остановить продвижение врага, а с подходом 10-го гвардейского стрелкового корпуса нанести контрудар и разгромить наступающую группировку противника.

11-у гвардейскому стрелковому корпусу, которым командовал генерал-майор И. П. Рослый, было приказано занять оборону по внешнему обводу Орджоникидзевского оборонительного района.

Было также принято решение подтянуть непосредственно к Орджоникидзе 2-ю танковую бригаду 9-й армии и 276-ю дивизию, расположенную во втором эшелоне; выдвинуть на Мамисонский перевал 25-й полк НКВД с целью высвобождения 351-й дивизии, которой надлежало основными силами действовать на Алагир.

2 ноября в Орджоникидзе прибыла группа командиров оперативного отдела штаба Закавказского фронта, которая сразу же приступила к разработке мероприятий по управлению войсками.

Вечером 2 ноября на командном пункте Комитета обороны города Орджоникидзе состоялось заседание Военного совета. План защиты города у меня уже был готов, но мне хотелось

послушать руководителей республики, чтобы сообща внести в него необходимые изменения.

Меня порадовал боевой, наступательный дух участников совещания. Особенно запомнилось выступление председателя Орджоникидзевского Комитета обороны, первого секретаря обкома КПСС Николая Петровича Мазина.

— Бойцы народного ополчения, — сказал он, — заняли отведенный им рубеж. На предприятиях города продолжается производство боеприпасов и горючей смеси для истребления танков и мотомехчастей, работают все предприятия пищевой промышленности, действуют электростанция, водопровод, выходят газеты. Население Северной Осетии готово героически сражаться во имя свободы.

На осетинском и русском языках в городской типографии печатаются листовки и экстренные выпуски газет, в которых публикуется обращение Северо-Осетинского обкома партии, Верховного Совета Северо-Осетинской АССР, Совнаркома республики. Трудящиеся горного края выполнят волю Коммунистической партии.

Здесь мне рассказали о том, что в Орджоникидзе побывал американский генерал — личный представитель президента США. Он осмотрел укрепленный район, образцы советского оружия, трофейную немецкую технику. Генерал интересовался настроением защитников города, боевым духом воинов, народных ополченцев.

Личный представитель президента побывал в окопах, на передовой линии. Обращаясь к гвардейцам, он сказал:

— Мне хорошо известно, что воины Красной Армии сражаются до последнего патрона, до последнего вздоха…

Молодой автоматчик, видимо, сибиряк, внимательно посмотрел на генерала и коротко, по-солдатски ответил:

— Зачем же сдуру лезть под пули? Сражаться надо тоже умеючи. Биться мы будем не только до последней капли крови, но и до последнего фашиста на нашей земле…

В то время мало кто знал о визите в Советский Союз личного представителя президента США Франклина Рузвельта. Этот довольно любопытный факт вошел в книгу «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», изданную Политиздатом в 1957 году.

«Его Превосходительству Иосифу Сталину, Председателю Совета Народных Комиссаров СССР. Москва.

Уважаемый господин Сталин! Я вручаю это рекомендательное

письмо, адресованное Вам, генералу Патрику Дж. Хэрли — бывшему военному министру, а в настоящее время Посланнику Соединенных Штатов в Новой Зеландии.

Генерал Хэрли возвращается в Новую Зеландию на свой пост, и я считал чрезвычайно важным, чтобы до его возвращения он получил бы возможность посетить Москву и лично изучить, насколько это окажется возможным, наиболее важные стороны нашей нынешней мировой стратегии».[32]

Ответ И. В. Сталина американскому Президенту был таков.

«Президенту Рузвельту от Премьера Сталина.

Уважаемый господин Президент! Очень благодарен Вам за Ваше письмо, переданное мне сегодня генералом Хэрли. С ген. Хэрли имел продолжительную беседу по вопросам стратегии. Мне кажется, что он понял меня и убедился в правильности проводимой ныне союзниками стратегии. Он просил о возможности посетить один из наших фронтов и, в частности, побывать на Кавказе. Эта возможность будет ему обеспечена».[33]

Но вернемся снова к событиям 2 ноября 1942 года.

Председатель Совнаркома Северо-Осетинской АССР Кубади Дмитриевич Кулов зачитал обращение обкома и правительства республики, которое начиналось словами великого осетинского поэта Коста Хетагурова: «Лучше умереть народом свободным, чем рабами деспоту служить».

Обращение призывало всех тружеников городов, селений и горных аулов, партизан помочь Советской Армии разгромить врага у стен Орджоникидзе.

Мне понравились взволнованные слова руководителей республики, за которыми виделись большие дела, свершенные защитниками города, их стремление сделать все для победы.

Заседание Военного совета прошло по-деловому. Каждый из нас почувствовал какую-то внутреннюю симпатию друг к другу.

Познакомив собравшихся с планами командования Закфронта, я от имени воинов сказал:

— Мне достоверно известно, что Гитлер собирается в самый святой наш день, 7 ноября, оповестить мир, что ключ от Кавказа в его руках, а фашистские колонны маршируют по Военно-Грузинской дороге. Фашисты стоят уже у стен города, но судьба его в наших руках.

Вот вам мое слово солдата: шестого вечером мы снова соберемся здесь, и наш голос донесется до самой Москвы. С именем партии наши войска пойдут завтра в наступление…

Утром 2 ноября командующий группой армий «А» Клейст подписал приказ: «С богом на штурм! Судьба Орджоникидзе решена!»

Дальнобойная артиллерия гитлеровцев начала обстрел северо-западных окраин города, с небольшими промежутками налетала вражеская бомбардировочная авиация. Немцы были твердо уверены, что к седьмому ноября они будут в Орджоникидзе, а поэтому каждый офицер, солдат старался перед штурмом столицы Северной Осетии послать письмо домой или сообщить друзьям в Германию, что кавказская вершина — Казбек склонила перед ними свою седую голову.

Генерал Макензен телеграфировал в Берлин, что находившиеся до последнего времени перед фронтом корпуса на западном берегу реки Терека силы противника можно считать уничтоженными… Остатки, отброшенные в горы, идут навстречу своей гибели… Преследование противника в направлении Орджоникидзе продолжается.

Не менее ободряющим был приказ командира 13-й танковой дивизии полковника Кюна, который сменил на этом посту убитого под Эльхотово полковника Герра. Он писал, что взята исходная позиция для наступления на Орджоникидзе… Атаки на Орджоникидзе связаны с именем 13-й танковой дивизии, и здесь гордая, прославленная дивизия из Альтмарка будет в первых рядах.

Штурм начнется третьего. А пока надо позаботиться о флангах узкого коридора между реками Гизельдон, Фиагдон, Ардон, по которому прошел «таран» двух танковых дивизий и пехоты к Гизели. Слева тянутся Черные горы. Они покрыты лесом и кустарником. В их ущельях разрозненные части советских войск. В Майрамадаге и Фиагдоне зажаты батальоны 34-й курсантской бригады. А справа от коридора — широкая равнина, поросшая кустарником. Уцелевшие советские части могут попытаться отрезать, помешать прорвавшейся группе идти на штурм Орджоникидзе.

Ефрейтор Отто Мейеркац из местечка Недлиц писал своей фрау Ани: «Сегодня мы отправились для занятия новой линии, теперь мы находимся перед городом Орджоникидзе. Наши пикирующие бомбардировщики воюют беспрерывно и сбрасывают бомбы на русские позиции.

Слева от меня находится длинный ряд противотанковых пушек и артиллерии. Позади — расположены части, которые должны штурмовать город. Сейчас над нами светит солнце, видны огромные фабричные здания и высокие трубы. Весь город пуст и мертв».

Гитлеровцы торопились отослать домой, в Германию, письма, а на южной окраине столицы Северной Осетии — Орджоникидзе, у обелиска, поставленного в память 17 тысяч бойцов, командиров,

политработников и красных партизан, погибших за Советскую власть в годы гражданской войны, 2 ноября состоялся многотысячный митинг.

К небольшому кургану, на котором возвышается серая гранитная колонна, увенчанная звездой, пришли представители многонационального Кавказа — осетины и кабардинцы, ингуши и балкарцы, чеченцы и дагестанцы, калмыки и черкесы, их русские братья — донские, кубанские и терские казаки.

Никогда не собиралось здесь столько народа. Над площадью стоял многоголосый, разноязычный говор. Вот седобородый осетин в темной черкеске степенно беседует с дагестанцем в косматой папахе; кабардинец, перешагнувший столетний рубеж, делится новостями с нефтяником-чеченцем со значком депутата; усатый донской казак о чем-то оживленно говорит со своим земляком генерал-майором Книгой…

Здесь, рядом со святым местом каждого трудящегося Осетии — обелиском боевой славы, довелось и мне, спустя почти 22 года, встретиться со своим другом по Конной армии — Книгой… Мы вспомнили смелые рейды по тылам врага, наши славные буденновские походы. Постарел конармеец, лицо казака изрезали морщины, поредели пышные усы, но время не тронуло его живые, озорные глаза.

С первых же дней Великой Отечественной войны бывший боевой комбриг снова в седле. Сильные плечи казака обтягивает добротный китель с генеральскими звездами на петлицах.

Генерал Книга от имени представителей народов Кавказа и открыл этот исторический митинг.

— Боевые други! — сказал он, — сидайте на боевых коней! Обнажите острые клинки! Пусть враг почует всю силу шашки в руках джигита и казака! Пусть заплатит своей кровью за горе, которое он причинил нам!..

Три тысячи человек, сняв папахи, кубанки и шапки, затаив дыхание, слушали боевой призыв генерала-казака, героя гражданской войны.

Мне невольно показалось тогда, что за плечами участников этого сурового митинга стояли и те, кто послал их сюда: металлурги Осетии, нефтяники Грозного, шахтеры Тырныауза, чабаны и рыбаки Дагестана, земледельцы и строители Дона и Кубани.

На многих митингах и собраниях доводилось мне быть: в лучших театрах столицы и дворцах культуры, в тесных вагонах пульманов и на лесных опушках… Но этот, собравшийся в грозный час, народный форум казался мне особенным, неповторимым. Может быть, потому, что собрал он

многотысячную аудиторию и на трибуну, сменяя друг друга, поднимались осетин Герой Советского Союза Хаджимурза Мильдзихов и дагестанка народная артистка Рагимат Гаджиева, терская казачка Лидия Любченко и ингуш, председатель колхоза Магомет Элканов…

Митинг имел большое значение для всех народов Северного Кавказа, для всех, кто боролся против гитлеровских полчищ.

Гневные голоса, прозвучавшие в Орджоникидзе, отозвались эхом над заснеженными горами Кавказа, в опаленных зноем военных пожарищ степных долинах. Словно грозовым раскатом прокатилось это эхо по израненной бомбами, разметанной снарядами земле, вселяя в сердца советских людей уверенность в победе и смутную тревогу в души тех, кто посылал открытки в Берлин, Лейпциг, Магдебург со словами: «Кавказ наш! Мы — в Орджоникидзе!»

Участники митинга призвали воинов фронта, всех трудящихся Северного Кавказа и Закавказья уничтожить оккупантов, сделать Кавказ могилой для фашистских захватчиков. Митинг у братской могилы воодушевил защитников Кавказа, укрепил стойкость советских воинов.

3 ноября гитлеровские танковые колонны пошли на штурм столицы Северной Осетии. Силой до ста танков они прорвали внешний обвод Орджоникидзевского укрепрайона на участке Фиагдон — Дзуарикау. Передовые части противника захватили селение Гизель.

Из узких смотровых щелей танков просматривалась западная окраина Орджоникидзе, противотанковые заграждения, бетонные надолбы, темные глазницы дотов. Казалось, еще рывок — и вот она — крепость на Тереке, до которой всего чуть больше 500 метров. У городской черты 60 вражеских танков были остановлены шестнадцатью нашими машинами и расчетами бронебойщиков. Гитлеровцы трижды вызывали на помощь самолеты, но, оставив на поросшем кустарником пустыре 32 машины, отошли на старые позиции.

Геройски сражались на всех участках гизельского направления части 11-го гвардейского стрелкового корпуса, 11-й стрелковой дивизии НКВД, гвардейские батареи «катюш», зенитчики.

В Северо-Осетинском музее краеведения, в разделе «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», есть немало экспонатов, рассказывающих о подвигах воинов-северокавказцев, защищавших столицу Северной Осетии — Орджоникидзе.

Внимание невольно привлекает четвертушка бумаги с потускневшими от времени буквами. Убористым почерком на ней

написано: «Протокол общего партийного собрания заставы № 12, 4 ноября 1942 года. Присутствовали: Михеев и Куприянов. Повестка дня: слушали товарища Алтунина Федора Григорьевича. Заявление о приеме в партию во время боя.

Постановили: товарища Алтунина кандидатом в члены ВКП(б), как доказавшего в бою преданность партии, принять.

Председатель Михеев. Секретарь Куприянов».

История этого партийного документа такова.

На северо-западной окраине Орджоникидзе, там, где пересекаются две важные шоссейные дороги, 2 ноября 1942 года разгорелся жестокий бой. Окрестности огласились гулом моторов, лязгом танковых гусениц. «Юнкерсы» бомбили передовую линию советских войск, берег Терека, откуда с воем летели реактивные снаряды «катюш». Гизельская равнина озарялась разрывами бомб, отсветами орудийной пальбы, пламенем горящей земли, подожженной термитными снарядами, но тупорылые немецкие «ягуары» продолжали двигаться вперед.

В одном из дзотов находились четыре красноармейца: коммунисты — рабочий из Донбасса Георгий Михеев, колхозный бригадир из Горьковской области Павел Куприянов, комсомолец тракторист с Украины Иван Величко и беспартийный ставропольский колхозник Федор Алтунин. В течение шести часов с короткими перерывами они вели огонь, отбивая атаки наседавших фашистов. Вечером был получен приказ: временно отступить.

9 мая, 1971 год. Первый секретарь Кировского райкома партии К. Д. Хосонов сердечно приветствует Эльхоту Морскую.

Через пять дней, когда советские войска вновь овладели безымянной высотой, на которой находился этот дзот, из-под бетонного колпака, шатаясь, вышли трое солдат: бледные, обгоревшие, прокопченные пороховой гарью. Четвертый был смертельно ранен.

В тот день коммунист Георгий Михеев передал в политотдел 3-го батальона помятую, обгоревшую четвертушку бумаги — «Протокол общего партийного собрания заставы № 12» и поведал о неравном бое, который им пришлось вести с гитлеровцами в огненном кольце.

— Когда дали приказ отходить, связной штаба не успел сообщить нам об этом, — рассказывал Георгий Михеев. — Вот так мы и остались в дзоте вчетвером: сержант Алтунин, рядовые Куприянов, Величко и я.

Местность перед дзотом равнинная, заболоченная, а вдалеке — две глубокие балки. С одной стороны, хорошо это — для их танков препятствие. С другой — плохо: в балках незаметно для нас могла накапливаться вражеская пехота.

Так оно и вышло. Вокруг нашего колпака земля буквально дыбилась от минометных взрывов. А потом через болото полезла пехота. Дотемна мы не отходили от амбразур. Лишь ночью несколько часов вздремнули по очереди.

Тяжело нам пришлось в то время! Но самым трудным был третий день. Колпак наш был в сплошном огневом кольце. Били отовсюду: спереди, сзади и с боков. Мы оказались в тылу у немцев.

Договорились тогда, что просто так не отдадим свою жизнь. Приготовили связки противотанковых гранат и решили в последний момент выскочить и каждому выбрать «свой» танк.

И тогда сержант Алтунин попросил нас с Куприяновым, чтобы мы приняли его в партию.

В промежутке между вражескими атаками я открыл партийное собрание.

— Не имеем мы полномочий двумя голосами принять тебя, Федя, в партию, — сказал я ему, — но партия простит нам это нарушение Устава…

Протокол вел Павел Куприянов. Бумаги, конечно, у нас не было, пришлось писать на случайно найденном клочке обоев…

Так и приняли мы вдвоем с Куприяновым нашего сержанта кандидатом в партию, а комсомолец Величко поддержал нас.

Танки к нам через болото не прошли в тот день, не прошли и потом. Еще целые сутки мы оборонялись. На пятые — увидели,

как наши фашистов гонят… От радости все забыли, не поостереглись. И вот в это время вражеская пуля сразила Ваню Величко…

Коммунисты 3-го батальона утвердили протокол партийного собрания, которое состоялось в дзоте, а грудь героев украсили ордена Ленина.

Не считаясь с потерями, вражеские войска продолжали штурмовать подступы к Орджоникидзе. Однако уже 4 ноября в штаб группы армий «А» поступило сообщение из Гизели о том, что «придется приостановить наступление на Орджоникидзе до тех пор, пока район южнее реки Терек не будет очищен от противника и этим не будет устранена опасность удара во фланг и тыл танковых дивизий».[34]

Непредвиденная заминка противника у стен Орджоникидзе, конечно, объяснялась не какими-то тактическими соображениями, а тем, что немецко-фашистские войска натолкнулись на героическое сопротивление и мужество воинов Советской Армии, отрядов народного ополчения, партизан.

5 ноября можно считать переломным днем боев под Орджоникидзе. Противник был остановлен. К этому времени командование 9-й армии и 11-го гвардейского стрелкового корпуса принимает смелое решение: группировку противника, прорвавшуюся к Орджоникидзе, отрезать от главных сил, закрыв ей выход с юга и с севера. Одним словом, предстояло осуществить знаменитый суворовский маневр — «завязать мешок, в который противник сам просунул свою голову».

«В деталях план этой операции был таков… Части 11-го гвардейского стрелкового корпуса, находящегося в тылу врага, наносят сильный удар по его флангам в районе Дзуарикау — Орджоникидзе. 57-я бригада совместно с 5-й танковой бригадой движется к Дзуарикау с внезапным поворотом фронта на запад. 10-я бригада наступает на Майрамадаг с поворотом фронта на восток, закрывает противнику выход из „мешка“ и препятствует ему в подтягивании резервов. Части 34-й бригады с обеих сторон шоссе Дзуарикау — Гизель атакуют с основной целью — закрыть образовавшийся проход в результате прорыва. 62-я бригада устремляется на Гизель и перерезает дороги Орджоникидзе — Гизель и Орджоникидзе — Архонская, закрыв противнику пути отхода на северо-запад, 60-я бригада пересекает дорогу Алагир — Гизель. 63-я танковая бригада занимает исходное положение на северных склонах высоты 549,6.

Медлить было нельзя, — пишет И. Л. Хижняк, — надо было во что бы то ни стало воспользоваться просчетом, допущенным гитлеровским командованием, которое в данном случае

пренебрегло азами военного искусства: используя узкий прорыв, оно стянуло к Орджоникидзе значительные силы».[35]

5 ноября в штаб группы армий «А» поступил приказ из Берлина, в котором говорилось, что «…на всем восточном фронте в русский революционный праздник, 7 ноября, следует ожидать крупных наступательных операций; фюрер выражает надежду, что войска будут защищать каждую пядь земли до последнего человека».[36]

Общий план наступления под Орджоникидзе, разработанный штабом Северной группы войск, предусматривал основной удар из района Фиагдона на Орджоникидзе с задачей уничтожить прорвавшуюся группировку врага, не допуская ее отхода в западном направлении, а по выходе в район Орджоникидзе — прикрыться с запада и наступать на Гизель.

Наступающие части усиливались четырьмя полками гаубичной артиллерии, семью противотанковыми и четырьмя гвардейскими минометными полками, поддерживались 4-й воздушной армией.

Окончательное решение командования Северной группы войск носило половинчатый характер. Был отдан приказ наступать только тремя стрелковыми и четырьмя танковыми бригадами. Основная же масса войск — четыре стрелковые дивизии и пять стрелковых бригад — занимала пассивную оборонительную позицию, по-существу не имея перед собой противника.

Переброшенный из 44-й армии свежий боеспособный 10-й гвардейский стрелковый корпус переходил в наступление всего лишь двумя гвардейскими бригадами, а три другие — занимали оборону, причем две из них — в глубоком тылу, северо-восточнее Орджоникидзе.

Пришлось снова вносить соответствующие поправки в план. По указанию штаба фронта, для контрнаступления были использованы, кроме ранее действовавших здесь частей и соединений, 10-й гвардейский корпус и 276 и 351-я стрелковые дивизии.

Однако наступление советских войск началось все же не всеми силами; вместо мощного наступательного удара основные силы вводились в бой по частям.

…В ночь на 6 ноября, еще раз выслушав доклады командиров корпусов, дивизий, бригад, я позвонил в Ставку. Был поздний час. Верховный Главнокомандующий в это время, как обычно, работал в своем кабинете.

Внимательно выслушав меня, Сталин сказал:

— Почему так медлите с развертыванием наступления?

Василевский докладывал, что у вас там, под Гизелью, сложились благоприятные условия для нанесения контрудара. Думаете, что противник будет ждать, пока вы раскачаетесь?..

Я ответил, что разделяю эту точку зрения. 10-й гвардейской и 57-й стрелковым бригадам, 5-й гвардейской и 63-й танковым бригадам дан приказ — нанести удар вдоль восточного берега реки Фиагдон на Дзуарикау.

— Хорошо, — после небольшой паузы сказал Сталин, видимо, отыскивая на своей карте населенные пункты и расположение войск Северной группы. — Ответственность за осуществление Гизельской операции несете вы. Если все будет складываться удачно, 15 ноября жду вас с генералом Масленниковым в Москве.

6 ноября погода в предгорьях Северной Осетии была ненастной. С утра шел мелкий дождь, сыпал мокрый снег. Тяжелые, свинцовые облака медленно плыли над ущельями, цепляясь за скалистые вершины. Используя непогоду, 10-й гвардейский стрелковый корпус силами 4-й гвардейской стрелковой бригады с 52 и 2-й танковыми бригадами, как и было условлено, нанес первый удар по Гизели. Вперед продвинулся также 11-й гвардейский стрелковый корпус.

Наши танкисты прорвались в тыл фашистам и в нескольких местах перерезали главную коммуникацию противника. Тогда гитлеровцы для подвоза боеприпасов и продовольствия создали узкий «коридор» шириной в 2–2,5 километра в районе селений Майрамадаг и Дзуарикау. По обеим сторонам они соорудили очаги сопротивления каждый из трех-девяти врытых в землю танков, двух-трех противотанковых пушек и двадцати-двадцати пяти автоматчиков. Промежутки прикрывались орудийным и минометным огнем. Тут же, по устланному мелким галечником руслу высохшей речки, беспрерывно курсировали танки. При подходе нашей пехоты очаги эти себя не обнаруживали, в бой вступали только «ягуары», курсировавшие на виду. Но как только появлялись наши танковые подразделения, в действие приходили все без исключения огневые средства.

Тогда наши гвардейцы и танкисты прибегли тоже к более тонкому маневру. Для штурма немецких узлов обороны вперед высылались два-три легких разведывательных танка. Немцы не выдерживали, открывали огонь, и тогда наша пехота, не медля, обходила очаги сопротивления с флангов, создавая угрозу окружения. А за пехотой следовала основная масса танков и самоходной артиллерии, расстреливая прямой наводкой вражеские огневые точки. Части 13-й немецкой танковой дивизии из Альтмарка делали отчаянные попытки удержать «коридор», расширить его, вырваться из ловушки. Гитлеровцы почувствовали

непреодолимое желание бежать, но бежать было некуда.

Вот несколько строк из трофейных писем того времени… Лейтенант Карл Гойшильд сообщил в Берлин: «То, что сейчас происходит на подступах к Орджоникидзе — это настоящий ужас. Как только человек может выдержать это безумие. Мы находимся в районе Майрамадага и уже три раза были отрезаны».

Ему вторил унтер-офицер Вильд Герхард из 98-го моторизованного полка 13-й танковой дивизии: «Солдаты, которые подвозили в последний раз боеприпасы и продукты питания, говорили, что дивизия, очевидно, окружена, ибо они еле проскочили. Подвоз прекратился, и артиллерия не могла больше действовать, так как кончились боеприпасы. Машины или разбиты, или брошены на поле боя. Командование сообщило, что дивизия потеряла почти всю свою технику».

Поначалу немецкие офицеры еще пытались сохранить видимость порядка, сдержать натиск, хотя бы на время, необходимое для эвакуации награбленных вещей.

Ефрейтор — танкист Хельмут Вернер писал: «Первое время были попытки регулировать движение. Солдатам приказали сдерживать русских, пока проедут автомобили офицеров. Но из этого ничего не получилось. Наша рота имела 38 автомобилей, а теперь — осталось только 4».

Спасением для гитлеровцев могло стать узкое Суарское ущелье. Через это ущелье противник мог пройти к Военно-Грузинской дороге, по которой под Орджоникидзе из Закавказья направлялись войсковые части, боеприпасы, продовольствие. По этому же ущелью гитлеровцы, как по своеобразному «коридору», могли провести подкрепление к окруженной гизельской группировке.

Створ Суарского ущелья прикрыли морские пехотинцы 34-й отдельной стрелковой бригады полковника А. В. Ворожищева. Эта бригада была сформирована из курсантов Бакинского военно-морского училища. Молодые ребята в полосатых тельняшках попали в самое пекло битвы за Орджоникидзе. В течение почти 10 дней, курсантские батальоны отбивали атаки гитлеровцев, которые наседали на селение Майрамадаг, откуда начинался вход в ущелье.

Комбриг Ворожищев показал себя в этих боях умелым командиром. Он отлично понимал, что гитлеровцы огнем артиллерии и авиации могли полностью уничтожить курсантские батальоны, но отступить бригада не имела права — за спиной — теснина Суарского ущелья. Отход из Майрамадага повлек бы за собой гибель десятка таких же соединений, сорвал бы завершение всей операции.

Приказ Ворожищева был предельно прост и лаконичен: «Превратить все каменные постройки, подвалы, заборы из булыжника в огневые точки, сражаться за каждую пядь земли, беречь людей и боеприпасы, огонь открывать только по видимой живой цели».

Гитлеровцы, стремясь разорвать кольцо, сжимавшее гизельскую группировку, бросили под Майрамадаг танки 13-й немецкой дивизии, 2-ю румынскую горнострелковую дивизию и полк «Бранденбург».

Неравной была схватка с противником батальона моряков-автоматчиков под командованием старшего лейтенанта Леонида Березова, который прикрывал вход в ущелье. На каждого каспийца приходилось по десять вражеских солдат, но моряки не дрогнули.

Перед боем в морском батальоне прошли короткие беседы, на которых выступили коммунисты. Обращаясь к своим товарищам, парторг роты Рафаэль Хуцишвили сказал:

— У врага больше сил, но никто из нас не имеет права погибнуть, пока не уложит десятерых гитлеровцев.

Хуцишвили исполнил свой священный долг перед Родиной. Он сражался, пока билось сердце.

Три атаки отбили морские пехотинцы. Порой казалось, что вражеские горные стрелки и солдаты из полка «Бранденбург» сомнут цепи автоматчиков в бушлатах с серебристыми якорями на шапках, однако враг не прошел. В самый критический момент боя в окопы моряков пробрались жители селения Майрамадаг. Они доставили свежую воду, продовольствие, ухаживали за ранеными. Особенно отличились в бою столетний горец Тасолтан Базров и восьмидесятилетний колхозник Кола Битиев.

Утром 10 ноября к Майрамадагу с боями пробились гвардейцы из 10-й бригады. Суарское ущелье так и осталось «завязанным на крепкий морской узел».

Не легче было и на других участках.

«9 ноября 1942 года перед боем командир отделения Петр Барбашев собрал в одной из лощин на подступах к городу Орджоникидзе комсомольцев своей роты и сказал:

— Комсомольцы! Наш святой долг отстоять Кавказ, грудью защитить славный город Серго Орджоникидзе!

Петр Барбашев первым во главе своего отделения пошел в атаку, но пулеметно-минометный огонь вражеского дзота мешал бойцам продвигаться. Тогда верный сын Родины совершил свой бессмертный подвиг: он закрыл амбразуру вражеского дзота и ценой жизни обеспечил успешное продвижение своей части. Петру Барбашеву было посмертно присвоено звание Героя

Советского Союза».[37]

Бессмертным стало имя курсанта Орджоникидзевского военного училища Аркадия Климашевского. В бою он грудью защитил своего комиссара от пуль вражеского автоматчика.

Много легендарных, героических имен рождено в боях за Северную Осетию и ее столицу.

Заместитель командира эскадрильи по политической части 805-го штурмового авиационного полка капитан С. М. Мкртумян вступил в бой с шестью вражескими истребителями. Одного из них он сбил, другого поджег. Сам Мкртумян получил шесть пулевых и осколочных ранений. Напрягая волю, он вел бой до тех пор, пока его самолет не загорелся. Бесстрашный летчик, собрав последние силы, сумел посадить объятую пламенем машину у подножья гор.

Подвиг Николая Гастелло повторил летчик-штурмовик Василий Шамшурин, направив пылающий самолет в скопление танков и автомашин врага в районе Ардона.

Политрук В. С. Лурсманишвили из 392-й стрелковой дивизии возглавил роту, которая окружила и уничтожила в сильно укрепленном населенном пункте 168 немецких солдат и офицеров. Лурсманишвили первым ворвался в село и лично истребил 26 фашистов.

Пятьдесят гитлеровцев в одном бою уничтожил из автомата комсомолец Валерий Половинкин. Когда был ранен командир минометного взвода, он принял командование на себя. Взвод отразил три атаки противника, уничтожив при этом около 300 фашистов, 2 минометных расчета и 50 автомашин.

Силу духа, волю и отвагу проявил молодой командир взвода 43-й стрелковой бригады младший лейтенант Идрис Сулейманов. Во время наступления на опорный пункт в районе Моздока осколком снаряда его ранило в глаз, но Идрис продолжал бежать впереди наступавших:

— Вперед! Только вперед! — кричал он, увлекая бойцов за собой. И вдруг второе ранение — в ногу. Сулейманов упал.

— Гасанов! — крикнул он командиру орудия. — Бери меня на руки и неси вперед!

Так, на руках товарища, Сулейманов продолжал руководить боем, пока его не покинули силы. Стрелковый взвод выполнил задачу.

Представители разных национальностей, но сыновья одной Советской Родины, бились с врагом в предгорьях Кавказа, не жалея сил и своей жизни. Вспоминаю, как одновременно стали Героями Советского Союза русские В. Шамшурин и В. Половинкин, грузин В. Лурсманишвили, армянин С. Мкртумян и

азербайджанец И. Сулейманов.

Селение Нижняя Саниба. Здесь держали оборону бронебойщики из батальона Григория Диордицы. С небольшого пригорка хорошо просматривалась Гизельская дорога, на которую стремились выйти «ягуары». На окопы гвардейцев двигалось большое количество танков. Земля гудела под тяжестью бронированных машин, воздух дрожал от рева моторов. Немцы приближались двумя танковыми группами. На каждой машине находились вражеские автоматчики. Из-за брустверов окопов за ними внимательно следили бронебойные расчеты братьев Дмитрия и Ивана Остапенко.

Родина братьев — небольшое украинское село Желтое, что в Ворошиловградской области. Вместе Иван и Дмитрий учились в школе, работали в колхозе, в один день их приняли в комсомол. А когда пришел грозный 1941 год, Дмитрий и Иван ушли защищать Родину.

Первое боевое крещение братья Остапенко приняли под Моздоком. Бой под осетинским селением Нижняя Саниба явился для Дмитрия и Ивана еще одним испытанием, и они выдержали его с честью.

«Первой пулей, — вспоминает Иван, — мой брат Дмитрий попал в башню головного танка. Вражеская машина будто споткнулась, закрутилась на месте, ее обволокли клубы дыма. Из открывшегося люка вырвались языки пламени — внутри машины рвались боеприпасы. Потом загорелся второй танк, третий…

Когда был подбит тринадцатый „ягуар“, противотанковое ружье Дмитрия замолчало…

Заметив это, я встревожился. Но как узнать, что случилось с братом? Добраться до него невозможно, вражеские танки наседают со всех сторон. Один подошел совсем близко. Я пустил в него несколько термитных пуль, но стальная громада продолжала надвигаться, давя гусеницами наши огневые точки. Тогда я стал тщательно целиться в то место, где находился бак с горючим. Выстрел — и над бронированной крепостью вспыхнул яркий, коптящий факел огня. Фашистские танки повернули назад.

Что случилось с братом? Долго искал я Дмитрия между подбитых танков и разбросанных по земле трупов, но брата нигде не было.

1943 год. Гвардейская стрелковая бригада, в которой я служил, продвигалась на Кубань. Я в то время был командиром взвода бронебойщиков.

Однажды в нашем противотанковом подразделении появилась газета „Комсомольская правда“. На первой странице был помещен портрет воина. Здесь же сообщалось:

„Герой Советского Союза Дмитрий Остапенко жив. Он посылает свой боевой горячий привет товарищам по части“.

А вскоре я читал письмо от Дмитрия: „Дорогой брат Ваня! Я жив, нахожусь в армии. Расскажу тебе, как случилось, что меня зачислили в убитые, а я вот остался в живых на зло врагам!

Когда я подбил первый танк, гитлеровцы перенесли огонь на наш окопчик. Такое началось, что страшно и вспомнить, танки ползут один за другим, фашистские автоматчики горланят. Я подбил из ПТР несколько танков. Вдруг осколками ранило обоих моих товарищей, убило лейтенанта. Остался я один.

Неожиданно вперед вырвался тяжелый танк, а у меня патроны кончились. Тут меня тяжело ранило… Очнулся я от удара. Открываю глаза, а вокруг меня — немцы с автоматами. Они потащили меня в свой тыл. Трудно тебе рассказать, что пришлось пережить в фашистском плену. Выжил чудом…

Ох и накипело тогда у меня на душе! Одна мысль была: как можно быстрее встать на ноги, бежать к своим, чтобы снова громить фашистов. Мне посчастливилось бежать. Был я еще очень слаб. Рана долго не заживала. Спасибо одной сельской женщине: она спрятала меня в подвале, приносила еду, ухаживала за мной.

И вот теперь я снова в Советской Армии. Сил у меня много. Много и ненависти к врагу. Теперь опять вместе будем мстить фашистам за народные муки, за страдания родной земли“».[38]

В бою возле селения Нижняя Саниба братья — бронебойщики Остапенко подбили 21 фашистский танк. Дмитрий поразил 13 «ягуаров», на счету Ивана — 8. Указом Президиума Верховного Совета СССР Дмитрию Остапенко за боевой подвиг и мужество было присвоено звание Героя Советского Союза, а Иван награжден орденом Ленина.

…11 ноября войска левого крыла 9-й армии овладели селением Гизель.

Первым ворвался в Гизель рядовой гвардейской стрелковой бригады Я. Шапошников. В единоборстве с шестью танками врага он подбил два из них, а затем заменил выбывшего из строя командира роты и умело руководил боем. За этот подвиг Я. Шапошников был удостоен звания Героя Советского Союза.

В этот же день от гитлеровцев была очищена и Нижняя Саниба, а части 10-го гвардейского стрелкового корпуса вышли на рубеж Майрамадаг — Фиагдон.

Советское Информбюро, подводя итог сражению под Гизелью, сообщило: «Многодневные бои на подступах к Орджоникидзе закончились поражением немцев.

В этих боях нашими войсками разгромлены 13-я немецкая танковая дивизия, полк „Бранденбург“, 45-й велобатальон, 7-й

саперный батальон, 525-й дивизион противотанковой обороны, батальон 1-й немецкой горнострелковой дивизии и 336-й отдельный батальон. Нанесены серьезные потери 23-й немецкой танковой дивизии, 2-й румынской горнострелковой дивизии и другим частям противника.

Наши войска захватили при этом 140 немецких танков, 7 бронемашин, 70 орудий разных калибров, в том числе 36 дальнобойных, 95 минометов, из них 4 шестиствольных, 84 пулемета, 2350 автомашин, 183 мотоцикла, свыше миллиона патронов, два склада боеприпасов, склад продовольствия и другие трофеи.

На поле боя немцы оставили свыше 5 тысяч трупов солдат и офицеров. Количество раненых немцев в несколько раз превышает число убитых».[39]

Так столица Северной Осетии, раскинувшаяся по берегам Терека, была избавлена от угрозы фашистского порабощения.

В захваченных почтовых машинах лежали кипы неотправленных писем и открыток в Германию. Многие из них заканчивались оптимистической фразой: «Завтра мы будем в Орджоникидзе».

Немалая часть авторов этих писем оказалась в числе пяти тысяч, оставшихся лежать у города, который называют «воротами Кавказа».

Об этих боях заговорила даже английская газета «Таймс». В ней сообщалось, что советская мощная контратака, проведенная на прошлой неделе в районе Орджоникидзе, уже предвещала в дальнейшем более крупное событие. И в действительности за этим незамедлительно последовал новый, более сильный удар.

Англичане явно поскромничали: это был мощный удар, ставший предвестником поражения немецко-фашистских полчищ на Кавказе.

Гизельский контрудар Северной группы войск Закавказского фронта пресек последнюю попытку врага прорваться к грозненскому и бакинскому нефтяным районам, он показал крепнущую мощь Советской Армии, горячий советский патриотизм и нерушимую дружбу народов нашей страны.

Много славных дел совершили партизаны Северной Осетии, простые мирные жители в период временной оккупации ее населенных пунктов. Здесь мне хотелось бы привести слова писателя-фронтовика П. Павленко, который, характеризуя деятельность партизан Северной Осетии, писал: «Вместе с войсками сражались за освобождение осетинских земель и осетинские партизаны, которые нападали на немецко-румынских разбойников, держа их в вечном страхе за свое

существование…»[40]

* * *

11 ноября с группой командиров и штабных работников мы выехали в селение Гизель. Накануне стояла холодная дождливая погода, делавшая все вокруг серым, тусклым, но к исходу дня толстую пелену облаков неожиданно пробили лучи заходящего солнца и во всем своем величии перед нами предстали усыпанные первым снегом лесистые склоны гор. Кто-то из моих спутников заметил: «Когда солнце в ненастный день проглядывает на землю — добрая примета». И верно, на Кавказе наступил долгожданный час расплаты с врагом.

В селении мы увидели чудовищную картину разрушения. Ни одного целого строения. На месте домов — пепелища с одиноко торчащими трубами. Из лесов, ущелий потянулись в родные места жители. Сельчане радостно встречали воинов, приветствовали друг друга, словно не виделись долгие годы. Снова зазвучал на улицах осетинский говор.

Седобородые старики, ребятишки, женщины, окружив нашу машину, рассказывали о бесчинствах и издевательствах немецких захватчиков. Особенно запомнился рассказ высокого подтянутого старика-горца. Одет он был в черкеску, на голове — мохнатая папаха. По лицу было видно, что на его долю выпало большое горе, но говорил старик спокойно, твердо, с достоинством:

— В первый день прихода гитлеровцев у меня в доме остановился офицер. Он все спрашивал: есть ли в селе коммунисты, большевистская литература, приходят ли по ночам партизаны? Однажды офицер заметил на полке небольшую книгу, на обложке которой крупными буквами было написано: «Конституция Союза Советских Социалистических Республик». Взяв ее в руки, он весь так и налился кровью:

— Ты знаешь, что мы делаем с теми, кто хранит эти большевистские книги?

Я сначала не понял его хриплый крик, а потом ответил офицеру:

— Эта книга для всего народа.

— Ты большевик! Мы расстреляем тебя, сожжем твой дом! — побагровел фашист.

— Нет, я не коммунист, но у нас в стране никто не прячет эту книгу. Разве можно спрятать за маленькую тучку солнце. Наша Конституция — это наше солнце, которое взошло над горами.

Гитлеровец подскочил ко мне и ударил пистолетом. Затем

меня бросили в сарай, а мой дом подожгли. Расстрелять меня не успели, Красная Армия подошла.

Старик-осетин вздохнул и, поглаживая серебристую «толстовскую» бороду, добавил:

— Жаль, я сам не смог расправиться с тем офицером, его пристрелили ваши бойцы. Ишь чего захотел басурман — уничтожить Конституцию. Разве может ветер сдвинуть горы.

Я торопился в штаб фронта, но заметил в толпе худощавого черноглазого мальчишку в старенькой залатанной фуфайке. Он хотел, видно, что-то сказать, но стеснялся стариков.

— Ну, а ты что знаешь, герой? — спросил я.

Паренек доверчиво посмотрел на нас и начал рассказывать:

— У нас, в Дигоре, было еще страшнее. Гитлеровцы заставили двух мальчиков провести их в горы, хотели зайти к нашим пулеметчикам в тыл. Ребята сразу сообразили. Они вывели вражеских автоматчиков прямо на наши пулеметы и закричали бойцам: «Стреляйте проклятых фашистов!» Гитлеровцы убили этих мальчиков.

Я подарил мальчику карандаш и блокнот.

— Это еще не все, товарищ генерал, — добавил он. — У мальчиков-героев был старый дедушка. Узнав о том, что гитлеровцы убили его внуков, он ночью задушил немецкого часового.

Мы распрощались с горцами и поехали в Орджоникидзе, в штаб Северной группы войск. Машина шла тихо. По обочинам то и дело обнаруживались минные заграждения, которые еще не успели обезвредить саперы.

Рассказы гизельцев произвели на нас неизгладимое впечатление. Каждый думал о судьбах миллионов жителей, которые еще терпят бесчинства врагов. Молчание прервал полковник Рыжов.

— Да, товарищ командующий, — заметил он, — оказывается не только мы одни воюем.

— А вы как думаете? — ответил я. — В том-то и сила наша, что на борьбу за Родину поднялись все советские люди от мала до велика.

* * *

Из Ставки Верховного Главнокомандования в тот день мне сообщили, что в ближайшие дни я должен вылететь в Москву, имея при себе план дальнейших боевых наступательных действий на Кавказе.

Анализируя итоги боев под Орджоникидзе, я пришел к выводу, что они могли бы завершиться с еще большим эффектом: если бы контрудар по врагу был нанесен всеми частями Северной группы, которые находились в зоне боевых действий. В целом же вся гитлеровская операция по захвату столицы Северной Осетии в своей основе, конечно, была рассчитана на авантюру, случайность. Имея истощенные резервы, худшее соотношение сил, немецкое командование группы армий «А» не имело оснований на успех. Поэтому-то оно и пошло, как в азартной карточной игре, «ва-банк…»

Готовясь к докладу в Ставке, я беседовал с командирами частей, которые отличились при защите столицы Северной Осетии, с бойцами, встречался с руководителями этой автономной республики, с партизанами.

Осадное положение в городе еще не было снято, повсюду видны следы недавних бомбардировок, артобстрелов. Но руки горожан, истосковавшиеся по работе, уже приводили в порядок улицы и площади. С проезжей части убирались противотанковые ежи, с трамвайных путей исчезли горы булыжника, продавались газеты, открывались магазины, аптеки, учреждения. На площадь возле здания русского драматического театра наши тягачи доставляли из Гизели подбитые немецкие танки, автомашины, зенитки, исковерканные фюзеляжи «мессершмиттов». Здесь должна была открыться выставка фашистской трофейной техники.

В один из дней я проехал по Военно-Грузинской дороге к Крестовому перевалу, чтобы проверить состояние этой важной магистрали. Извилистая трасса, прорезавшая Главный Кавказский хребет, превратилась в неприступную полосу. По обочинам дороги — контрольные посты часовых, которые проверяли документы, в глубоких горных нишах — видны стволы противотанковых пушек. За «Чертовым мостом» в скалах пробиты щели дотов.

Нашей машине то и дело приходилось останавливаться, ждать, пока по дороге не пройдут отряды бойцов, автомашины, груженные боеприпасами, продовольствием, повозки, запряженные круторогими волами.

В стороне — полуразваленные зубчатые бастионы «замка царицы Тамары».

Перед глазами отчетливо всплыл один случай, который несколько месяцев назад произошел вот здесь, возле этого древнего замка.

Из штаба Закавказского фронта, располагавшегося в Тбилиси, я ехал в предгорья Кавказа, чтобы встретиться с генералом И. И.

Масленниковым, посмотреть, как идет строительство оборонительных рубежей.

Из Тбилиси до Орджоникидзе Военно-Грузинская дорога сначала берет стремительный разбег, взбирается на вершину Крестового перевала, а затем, замысловато петляя, словно соперничая с Тереком, уходит вниз. Она то вплотную прижимается к горным кряжам, то подходит к руслу реки. Дорога очень живописная, богатая впечатлениями, но утомительная, «выматывающая».

Выехали мы из Тбилиси во второй половине дня и пока петляли по серпантину дороги, не заметили как в ущелье со всех сторон вползли густые вечерние сумерки. Шофер, напрягаясь, осторожно вел машину, временами показывая военным патрулям пропуск.

Когда миновали Казбеги, стало совсем темно. Стал накрапывать мелкий дождик. Из ущелья, как из аэродинамической трубы, тянуло ледниковым холодом, саманным дымком.

Возле «замка царицы Тамары» путь нам неожиданно перекрыли скрипучие повозки, запряженные низкорослыми кавказскими лошадками и упрямыми волами.

Мой адъютант направился в сторону растянувшегося обоза и вскоре доложил:

— Товарищ командующий! Бойцы хозвзвода везут из горных селений продовольствие для войсковых частей. Придется немного задержаться, дорога закупорена повозками, а объезжать стороной нельзя: с одной стороны — скалы, с другой — обрыв…

«Ну что ж, раз другого выхода нет, — решил я, — будем ждать».

Выйдя из машины, мы решили немного размяться. Подошли к застрявшему обозу, чтобы узнать, в чем дело. Вокруг темно, хоть глаз коли, лишь языки маленького костра выхватывали из темноты нагромождения скал.

Почувствовав, что из-под брезента идет запах свежеиспеченного хлеба, я обратился к одному из бойцов:

— Товарищ боец! Не угостите ли хлебом? Проголодались мы… — Тот сначала замешкался, а затем отчеканил:

— Никак нет, товарищ генерал! Довольствие государственное, военное, не имею права. А вот из собственных, личных запасов могу предложить.

И протянул нам завернутый в платок пахучий кукурузный чурек и кружок солоноватого осетинского сыра. Признаться, может быть, от того, что в Тбилиси мы ограничили свой обед только крепким чаем с бутербродами, а, может быть, и еще

почему-то, но угощенье солдата показалось нам тогда необыкновенно вкусным.

* * *

15 ноября 1942 года я вылетел с докладом в Москву, в Ставку Верховного Главнокомандования. Прежде чем попасть в столицу, нашему самолету пришлось сделать солидный крюк. Летели мы через Баку, Астрахань, Куйбышев, садились на временные полевые аэродромы, затерянные среди равнинных полей России. Наконец — под крылом мелькнули тусклые посадочные огни Подмосковного Центрального военного аэродрома…

И вот я снова в Москве, в Кремле, в приемной Верховного Главнокомандующего. Ждать пришлось недолго. И. В. Сталин принял меня сразу.

Был поздний час. В просторном рабочем кабинете Верховного никого не было. Сталин сидел за большим столом, на котором была развернута карта, и он что-то отмечал на ней карандашом. Рядом стоял стакан остывшего чая, на пепельнице лежала забытая трубка, струившая ароматный сизый дымок.

Сталин приветливо поздоровался и попросил как можно подробнее проинформировать о положении на Кавказе.

Я доложил Верховному Главнокомандующему о контрударе по гизельской группировке врага, о мужестве войск, народных ополченцев, партизан, жителей столицы Северной Осетии — города Орджоникидзе.

Сталин внимательно выслушал меня, скупо улыбнулся в усы и ответил:

— Хорошо! Зайдите потом к товарищу А. С. Щербакову, чтобы о победе под Гизелью сообщили в сводке Совинформбюро. А осетин я знаю хорошо. Это народ гордый, умеет постоять за Родину в любой обстановке и с большим достоинством.

И. В. Сталин поинтересовался: каково настроение войск и местных жителей, много ли разрушений в городах и селениях, каково состояние Военно-Грузинской дороги?

Во время нашей беседы Сталин изредка присаживался за стол, словно скатертью накрытый большой картой, синим, хорошо отточенным карандашом делал на ней аккуратные пометки.

Кавказ Сталин знал хорошо. Называл не только мелкие города, но и отдельные населенные пункты, горные перевалы, реки на территории Северной Осетии, Грузии, Кабардино-Балкарии, в районе Черкесска и Туапсе.

Помню, я никак не мог точно произнести название горного осетинского селения Дзуарикау. Я говорил: Дзаурикау. Сталин улыбнулся:

— Дзуарикау — это значит: «селение святых».

Затем в общих чертах он проинформировал меня о предстоящей Сталинградской операции и приказал готовиться к наступлению на Кавказе.

— Закавказскому фронту скоро будет легче. Мы намерены разгромить врага на Волге.

Уезжал я из Москвы в радостном настроении. Предстояло широкое, планомерное наступление на Кавказе.

Наступление

Терек и Волга… Немалое расстояние разделяет эти две водные магистрали. «Главную голубую артерию» страны питают ключевые родники России. Терек берет свое начало в ледниках седого Казбека, но судьба у них едина. Преодолев на своем пути многочисленные преграды, они устало бросаются в объятия Каспия.

В ноябрьские дни 1942 года судьба этих рек тоже была едина. Битва на Тереке проходила в момент, когда немецко-фашистские захватчики прорвались к берегам Волги. Крепость на Тереке выдержала атаки гитлеровских танковых колонн, волжская твердыня в этот момент была в огненном кольце. Враг отчаянно пытался захватить Сталинград, но встретил невиданную стойкость воинов, защитников города.

В оперативном приказе вермахта было, в частности, стратегическое решение: для усиления сталинградской группировки перебросить на Волгу часть военных соединений с Кавказа.

Этот замысел Берлина был своевременно разгадан. В приказе Ставки Верховного Главнокомандования перед войсками Северной группы Закавказского фронта была поставлена задача: «Активными действиями сковать все силы 1-й немецкой танковой армии и не дать немецко-фашистскому командованию осуществить широкие переброски войск из группы армий „А“ под Сталинград».[41]

Мы понимали, что это ответственное задание, и для выполнения его предложили план, разработанный в штабе Северной группы. В нем предусматривалось нанести противнику контрудары на нальчикском и моздокском направлениях. Главной ударной силой в направлении Нальчика должна была стать 9-я армия под командованием генерал-майора К. А. Коротеева. Ей ставилась цель: выйти на рубеж реки Урух.

Однако действия 9-й армии оказались не совсем удачными. Ей удалось вклиниться в оборону врага всего лишь на 10 километров. В предыдущих боях ее войска понесли серьезные потери, в то время как 23 и 13-я немецкие танковые дивизии и мотодивизия СС «Викинг» получили пополнение. Кроме того, причина неудачных действий левого фланга нашей армии крылась в плохом взаимодействии пехоты, танков, авиации.

Вскоре из Москвы последовала очередная директива: «Прочно

прикрывая основные направления на Грозный и Орджоникидзе, нанести удары на обоих флангах и разгромить моздокскую и алагирскую группировки врага».[42]

Чтобы осуществить ее, требовалась срочная перегруппировка войск.

В распоряжение Северной группы войск с Черноморского побережья в район Кизляра прибыли 11 и 12-я гвардейские кавалерийские дивизии, из которых был сформирован 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус под командованием генерал-майора А. Г. Селиванова.

В ночь на 27 ноября войска 9-й армии начали наступление на крупный населенный пункт Осетии — Дигору. В это же время 3-й стрелковый корпус штурмом пошел на Ардон, 10-й гвардейский стрелковый корпус развернул боевые действия в районе Кадгарона, а 11-й гвардейский стрелковый корпус наносил удары по Хаталдону и Ногкау. Завязались сильные бои. В течение трех дней левое крыло 9-й армии пыталось прорвать вражескую оборону, но продвинуться вперед не смогло.

11 декабря из Ставки Верховного Главнокомандования позвонили генералу И. И. Масленникову:

«Противник уже перебросил из района ваших войск часть своих сил на север и тем ослабил себя. Судя по ходу операции под Сталинградом, противник будет и впредь перебрасывать часть своих сил на север. Преднамеренный отход противника на северном берегу Терека нельзя считать случайностью. Создалась, таким образом, благоприятная обстановка для наступления всех ваших войск. Ваша задача состоит в том, чтобы не упустить момента и действовать посмелее…»[43]

Боясь окружения, командование группы армий «А» начало отводить свои войска из Ардона, Алагира, Дигоры на подготовленный оборонительный рубеж Эльхотово — Чикола. Благоприятная обстановка для широкого наступления вновь не была использована командованием Северной группы войск, а гитлеровцам удалось вывести из боя и направить под Сталинград 23-ю танковую дивизию и мотодивизию СС «Викинг».

С наступлением холодов немецкие солдаты, занимавшие оборонительные рубежи в предгорьях Кавказа, стали больше интересоваться железными печками и кавказскими папахами, нежели обетованными землями Индии, лазурным берегом Черного моря и нефтепромыслами Грозного и Баку. После поражения под Орджоникидзе и очередных неудач в районе Туапсе гитлеровцы по всему Кавказскому фронту глубоко «зарылись» в землю, возводили мощные оборонительные сооружения, помышляя о тихой зимовке. А наши части все

увереннее забирали инициативу в свои руки.

Битва за Кавказ была тесно связана с битвой за Сталинград. Герои-сталинградцы оттягивали на себя силы гитлеровцев, предназначенные для завоевания Кавказа, но и неудачи противника на Тереке, под Моздоком и Туапсе принуждали немцев поворачивать дивизии, шедшие на штурм волжской твердыни, в предгорья Кавказа.

Фашисты отлично понимали, сколь велико значение Терека в битве за Кавказ. При штурме города Малгобека нами был захвачен приказ Гитлера, датированный декабрем 1942 года, в котором фюрер в свойственном ему категорическом тоне писал, что берега Терека, изобилующие населенными пунктами — наиболее благоприятный зимний рубеж, который нужно во что бы то ни стало отстоять для покорения Кавказа весной.

Но и эти замыслы Гитлера не осуществились. Однако на Моздокском направлении враг продолжал удерживать сильно укрепленный оборонительный рубеж.

22 декабря 1942 года по приказу Ставки Верховного Главнокомандования на Северном Кавказе началось наступление наших войск. Первыми на территории Северной Осетии вступили в бой части 11-го гвардейского стрелкового корпуса Северной группы войск Закфронта под командованием генерал-майора И. Л. Хижняка.

«Наступила волнующая минута, — вспоминает Иван Лукич Хижняк. — Это было в 10 часов вечера 22 декабря. Мы начали наступление.

10-я гвардейская бригада пошла первой. После короткой, но стремительной атаки с юга она овладела селением Кодахджин.

На других участках противник оказывал упорное сопротивление. Всю ночь и весь день 23 декабря шли непрерывные бои за селение Рассвет. Этот небольшой населенный пункт не раз переходил из рук в руки. Разгорелся жестокий бой и за Дзуарикау. Но Кодахджин был взят, оборона противника прорвана. Это вселяло в нас веру в победу, поднимало настроение людей…

На мой командный пункт непрерывно поступали донесения. Успехи были пока незначительными, но многообещающими.

К исходу 23 декабря части корпуса, наконец, освободили многострадальный Рассвет — основной узел сопротивления врага. За ним сразу же были взяты Дзуарикау, Хаталдон, Ногкау…»

К 24 декабря 1942 года части Северной группы войск Закавказского фронта продвинулись далеко на запад и в тот же день с боями освободили селения Кадгарон, Суадаг, Бирагзанг и

соединились с другими подразделениями советских войск, освободивших город Алагир, селения Црау, Ардон.

В первые дни нашего наступления противник оказывал упорное сопротивление. Используя свою долговременную, хорошо оборудованную систему обороны, немцы встречали наступающих гвардейцев мощным массированным огнем из всех видов оружия. Много неприятностей нам приносили минные поля, которых у неприятеля было очень много.

Однако теперь было трудно остановить наших воинов. Их наступательный порыв был высоким.

24 декабря части советских войск, оборонявшие «Эльхотовские ворота», перешли в наступление и к исходу дня освободили Эльхотово. 24–26 декабря гвардейцы 11-го Краснознаменного корпуса освободили селения Синдзикау, Урсдон, Дигора, Дур-Дур, Красногор, Мостиздах, станицу Николаевскую.

Наиболее крупные боевые действия развернулись в районе Сурх-Дигора — Чикола, у подножья высоты 539,1. Противник возвел здесь укрепленный оборонительный рубеж с дзотами, сложной системой траншейных ходов и проволочных заграждений и пытался во что бы то ни стало задержать наше наступление с тем, чтобы спасти танки и автомашины, которые стояли на берегу реки Урух в ожидании подвоза горючего. Из разведданных мы знали, что около Сурх-Дигоры противник сосредоточил шесть пехотных батальонов, значительные силы одной танковой дивизии, много артиллерии и пять батарей шестиствольных минометов.

«Двадцать шестого декабря, — пишет в своем военном дневнике генерал-лейтенант И. Л. Хижняк, — я вызвал командиров 10 и 57-й бригад. В краткой беседе познакомил их с планом наступления, составленным нашим штабом. Затем поставил перед ними боевую задачу.

Получив приказ, части корпуса с ходу атаковали Сурх-Дигору. На юго-восточной окраине села завязались упорные бои. Мы нанесли противнику чувствительный удар, однако с первого раза овладеть селом не смогли. На наши стремительные атаки гитлеровцы отвечали массированным артиллерийским и минометным огнем, а в критические моменты бросали в бой и танки. Я понял, что Сурх-Дигора определит темп дальнейшего продвижения наших частей.

Штаб корпуса я подтянул поближе к переднему краю, чтобы удобнее было руководить операцией. Вокруг нас беспрерывно рвались снаряды. Бой разгорался. Гвардейцы стремились выйти вперед, но плотный неприятельский огонь сковывал действия

стрелков.

Бой за Сурх-Дигору разгорался с нарастающим ожесточением. Село несколько раз переходило из рук в руки. Можно было бы выждать, когда противник угонит на запад свою технику, а уж потом малой кровью взять этот населенный пункт. Однако наша основная задача заключалась не только в том, чтобы освободить Сурх-Дигору, преследовать отступающего противника. Надо было уничтожить его технику и живую силу…

Командующий армией генерал-майор К. А. Коротеев торопил нас со взятием Сурх-Дигоры. Овладеть им — значит отрезать врагу все пути отхода из района Чиколы на север, не дать ему закрепиться на высотах.

Резервы нашего корпуса были на исходе. Наступающие же части, измотанные непрерывными боями, нуждались в перегруппировке и отдыхе. Пришлось отступить от общепринятых правил — ввести в действие последние резервы. Это был уже риск. Но я надеялся, что он оправдает себя. Ведь и противник на нашем участке тоже основательно измотан. Еще один, другой нажим… и победа наша…

Мы взяли Сурх-Дигору на семнадцатой атаке. И теперь там прочно закрепились. А первого января уже сорок третьего года части генерала Василия Фадеевича Сергацкова и гвардейцы бригад Ефима Степановича Терешкова и Степана Макаровича Черного заняли Чиколу. Наши саперы на пути к Сурх-Дигоре обезвредили до сорока тысяч мин.

В боях за Сурх-Дигору наши части понесли потери. Но и врагу был нанесен большой урон. Он недосчитался многих своих солдат и офицеров, 24 танков, 39 автомашин. Мы уже не говорим о том, что какая-то часть священной советской земли навсегда была освобождена от фашистов».

* * *

Наступивший 1943 год ознаменовался блестящей победой Советских Вооруженных Сил. В районе Котельниково завершилась грандиозная операция по разгрому крупной группировки гитлеровцев, которая шла на соединение с 6 и 4-й танковой армиями, попавшими в кольцо под Сталинградом.

В результате успешного завершения этой операции был значительно расширен фронт стратегического наступления Советской Армии. План германского командования по деблокированию своей окруженной группировки и восстановлению положения под Сталинградом полностью

провалился.

«Победа Советской Армии под Сталинградом дала мощный толчок целой серии новых наступательных операций, успешно проведенных советскими войсками в течение января — марта 1943 года на Северном Кавказе, на Верхнем Дону, под Ленинградом, на курском и харьковском направлениях и в Донбассе».[44]

Все эти операции были подготовлены и последовательно проведены в весьма благоприятной стратегической обстановке, которая к началу 1943 года коренным образом изменилась в пользу Вооруженных Сил Советского Союза. Определяющим фактором ее было прежде всего создание выгодных условий для перерастания сталинградского контрнаступления в общее стратегическое наступление Советской Армии.

«Победа под Сталинградом, — говорил Л. И. Брежнев на открытии памятника в Волгограде, — была не просто победой, она была историческим подвигом. А подлинная мера всякого подвига может быть справедливо оценена только тогда, когда мы до конца представим себе — среди каких трудностей, в какой обстановке он был совершен».[45]

В это время Ставка Верховного Главнокомандования, используя успехи контрнаступления на берегах Волги и опираясь на все возрастающую военно-экономическую мощь страны, приняла решение перейти к новому этапу стратегического наступления, включив в него основные силы действующей армии. При этом по-прежнему имелось в виду главный удар нанести на юго-западном направлении. Первоначально намечалось развернуть в январе 1943 года наступательные операции против крупных группировок немецко-фашистских войск на Северном Кавказе и на Верхнем Дону.

Это решение Ставки о начале наступательных операций советских войск с нанесением главного удара гитлеровцам на южном крыле объяснялось не только тем, что создался выгодный момент на юге нашей страны. Здесь под удар попадало примерно около 100 вражеских дивизий. Прежде всего имелись в виду военно-политические соображения. Поражение немецко-фашистских войск на юге окончательно разрушало планы Гитлера о захвате нефтепромыслов Грозного и Баку, вовлечении Турции в войну на стороне Германии. Кроме этого, от немецких оккупантов освобождались важные в военно-экономическом отношении районы нашей страны — Северный Кавказ, Донбасс, Харьков.

В соответствии с общим замыслом Ставки Верховного Главнокомандования фронтам предстояло выполнить следующие задачи: Южный, так с 1 января 1943 года стал называться

Сталинградский фронт, и Закавказский фронты при участии Черноморского флота должны были окружить и уничтожить всю северокавказскую группировку противника и полностью освободить Северный Кавказ.

Планы командования вермахта были в это время таковы. Потерпев поражение у стен Сталинграда и Орджоникидзе, оно все еще тешило себя надеждой, что сумеет восстановить свое положение на юге нашей страны. Берлин срочно требовал от своих генералов: спасти окруженную 6-ю армию Паулюса, удержать важные стратегические ключевые позиции на берегах Волги, закрепиться в предгорьях Северного Кавказа. Но все эти планы так и остались на бумаге.

В конце 1942 года у меня состоялся разговор по телефону с И. В. Сталиным:

— Товарищ Тюленев, — сказал Верховный, — у меня есть некоторые соображения. Вашему фронту ставится задача подготовить наступление на краснодарско-тихорецком направлении. Обратите особое внимание на железнодорожную магистраль в районе Тихорецка, ее необходимо перерезать, этим самым будут закрыты пути отступления вражеских войск на северо-запад.

Черноморской группе предстоит нанести мощный удар по Батайску, Азову и Ростову и совместно с левым крылом Южного фронта замкнуть в кольцо кавказскую группировку противника.

Если будут иные соображения — прошу немедленно телеграфировать.

Немецко-фашистское командование, учитывая угрозу развития начавшихся ударов Южного фронта на Ростов и вдоль железной дороги Котельников — Тихорецк в глубокий тыл группы армий «А», с 1 января срочно начало отводить свою 1-ю танковую армию из района Моздока, Нальчика в глубокий тыл группы армий «А». Однако перед фронтом, занимаемым Черноморской группой, противник не собирался отходить. Он упорно стремился удержать здесь оборонительные рубежи, отчетливо понимая, чем грозит ему прорыв советских войск в направлении Краснодар, Тихорецк и на Таманский полуостров.

Здесь командование Закфронта и Черноморской группы не смогло оперативно развернуть наступление в заданном районе. В события на Северном Кавказе вновь вынужден был вмешаться лично Верховный Главнокомандующий. 4 января в 13 часов 30 минут И. В. Сталин позвонил в Генеральный штаб и продиктовал директиву, которую приказал срочно передать фронту.

«Первое. Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова

превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования. Нам невыгодно „выталкивать“ противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его, с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров.

Второе. Немедленно погрузите 3-й стрелковый корпус из района Северной группы и ускоренным темпом двигайтесь в район Черноморской группы…

Первая задача Черноморской группы — выйти на Тихорецк и помешать таким образом противнику вывезти свою технику на запад…

Вторая и главная задача ваша состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск и Азов, „влезть“ в Ростов с востока и закупорить таким образом северокавказскую группу противника с целью взять его в плен и уничтожить. В этом деле вам будет помогать левый фланг Южного фронта Еременко, который имеет задачей выйти севернее Ростова».[46]

Из-за вынужденной перегруппировки войск, уточнения направлений ударов наступление Северной группы началось только 1 января 1943 года. К этому времени определенную угрозу для нас представляла моздокская группировка противника. На Моздок и были нацелены основные силы нашей 44-й армии, с которой взаимодействовали 4 и 5-й гвардейские кавалерийские корпуса.

Войскам 9 и 37-й армий ставилась задача — с боями продвигаться в направлении на Нальчик.

Перед началом наступления Военный совет Закавказского фронта обратился к войскам со специальным воззванием, в котором говорилось:

«Боевые товарищи, защитники Кавказа! Войска Северной и Черноморской групп, выполняя приказ матери-Родины, остановили врага в предгорьях Кавказа. В оборонительных боях под Ищерской, Малгобеком, Туапсе, Новороссийском, Нальчиком, Шаумяном, Ардоном наши доблестные пехотинцы, отважные моряки, гордые соколы-летчики, бесстрашные танкисты, мужественные артиллеристы и минометчики, лихие конники, смелые саперы и автоматчики, разведчики, связисты и железнодорожники вписали славную страницу в историю Великой Отечественной войны, покрыли свои знамена неувядаемой славой.

В течение лета наши войска не прекращали активных боевых

действий, постоянно атаковали врага, нанося ему огромный ущерб в живой силе и технике, расшатывая вражескую оборону. В период кровопролитных боев, разгоревшихся на юге и в центре нашей страны, мы сковали около 30 вражеских дивизий, не давая возможности врагу перебросить их на другие фронты.

Войска нашего фронта сдержали натиск врага и теперь переходят в решительное наступление…

Вперед! На разгром немецких оккупантов и изгнание их из пределов нашей Родины!»[47]

К концу дня 1 января командующий Северной группой войск генерал И. И. Масленников докладывал: «Войска 44-й армии, сломив сопротивление 3-й танковой дивизии, вышли к Моздоку. В наступление пошла и 58-я армия…»

1 января 1943 года в столице Северной Осетии — Орджоникидзе в связи с освобождением оккупированной части территории Северной Осетии от врага состоялся многотысячный митинг трудящихся, воинов Советской Армии и партизан. Такие же митинги были проведены во всех городах и селах на освобожденной территории республики. Участники этих митингов заверяли партию и правительство о своей готовности бороться против гитлеровских захватчиков до полного их уничтожения.

«Полтора-два месяца длились черные дни фашистской оккупации части территории Северной Осетии. Но и за это время враг нанес народному хозяйству и гражданам республики ущерб на сумму более полутора миллиарда рублей.

Уважение к горянке, почитание кавказских обычаев, даже трогательную „заботу“ сулили фашистские демагоги. Но народы Северного Кавказа, знавшие повадки гитлеровских оккупантов, сразу разгадали смысл всех ухищрений врага.

Зверская расправа над советскими людьми, пытки, издевательства над стариками, женщинами, детьми быстро выдали волчью натуру оккупантов. И не случайно враг встретил в Осетии, как и всюду, горящую под собой землю и жгучую ненависть народа.

Чабахан Басиева, ее мать и брат, юные братья Гасановы, Гамат Ботоев, Хаджимусса Дзабиев, Дзыбырт Бугоев, Бушка Тбоев и сотни других советских патриотов — не просто жертвы фашизма, а смелые люди, не сдавшиеся врагу и павшие в борьбе.

Решающей силой, остановившей врага, спасшей наш народ и все человечество от угрозы фашистского рабства, была славная героическая Советская Армия, единство народов, руководимых Коммунистической партией.

Наш народ гордится тем, что и его сыны и дочери рука об

руку с представителями других народов сражались на различных фронтах Великой Отечественной войны.

Не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами широко известна легендарная доблесть войск, сражавшихся под командованием генерала армии, дважды Героя Советского Союза Исса Александровича Плиева. Свой народ прославили талантливые военачальники генерал армии, Герой Советского Союза Георгий Иванович Хетагуров, генерал-полковник, Герой Советского Союза Хаджиомар Джеорович Мамсуров, дважды Герой Советского Союза, генерал-майор Фесин, генерал-лейтенанты Худалов, Коцоев, Огоев, Харебов, генералы — Герои Советского Союза Дзусов, Карсанов, Билаонов, Караев, Герои Советского Союза капитан первого ранга Кесаев, полковник Козаев, генерал Цаликов и многие другие.

Сыны и дочери Осетии вместе с другими братскими народами пролили много крови и дорого заплатили за великую победу. В республике трудно найти семью, которая не потеряла бы родного человека в битвах Великой Отечественной войны».[48]

3 января советские войска штурмом овладели городами Малгобек и Моздок и перешли к преследованию врага в направлении на Ставрополь.

В полусожженном Моздоке наши бойцы чуть ли не на каждой улице натыкались на немецкие кладбища. Площади, скверы, пустыри были густо усеяны могильными крестами. Только у вокзала таких могил насчитывалось около тысячи и на каждом кресте стояла дата 10 или 11 октября. Это были дни, когда враг пытался неожиданным ударом пробиться в Алхан-Чуртскую долину, а затем на Грозный.

3 января я прибыл в штаб Северной группы войск, чтобы уточнить обстановку, сложившуюся в первые дни наступления. Посоветовавшись с И. И. Масленниковым, решил произвести частичную перегруппировку. Это сразу же дало ощутимые результаты. За день на некоторых участках мы продвинулись на 15–20 километров, освободили от врага 30 населенных пунктов.

Сильные бои развернулись у Нальчика. Части 2-й гвардейской дивизии генерал-майора Ф. В. Захарова сражались за столицу Кабардино-Балкарии против 10 отдельных батальонов спецназначения генерала Штейнбауэра и 2-й румынской горнострелковой дивизии.

Гвардейцы наступали на Нальчик в двух направлениях, пытаясь найти брешь в обороне врага.

«Прорвав вражеский заслон, 395-й стрелковый полк был остановлен сильным пулеметным огнем противника на окраине города. Тогда командир дивизии произвел маневр и ударил по

врагу этим же полком с севера. Этот маневр был произведен незаметно и оказался неожиданным для противника. Гвардейцы ворвались в город. Завязались ожесточенные уличные бои. Почувствовав угрозу окружения, гитлеровцы в панике стали отходить. К полудню 4 января Нальчик был освобожден. В боях за Нальчик наши войска уничтожили сотни фашистов, захватили 26 орудий, 41 пулемет, 50 минометов, 27 автомашин и много другой боевой техники».[49]

Вслед за этим были освобождены Майский и Котляревская, ряд мелких степных селений и хуторов.

Пленный командир 10-й роты 70-го полка 11-й пехотной дивизии Отто Бауэр, который до войны был доктором медицины, с ужасом рассказывал, что солдаты видели, как их торопят, приказывают в пути уничтожать грузовики, подрывать орудия и портить другое военное имущество. Уже на третий день отступления пошли разговоры о том, что немецкая армия не отходит от Терека, а бежит. Ясно было — случилось что-то очень тяжелое, а от солдат и даже от нас, ротных офицеров, это скрывалось. Солдаты все чаще стали отпускать ядовитые словечки насчет отступления, называя его «славный отход».

Теперь уже, не таясь, начали писать в письмах, что их обманывают, выдают самое настоящее бегство за планомерное отступление.

У гитлеровских стратегов в то время появилось два термина, которыми они пытались как-то предотвратить развал в воинских частях: «эластичная оборона» и «планомерный отход». Они говорили, что это своеобразный тактический прием, с помощью которого они выманят на себя советские группировки и неожиданным ударом повернут их вспять. Это, конечно, был просто пропагандистский трюк военной машины рейха. Они, видимо, даже забыли в тот момент изречение своего стратега Мольтке, который писал, что «терпит поражение тот, кто перестает верить в саму военную идею…».

Ефрейтор Аугсен из 123-го полка 50-й пехотной дивизии дал на допросе довольно четкую картину «славному отходу»:

«Тяжелое впечатление производило то, что при отступлении мы все уничтожали и взрывали. Невольно приходила в голову мысль, на Кавказе нам больше не бывать! Ясно, что при „стратегическом отступлении“ всего не уничтожают… Все, что мы не могли надеть на себя, нам пришлось уничтожать, в том числе и зимнее обмундирование, доставшееся с таким трудом. Мы ошеломлены, что у русских оказалось столько превосходного оружия и такое огромное количество солдат…»

Вместе с группой командиров довелось мне побывать в

освобожденном Нальчике. Там, где стояли здания Дворца пионеров, педагогического училища, Кабардино-Балкарского драматического театра, республиканской библиотеки, санаториев и домов отдыха, остались груды развалин.

«Кратковременное хозяйничание немецко-фашистских оккупантов на территории Кабардино-Балкарии дорого обошлось трудящимся республики. Были полностью уничтожены все промышленные предприятия, разграблено имущество колхозов, совхозов, МТС, разрушены школы, кинотеатры, дома культуры, библиотеки. Ущерб, который причинили Кабардино-Балкарии фашистские оккупанты, оценивался почти в 2,5 миллиарда рублей…»[50]

Фашисты казнили 4,5 тысячи граждан Кабардино-Балкарии. Среди них были партийные и советские работники, активисты, старики и дети.

В Нальчике особенно свирепствовали фашистские банды из горнострелкового батальона «Бергман», которым командовал капитан Теодор Оберлендер, ставший впоследствии министром в правительстве ФРГ при канцлере Аденауэре. Гитлеровские палачи уничтожили сотни мирных жителей. В противотанковом рву на подступах к городу было обнаружено не менее шестисот трупов истерзанных советских людей.

Освобождение Нальчика имело важное значение в ходе всей операции по преследованию гитлеровцев. Лондонское радио, комментируя успехи советских войск на Северном Кавказе, сообщало: «Захватив Нальчик, русские овладели городом, который мог бы служить немцам прекрасной зимней квартирой. Но значение занятия Нальчика этим не ограничивается. Имея Нальчик, немцы загнали клин в русские позиции и угрожали узловому пункту трех железных дорог. Захватив Нальчик, русские ликвидировали клин, и отныне эти три железные дороги переходят в руки Красной Армии…

Учитывая это, можно без преувеличения сказать, что русские достигли значительного успеха. Наконец, и это особенно важно, надо учесть, что немцы уже не приближаются к богатейшим нефтяным источникам Кавказа, а, наоборот, все больше отдаляются от них».[51]

Шло время, однако организованного, четкого и планомерного преследования у Северной группы войск не получалось. Не хватало опыта наступательных боев, не хватало сил, техники. Лесные и предгорные дороги осложняли продвижение вперед.

За три дня боев войска группы смогли продвинуться только на 25–60 километров. Штаб потерял связь с армиями и подвижными соединениями фронта.

И. В. Сталин был вынужден 8 января вновь телеграфировать мне и командующему Северной группой войск генералу И. И. Масленникову: «Третий день проходит, как вы не даете данных о судьбе ваших танковых и кавалерийских групп. Вы оторвались от своих войск и потеряли связь с ними. Не исключено, что при таком отсутствии порядка и связи в составе Северной группы ваши подвижные части попадут в окружение у немцев. Такое положение нетерпимо.

Обязываю вас восстановить связь с подвижными частями Северной группы и регулярно два раза в день сообщать в Генштаб о положении дел на вашем фронте.

Личная ответственность за вами».[52]

…Каких только зим не приходилось мне пережить за свою военную службу: февральскую слякоть на фронтах первой мировой войны, январские стужи в Поволжье в годы гражданской, ураганные обжигающие ветры на Каспии, декабрьские и мартовские морозы Подмосковья. Но нечто неповторимое довелось мне испытать в январские дни в бурунных степях Ставрополья. Такое — не забывается. Снежный смерч, вобравший в себя колючий снег и песок, превращал день в мрак, валил с ног, проникал сквозь едва заметные щели, иглами колол лицо, затруднял дыхание.

В этих условиях гвардейские части с боями прошли по Ставрополью и Кубани сотни километров, освободили около 2 тысяч населенных пунктов.

11 января 1943 года передовые части Закавказского фронта вступили в Пятигорск. Один из армейских корреспондентов, шедший с нами в наступление, рассказывал мне:

— Вместе с сержантом-разведчиком мы прежде всего устремились на Лермонтовскую улицу, к домику, где умер великий поэт. Хотелось поскорее увидеть, уцелела ли эта святыня, дорогая сердцу каждого советского человека, не надругались ли над ней гитлеровцы?

На дверях увидели листок со свастикой: «Реквизировано и взято под охрану штабом Розенберга и местной комендатурой, согласовано с Высшим командованием армии. Вход в здание и снятие печати запрещено».

«Что за распоряжение? — думаю. — Откуда такое бережное отношение к реликвиям русской культуры!»

А дело все объяснялось просто. 4 сентября домик Михаила Юрьевича Лермонтова посетил нацистский писатель Зигфрид фон Фегезак, заявивший, что отныне «домик будет содействовать ознакомлению немцев с русской литературой и даст понятие о России». Сам же фон Фегезак стал допытываться у сотрудников

музея Елизаветы Яковлевны Яловкиной и Натальи Владимировны Капиевой, где находятся рукописи Лермонтова и другие ценные экспонаты. Ему не терпелось завладеть этими сокровищами — отсюда его беспокойство за сохранность домика Лермонтова.

Зато с местом дуэли поэта у подножья Машука, где стоит обелиск, фашисты не поцеремонились.

Город за городом, селение за селением освобождали от фашистских оккупантов наши бойцы: Минеральные Воды, Железноводск, степной город Буденновск, Кисловодск…

21 января был освобожден Ставрополь, 24 — Армавир. Другая группа войск Закавказского фронта вышла из горных ущелий Приморья в кубанские степи, вырвала из рук врага город нефтяников Майкоп, а за ним и Краснодар.

24 января Ставка Верховного Главнокомандования приказала вывести Северную группу войск из состава Закавказского фронта и преобразовать ее в самостоятельный Северо-Кавказский фронт. Командующим был назначен генерал-лейтенант И. И. Масленников, членом Военного совета генерал-майор А. Я. Фоминых, начальником штаба генерал-майор А. А. Забалуев.

В состав Северо-Кавказского фронта включались войска 9, 37, 44 и 58-й армий, 4-й Кубанский и 5-й Донской гвардейские казачьи кавалерийские корпуса и все остальные соединения и части Северной группы войск, а также 4-я воздушная армия.

С каждым днем войска Северо-Кавказского фронта продолжали развивать наступление. Уже ничто не могло сдержать натиска советских воинов. Операция «Эдельвейс», задуманная Гитлером, трещала по швам.

К началу февраля «северокавказцы» подошли к Азовскому морю и закрепились на важных рубежах в районе Ейска, Новобатайска. В этот момент из состава Северо-Кавказского фронта была передана Южному фронту конно-механизированная группа и 44-я армия. Остальные войска получили приказ: вместе с Черноморской группой войск Закавказского фронта уничтожить гитлеровские соединения, отступавшие с Северного Кавказа на Тамань.

Войска фронта с боями прошли более 600 километров. Были освобождены Северная Осетия, Чечено-Ингушетия, Кабардино-Балкария, Ставропольский край, районы Ростовской области и Краснодарского края.

Советские войска сорвали очередную попытку немецко-фашистского командования вывести группу армий «А» через Ростов. У него оставалась единственная возможность — отводить свои соединения на Тамань, к «голубой линии».

За время ведения боевых операций наши части захватили

значительные трофеи. На аэродромах стояли целехонькие, заправленные бензином, но так и не взлетевшие в небо самолеты с черными крестами на плоскостях. По обочинам дорог, поставленные чуть не впритык, нацелились вдаль обезвреженные хоботы орудий различных калибров.

Трофейные команды собрали множество артснарядов, авиабомб, винтовочных патронов. Только за первые 20 дней нашего наступления было разбито 5 немецких дивизий, африканский корпус «Ф», многочисленные отдельные части армейского подчинения. Большой урон понесла «непобедимая» танковая армада Клейста. 170 танков было уничтожено, 314 «ягуаров» захвачено. Среди других трофеев запомнились 600 вагонов с авиабомбами размером в два человеческих роста с выразительной надписью — «для Кавказа».

Начиная свой поход на Кавказ, Гитлер рассчитывал к 25 сентября захватить Баку и Грозный. Уже печатались справочники и набирались специалисты для акционерного общества «Немецкая нефть на Кавказе», намечался парад войск в крепости Орджоникидзе…

Но и этим замыслам Гитлера не суждено было осуществиться.

Направление удара — Туапсе

Все дальше извилистая линия фронта отодвигалась от живописных хребтов Северной Осетии и плодородных долин Кабардино-Балкарии в густые леса и обрывистые скалы Причерноморья.

Немецкое командование, потерпев поражение под Орджоникидзе, у селения Гизель и в Моздокских степях, надеялось поправить свои дела на побережье Черного моря.

На стратегических картах врага прибрежная полоса моря была сплошь расчерчена цветными стрелами, испещрена топографическими значками. В этом хаосе хитроумных переплетений военному специалисту нетрудно было определить, что тихий приморский город Туапсе, спрятавшийся в зелени акаций и широколистных каштанов, с самого начала операции «Эдельвейс» находился в центре внимания штаба Третьего рейха. Гитлеровцам казалось, что один стремительный рывок из предгорий Северного Кавказа, и они будут у Туапсе. А здесь — ветка железной дороги, небольшой, но удобный порт, путь на Сухуми…

Словом, соблазн великий. И на осуществление плана, кодовое название которого было — «Город у моря», из Краснодара и Майкопа двинулось двенадцать пехотных и специально обученных горнострелковых дивизий, отдельные танковые батальоны. Вслед за ними стягивались к побережью румынская кавалерия и словацкие мотострелки.

Путь им преградили 4-й гвардейский кавалерийский корпус, 18 и 12-я армии, соединения донских и кубанских казаков. В камышовых балках и в топких речных плавнях, в степных просторах храбро дрались казачьи полки. Кубанцы и дончаки твердо помнили старую истину, унаследованную от дедов и отцов: кто от страха поглядывает назад — тот не вояка… Как правило, казаки строили свои атаки в расчете на стремительность, неожиданность. И надо сказать, что успех сопутствовал красным конникам.

Однажды казак Максим Гребнев, грудь которого украшали четыре Георгиевских креста, привел из разведки «ценного языка». В полевой сумке немецкого офицера лежал приказ о наступлении на Туапсе. В бой должны были вступить две бригады горных егерей, отдельный альпийский полк. Их прикрывали 12 артиллерийских и 15 минометных батарей. Казаки — народ

смекалистый, вот и пошли они на хитрость. 17-й конный корпус пропустил часть гитлеровцев вперед, а затем устроил егерям и «эдельвейсам» ловушку. В ковыльной степи и в полынных балках остались лежать тысячи изрубленных гитлеровских солдат.

Берлинская пропаганда долгое время твердила, что Германия надеется на Кубань и Дон. Фашисты рассчитывали, что «казачья вольница» хлебом-солью встретит солдат Третьей империи. Но встретили их казаки старинными дедовскими шашками, свинцовым огнем.

В своей программной речи в Берлинском Дворце спорта Гитлер заявил, что для достижения своих целей он рассчитывает на несколько миллионов юношей — «гитлерюгенд», которые будут принесены в жертву военной машине. Мечты о господстве остались на страницах «Майн кампф», а вот жертвоприношение состоялось.

В Причерноморских степях гибли отборные гитлеровские полки.

На кавалерийские эскадроны неслись колонны бронированных «ягуаров», тысячи тонн фугасных и зажигательных бомб сбрасывали «юнкерсы». С равнин бои перемещались на склоны гор, здесь действия конников сковывались. Восточный фланг Закавказского фронта — Моздокские и Ставропольские степи — был более подходящим для казаков. В эти районы мы и перебросили казачьи полки. Они ходили в смелые рейды по немецким тылам, громили секретный корпус «Ф» под командованием генерала Фельми, который через Закавказье должен был идти в Египет.

В Причерноморье казаков сменили стрелковые части 47 и 18-й армий. Здесь же действовали 12 и 56-я армии. 18-й армией, действовавшей на туапсинском направлении, сначала командовал Ф. В. Камков, а затем ее принял А. А. Гречко, теперь министр обороны СССР, Маршал Советского Союза.

Андрея Антоновича Гречко я знал давно, еще с довоенной поры. Отрадно было видеть, как в годы Великой Отечественной войны он быстро выдвинулся в ряды талантливых военачальников Советской Армии.

А. А. Гречко имел большой опыт штабной и командной работы. Находясь в рядах Советской Армии с 1919 года, он в 1938 году окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе и в 1941 году — Академию Генерального штаба. В начале Великой Отечественной войны Гречко командовал дивизией, а затем корпусом и армией. Отличная теоретическая подготовка, высокие организаторские способности, блестящее знание штабной службы позволяли ему успешно справляться с поставленными задачами.

Командующий Черноморской группой войск И. Е. Петров не ошибся, доверив А. А. Гречко ответственное направление. Командующий 18-й армией полностью оправдал возлагаемые на него надежды, искусно руководил своими соединениями.

… Значение Туапсе особенно возросло в связи с событиями на левом фланге, у Новороссийска. В начале сентября 1942 года крупная группировка гитлеровцев начала наступление на этот город. Завязались жестокие бои. Две пехотные дивизии противника, поддерживаемые авиацией и танками, заняли Новороссийск. В очередной сводке немецкого командования на Кавказе сообщалось, что «ворота кавказского побережья — в их руках».

Но, хотя фашисты и заняли Новороссийск, фактическими хозяевами мужественного города у моря были наши войска. Артиллеристы мощным огнем контролировали все дороги, ведущие в город, держали под прицелом порт и бухту.

Немецко-фашистское командование, наступая на юге, в предгорьях Кавказа, придавало району Туапсе и Новороссийска особо важное значение. Сюда было направлено около 30 дивизий.

Сейчас у военных историков еще нет твердого мнения о том, правильно ли в оперативно-тактическом отношении поступили командующий группой армий «А» Клейст и начальник штаба генерал фон Грейфенберг, отдавая явное предпочтение туапсинскому направлению перед моздокско-грозненским?

Почему же все-таки противник предпочел Туапсе Грозному? Думается, прежде всего из-за твердой приверженности гитлеровских генералов теории Шлиффена, той модернизированной пруссаками «теории Канн», которая легла в основу военной стратегии и тактики генштаба Третьего рейха.

Дело в том, что наша Черноморская группа, противостоявшая правому крылу Клейста, включала три армии — примерно такое же количество войск, как и у противника. Выходом на Туапсе немцы намеревались рассечь Черноморскую группу пополам, окружить и уничтожить две наши армии — 56 и 47-ю. Вот это стремление повторить «Канны» и продиктовало командующему группой армий «А» его туапсинский план.

У гитлеровцев было одно большое преимущество, они наступали с севера и, следовательно, имели самую широкую возможность маневрировать крупными массами войск по Кубанской долине. Кроме того, в распоряжении немецкого командования имелось много превосходных путей подвоза. У нас же наоборот: ни свободы маневра, ни достаточных путей подвоза, так как наши войска стояли среди лесистых гор, подходящих к морю. Наше положение затруднялось еще тем, что, помимо

железной дороги Майкоп — Туапсе, немцы могли выйти на Туапсе обходными путями. Это вынуждало нас распылять свои силы на несколько направлений и все время держать войска в состоянии крайнего напряжения.

Немецкое командование, не смиряясь с потерями, упорно наступало на побережье Черного моря, выискивая лазейку для прорыва в сторону Геленджика.

Первый удар гитлеровцы нанесли из района Хадыженской вдоль шоссе и по железнодорожной магистрали Майкоп — Туапсе. По совету стариков-кавказцев, чабанов, лесничих мы заранее прикрыли огнем опасные места. Они же помогли советами нашим солдатам, научили их взбираться по отвесным склонам.

Озлобленные долгими, бесплодными попытками пробиться напролом, гитлеровцы решили взять Туапсе в двойное кольцо. Для осуществления этого плана они использовали на большом пространстве 9 немецких, 6 румынских и 1 словацкую дивизии, 15 отдельных высокогорных полков и батальонов. Условия местности крайне ограничивали действия танков и артиллерии, их заменила авиация.

Создание малого кольца окружения предусматривало: прорыв наших позиций в районах горы Лысой и хутора Шугай, выход к станции Навагинская и окружение советских частей, оборонявших высоту с отметкой 356,3.

Большое кольцо должно было сомкнуть наши соединения, защищавшие «треугольник» гора Гунай — разъезд Куринский — селение Шаумян.

Бои в районе Туапсе развивались медленно. Местами противнику удалось продвинуться на полтора-два десятка километров, овладеть некоторыми высотами, вклиниться в правый фланг нашей обороны.

В середине октября немцы довольно быстро перегруппировались, атаковали с юга селение Шаумян и захватили станцию Навагинская. Части 1 и 4-й горнострелковых дивизий гитлеровцев при поддержке горной артиллерии и минометов, под прикрытием бомбардировщиков устремились дальше на юг.

Восемь тысяч снарядов выпустили немцы по Безымянной горе, шестьдесят раз бомбили ее. От оглушительного грохота закладывало уши. На склонах горы, где стояли вековые деревья, торчали обугленные, расщепленные стволы. Сама гора, словно от обрушившейся на нее лавины металла, осела в землю. Но гарнизон гвардейцев, который держал здесь оборону, остался. Он продолжал сражаться против превосходящих сил противника.

Бывали и у нас просчеты… На туапсинском направлении наши войска очистили долину реки Пшиш. Только в соседнем ущелье осталось в окружении до двух батальонов противника.

Истреблению этих батальонов мы как-то не придали особого значения. Использовав наше промедление, противник разведал наиболее слабое место в обороне, а затем с помощью подошедшей пехотной дивизии прорвал блокаду извне. В образовавшуюся брешь гитлеровцы бросили пять полков с горной артиллерией и минометами.

В ущелье Семашхо немецкое командование надеялось свести с нами счеты за поражение под Орджоникидзе и все предыдущие туапсинские неудачи.

Однако время уже работало, как говорят, на нас. Закавказский фронт приобрел опыт ведения боев, получил дополнительные резервы и научился оперативно маневрировать ими.

Противник полностью потерял инициативу. Его горные стрелки и «эдельвейсы», прорвавшиеся в ущелье Семашхо, оказались под угрозой полной изоляции.

С 20 ноября гитлеровцы начали в спешном порядке возводить на высотах укрепления, прокладывать ходы сообщения. Особую заботу они проявляли о флангах. Здесь закладывались минные поля, ставились проволочные заграждения, бетонные надолбы. Видно, город у моря — Туапсе все еще стоял перед глазами немецкого командования.

Вскоре последовало очередное наступление противника. Из районов Апшеронской, Нефтегорска, Хадыженской были выдвинуты крупные силы. Бои начались с массированных ударов вражеской бомбардировочной авиации по Туапсе, дорогам, ведущим к побережью. Днем и ночью в воздухе висели немецкие самолеты.

На приморский бульвар, белокаменные коттеджи, дома отдыха, тихие уютные улочки обрушилась лавина-фугасных и зажигательных бомб.

Две недели над Туапсе не прекращался вой моторов вражеских самолетов. Над разбитым портом, над грудами домов висела темная туча дыма.

Когда начались вражеские налеты на город, его жителям было приказано уйти в горы. Тысячи беженцев под покровом ночи потянулись в густые приморские леса, в глухие ущелья. Город опустел. Перед глазами, как жуткие миражи, вставали закопченные трубы домов, осиротевшие краны в порту.

В Туапсе оставались только моряки. Я видел однажды на рассвете картину, которая надолго осталась в моей памяти…

Пустынные улицы с разрушенными домами, зарево пожаров, от которых море принимало кровавый оттенок, и среди этого мрачного безлюдья — морской патруль — четыре черноморца с винтовками… Они шли по городу твердой походкой хозяев, лица у них были словно высечены из серого гранита, в глазах спокойствие и уверенность в своей силе.

На подступах к Туапсе рядом с 18-й армией генерала А. А. Гречко и 4-м гвардейским кубанским казачьим кавалерийским корпусом генерала Н. Я. Кириченко смело сражались с гитлеровцами моряки гарнизона Туапсинского оборонительного района.

В середине декабря наши войска нанесли противнику мощный удар одновременно с востока, запада и юга. Стояла непогода: мокрый снег сменялся холодным дождем, на дорогах образовывался гололед, но советские пехотинцы шли вперед, выбивали врага из насиженных укреплений. За несколько дней гитлеровцы не досчитались свыше 5 тысяч солдат и офицеров.

В ночь на 17 декабря, бросая вооружение, технику, боеприпасы, немцы стали в беспорядке отходить. Это был предвестник окончательного краха их кавказской авантюры.

После обильных дождей в Причерноморье ударил мороз. Все вокруг покрылось толстой ледяной корой: и обрывистые тропы, и промокшие солдатские шинели. Преследуя противника, наши стрелки скользили по склонам хребтов, увязали в глубоком снегу, преодолевали пропасти. Легкие пушки приходилось тащить волоком, подставлять под них спины… Вырвавшиеся из тесных горных кавказских ущелий войска Черноморской группы устремились в долины.

Командующий группой армий «А» Клейст отдавал грозные распоряжения: сломить нашу оборону, но советские войска, которыми командовал генерал И. Е. Петров, отразили все атаки противника и, нанеся ответный удар, разгромили ударную группировку врага, рвавшуюся к Туапсе.

Ивана Ефимовича Петрова я уважал как опытного, хладнокровного, обладающего большими организаторскими способностями генерала. Верный сын Коммунистической партии, вступивший в ее ряды еще в 1918 году, Петров всю свою жизнь посвятил служению Советскому государству и народу в рядах Советской Армии. Участник гражданской войны, боев по ликвидации басмачества в Средней Азии, Иван Ефимович с первых дней Великой Отечественной войны командовал прославленной 25-й Чапаевской дивизией, участвовавшей в героической обороне Одессы.

С вступлением в командование Черноморской группой И. Е.

Петрова положение на важном стратегическом участке Кавказа изменилось. Улучшилось управление войсками, они день за днем стали успешно выполнять поставленные перед ними задачи.

На побережье, особенно в районе Туапсе, большую помощь сухопутным войскам оказал Черноморский флот. Кроме своей основной задачи — уничтожения надводных и подводных средств противника на море, военные корабли только за два осенних месяца 1942 года под непрерывной бомбежкой перебросили свыше пятидесяти тысяч бойцов и командиров, а также большое количество всевозможных грузов для общевойсковых соединений.

За три месяца интенсивных боев на Черноморском побережье свыше 25 тысяч немецких солдат и офицеров поплатились головой за авантюристические планы своего командования.

«Горы» и «море»

Конец декабря 1942 года был отмечен благоприятной обстановкой под Сталинградом и в предгорьях Северного Кавказа. Этим воспользовался штаб Закавказского фронта, направив в Ставку Верховного Главнокомандования план наступления Черноморской группы войск.

Мы указывали, что наступление на Майкопском направлении наши войска начнут 3 января 1943 года. Части 46-й армии выйдут в долину северных отрогов Кавказа и встретятся с наступающими соединениями Северной группы войск. Эту операцию должны были поддерживать также 18 и 47-я армии.

Все было нацелено на неожиданный удар. Черноморская группа тоже подтвердила свою готовность, но 29 декабря из Ставки неожиданно сообщили:

— Верховный приказал наступление на майкопском направлении временно отменить. Вам предлагается срочно подготовить и осуществить удар на краснодарском направлении, прорвать здесь оборону противника и нанести вспомогательный удар в обход Новороссийска. В случае благоприятной обстановки — развивать наступление на Батайск…

Получив такой приказ, мы с командующим Черноморской группой генералом И. Е. Петровым крепко призадумались. Для проведения такой операции у «черноморцев» сил было недостаточно. Ставка обязывала перебросить к ним из состава Северной группы весь 10-й гвардейский стрелковый корпус, две стрелковые дивизии 58-й армии и одну стрелковую дивизию 46-й армии. В распоряжение Петрова передавались три танковых полка из резерва Ставки.

Москва срочно требовала ответа. И тут началось то, что мы с генералом Петровым называли «вариантной лихорадкой». Вариант за вариантом выдвигался то мной, то Иваном Ефимовичем и после всестороннего обсуждения отвергался. Все они с военно-теоретической и с практической точки зрения оказывались нереальными.

Цель, выдвинутая в приказе Верховного Главнокомандующего, была заманчивой: с выходом на Батайск мы ставили противника в безвыходное положение, но задача была невероятно трудной, всюду мы наталкивались на препятствия.

Труднейшим из них был сам район предстоящих боевых действий — пересеченная местность предгорий Кавказа. В это

время на склонах хребтов уже серебрился первый снег, а на побережье — дули сильные ветры, шли проливные дожди.

А отсутствие дорог для доставки техники, боеприпасов, продовольствия? Часть железных дорог, автомобильных магистралей была разрушена. Восстановить их в короткий срок мы не могли, так как на нашем фронте были считанные единицы инженерных батальонов. Еще одна трудность была связана с быстрой переброской войск из-под Орджоникидзе.

Генерал Петров, немало повидавший трудностей в дни героической обороны Одессы и Севастополя, только разводил руками:

— Не знаю, Иван Владимирович, что и сказать вам, обстановка очень сложная. Мне не хочется огорчать вас, но у меня нет уверенности в успешном осуществлении плана, предложенного Ставкой.

— Ничего, Иван Ефимович, выдюжим! А директиву Ставки мы не имеем права обсуждать. Для нас, солдат, — это приказ.

Ночные обсуждения в штабе заканчивались тем, что мы с Петровым садились в вездеход и выезжали на разведку местности: уточняли расположение частей, изучали маршруты продвижения войск, советовались с местными жителями, которые хорошо знали горные ущелья и тропы.

И всюду видели, что по извилистым, козьим тропам крупными силами не развернешься, проложить новые дороги — нужно время.

— Торопись, Иван Ефимович, — отдал я распоряжение генералу Петрову. — Дай задание своим дорожникам, саперам; пусть проявят чудеса расторопности и смекалки. Дальше ждать — мы не имеем права… Без дороги, по которой смогут пройти автотранспорт, артиллерия, военные обозы, нам нечего и думать о наступлении. Организуем перевалочные станции, наладим диспетчерскую службу.

И. В. Сталин не любил долго ждать ответа, когда из Москвы уже послана директива Ставки. Зная это, я, вернувшись в штаб, позвонил в Москву:

— Товарищ Сталин, — доложил я, — рекогносцировка местности на лазаревско-майкопском и горяче-ключевском направлениях показала, что наступление сопряжено с большими трудностями.

— А вы что же, — перебил меня Верховный, — рассчитываете на какую-то волшебную силу? Наступление должно начаться и, чем быстрее, тем лучше…

— Товарищ Сталин, у меня и Петрова есть опасения насчет успешного исхода наступления. Я прошу вас возвратиться к ранее

разработанному нами «майкопскому плану».

Сталин на минуту замолк, видимо, решая что-то, а затем, давая понять, что наш разговор закончен, сказал:

— Товарищ Тюленев! Передайте Петрову и Масленникову, что краснодарский вариант, предложенный Ставкой, остается в силе.

После разговора с Верховным мы срочно разработали план наступления на краснодарском направлении. Он состоял из двух частей — «Горы» и «Море».

Операция «Горы» предусматривала прорыв вражеской обороны в районе Горячего Ключа, выход к Краснодару и освобождение его. Однако этот кубанский город не был конечной целью наступления. Нашим войскам ставилась задача — отрезать путь кавказской группировке противника, двигавшейся на Ростов.

Этим и завершилась операция «Горы».

Согласно операции «Море» мы должны были левым крылом войск 47-й армии стремительно развернуть наступление на перевалы Маркотх и Неберджаевский. Сюда же Черноморская группа высадит морской десант, затем совместным ударом из района Южная Озерейка нанесет удар по Новороссийску, освободит его и выйдет на перевал «Волчьи ворота». Чтобы дезориентировать врага в отношении места высадки десанта, морские патрули получили задание демонстрировать высадку в районе Анапы. Руководство десантом возлагалось на вице-адмирала Ф. С. Октябрьского.

Вот так в общих чертах выглядел план нашего наступления на краснодарском направлении.

И. В. Сталин, ознакомившись с ним, обратил наше внимание прежде всего на то, что Черноморская группа войск должна помешать врагу вывести на запад свою технику, закупорить с востока путь северокавказской группировке противника и уничтожить ее.

4 января Верховный Главнокомандующий лично мне отдал распоряжение: «Передайте Петрову, чтобы он начал свое выступление в срок, не оттягивая это дело ни на час, не дожидаясь подхода резервов».

Одновременно мне указывалось, что Черноморская группа не имеет опыта в проведении крупных наступательных операций.

«Немедленно выезжайте в Черноморскую группу войск и обеспечьте выполнение настоящих указаний», — требовал И. В. Сталин.

С 5 января 1943 года немецкие части стали оставлять перевалы Главного Кавказского хребта, чтобы усилить оборону на краснодарском направлении.

Войска Северной группы войск, развивая наступление по всему фронту, вышли к 10 января на рубеж рек Малка — Золка.

Погода, если можно так выразиться, играла на руку врагу. Непрерывно шли дожди с мелким снегом, дороги стали совершенно непроходимыми для всех видов транспорта. Части 46-й армии испытывали недостаток в боеприпасах и продовольствии.

На главном направлении войска 56-й армии прорвали оборону противника и в течение трех дней, преодолевая огневое сопротивление и отражая контратаки врага, продвинулись вперед. К концу января войска Черноморской группы, ломая сопротивление противника, своим правым флангом сомкнулись с левым флангом 37-й армии.

Несколько слов об операции «Море». В ней главная задача возлагалась на 47-ю армию. Во взаимодействии с моряками-черноморцами она должна была прорвать оборонительную полосу противника на рубеже горы Сахарная Головка. Затем нанести главный удар через перевал Неберджаевский и выйти к городу Новороссийску. Таким образом, создавались условия для дальнейших действий армии по захвату Таманского полуострова.

Начало наступления планировалось на 1 февраля. К исходу недели наши войска должны были освободить Новороссийск.

1 февраля группа войск генерал-майора А. А. Гречкина после пятичасовой артиллерийской подготовки в 13 часов перешла в наступление. Преодолевая упорное сопротивление противника, наши войска на отдельных участках продвинулись на 200–500 метров от переднего края.

На следующий день в шесть часов утра ударная группа возобновила наступление. Над землей повис густой туман и поэтому артиллерия не могла поддержать наступавших огнем. Общее наступление пришлось приостановить, но отдельные штурмовые группы в течение короткого февральского дня продолжали блокировать огневые точки и разрушать проволочные заграждения противника.

3 февраля группы генерала Гречкина вели ожесточенные рукопашные бои с переходившим в контратаку противником на новороссийском направлении. Тем временем группа Гордеева в порту Геленджик, 83-я мотострелковая бригада в Туапсе произвели посадку на десантные суда и вышли к Южной Озерейке. Здесь должен был высадиться десант.

Противнику удалось отбросить суда Черноморского флота от берега и тем самым сорвать высадку десанта в условленном районе. А успевшие высадиться до батальона пехоты 255-й мотострелковой бригады с ротой танков продолжали на берегу

неравный бой. К исходу дня они заняли и в течение трех дней удерживали в своих руках Глебовку.

Одновременно вторая десантная группа — батальон автоматчиков — произвела успешную высадку в районе поселка Станичка. Десантники внезапно овладели огневыми позициями на берегу Цемесской бухты и уже к утру отражали контратаки противника, заняв его же укрепления.

К половине дня 4 февраля, как это бывает в зимние месяцы в районе Новороссийска, подул сильный ветер «бора», поднялись крутые волны и в течение трех дней трудно было подступиться к берегу. Все это крайне затрудняло боевые действия моряков-десантников. Подразделения имели трехдневный запас продовольствия, полтора-два боекомплекта патронов, по десять-двенадцать гранат, а из вооружения — автоматы, легкие пулеметы, несколько противотанковых ружей. Артиллерию и минометы пришлось оставить в районе селения Кабардинка.

Бои десантной группы поддерживала дальнобойная артиллерия и авиагруппа. Следует отметить, что командир десантной группы майор Цезарь Куников умело использовал работавшую на него штурмовую авиацию, часто компенсировавшую даже огонь артиллерии. Как только в Станичке или на ее окраинах противник сосредоточивал живую силу для перехода в контратаку, появлялись наши штурмовики.

После возвращения кораблей в Геленджик, а 83-й мотострелковой бригады в Туапсе, когда выяснились обстоятельства боев в районе Южная Озерейка, я приказал вице-адмиралу Ф. С. Октябрьскому 255-ю мотострелковую бригаду, отдельный пулеметный батальон, а вслед за ними и 83-ю мотострелковую бригаду высадить в районе Станичка, развить успех ранее высадившихся войск.

Подвиг героев-десантников на Малой земле высоко оценен Родиной. Отличившиеся воины были отмечены правительственными наградами. Командир десантного отряда Цезарь Куников, павший смертью героя в неравном бою, посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Это высокое звание получил еще 21 защитник Малой Земли. 2342 солдата, матроса и офицера были награждены за мужество и отвагу боевыми орденами и медалями.

5 февраля Ставка Верховного Главнокомандования распорядилась передать Черноморскую группу войск в Северо-Кавказский фронт. За нашим, Закавказским фронтом, оставалась его первоначальная задача: обеспечивать безопасность ближневосточных границ.

Битва за Северный Кавказ закончилась поражением немецко-

фашистских войск. Все попытки врага захватить грозненскую и бакинскую нефть потерпели крах. Сталинградское сражение предрешило судьбу гитлеровских захватчиков. Оборона Кавказа помогла этому. Советские войска и народ отстояли Сталинград. Не пропустили они врага и в Закавказье.

Героическая борьба защитников Кавказа против гитлеровцев была высоко оценена партией и правительством.

«Президиум Верховного Совета Союза ССР Указом от 1 мая 1944 года учредил медаль „За оборону Кавказа“. Ею награждено 583 тысячи 45 человек».[53]

…Прошли годы. Поросли густой травой и яркими цветами рвы и траншеи, вытянулись и зашумели на ветру молодые деревца, опаленные пламенем военных пожаров. По обочинам дорог, у большаков, на горных перевалах и у сельских околиц поднялись гранитные обелиски с пятиконечными звездами. Они установлены в честь защитников Кавказа.

Подвиги, совершенные советскими воинами, народами всей нашей страны у стен Орджоникидзе, на древней земле Северной Осетии явились также теми негасимыми частицами, из которых выковывалась наша Великая Победа.

* * *

…В своей книге я рассказал только о некоторых, наиболее значительных и примечательных эпизодах, событиях, связанных с героической обороной Кавказа. Многое я знал, видел, немало интересных человеческих судеб заслуживают того, чтобы о них золотыми буквами поведала история. И если бы я даже попытался подробно рассказать обо всем, что пережил в дни защиты и освобождения горного края, все равно мне бы не удалось воссоздать той яркой и героической картины битвы за Кавказ, которая по праву вошла в летопись Великой Отечественной войны как одна из славных ее страниц. Народ — герой этой летописи, он и творец, создатель ее.

Свой рассказ я хочу закончить тем, с чего начал его:

Кажется, протяни руку, и вот они, уменьшенные семикилометровой линзой высоты, крошечные бугорки заснеженных хребтов, тоненькие голубые спирали горных рек. Заходящее солнце зажгло на ледяных склонах алые костры, и вершины Эльбруса и Казбека превратились в сказочные светящиеся рубины…

Сколько раз приходилось мне пересекать по воздуху Главный Кавказский хребет и всегда возникало необъяснимое чувство

волнения: может быть, от захватывающей дух орлиной высоты, или от того, что с Кавказом связана моя судьба…

Пусть всегда над городами, селениями сияет яркое южное солнце! Пусть всегда чистыми будут стоять белоснежные Кавказские горы!

notes

Примечания

1

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е, т.43, стр. 198.

2

Осетия — республика советская. Орджоникидзе, 1967, стр. 40.

3

Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. IX. М., 1933, стр. 533.

4

Центральный Государственный архив Советской Армии (в дальнейшем ЦГАСА), ф. 315, д. 20, л. 15.

5

«Военно-исторический журнал», 1956, № 10, стр. 8.

Красный архив 1938 г. М., т. IV, стр. 18.

Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967, стр. 419.

8

КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. Документы 1917–1968. М., 1969, стр. 299–301.

КПСС. Справочник. М., Политиздат, 1971, стр. 268.

10

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 7-и томах. Т. II. М., Госюриздат, 1958, стр. 647.

11

Великая Отечественная война. М., Политиздат, 1970, стр. 160–161.

12

Архив МО СССР, ф. 209, оп. 1063, д. 499, л. 10.

«Правда», 2 сентября 1942 г.

14

Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского ледника. Черкесск, 1963, стр. 288.

15

Архив МО СССР, ф. 401, оп. 955, д. 3.

16

«Военно-исторический журнал», 1956, № 10, стр. 8.

17

Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского ледника, стр. 292.

18

КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза, стр. 302.

19

Архив МО СССР, ф. 209, оп. 1060, д. 5, л. 84.

Гречко А. А. Битва за Кавказ, стр. 107–108.

21

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1970, стр 381.

22

Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725168, д. 1176, л. 63.

23

Архив МО СССР, ф. 209, оп. 1060, д. 2, л. 89.

«Военно-исторический журнал», 1961, № 1, стр. 40.

25

Дёрр Г. Поход на Сталинград. Пер. с нем. М., Воениздат, 1957, стр. 54.

Гречко А. А. Битва за Кавказ, стр. 403.

27

«Заря Востока», 15 мая 1971 г.

Дзусов И. М. В семье отважных. Орджоникидзе, 1960, стр. 76.

29

Гречко А. А. Битва за Кавказ, стр. 175.

30

Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725167, д. 174, л. 170.

31

Гречко А. А. Битва за Кавказ, стр. 178.

32

«Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.». Политиздат, 1957, стр. 32–33.

33

«Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны», стр. 37.

34

Архив МО СССР, ф. 6598, оп. 725109, д. 78, л. 32.

Хижняк И. Л. Годы боевые. Краснодар, 1968, стр. 66.

36

Архив МО СССР, ф. 6509, оп. 725109, д. 78, л. 32.

37

История Северо-Осетинской АССР, Советский период. Орджоникидзе, 1966, стр. 293.

«Луганская правда», 1 января 1965 г.

39

История Северо-Осетинской АССР. Советский период, стр. 295.

40

Говорит Северная Осетия. Орджоникидзе, 1943, стр. 39–40.

41

Гречко А. А. Битва за Кавказ, стр. 186–187.

Там же, стр. 188.

43

ЦПА ИМЛ, д. 2, 1942 г., л. 210.

Великая Отечественная война М., Политиздат, 1970, стр. 191.

Великая Отечественная война М., Политиздат, 1970, стр. 160.

Великая Отечественная война М., Политиздат, 1970, стр. 199.

Гречко А. А. Битва за Кавказ, стр. 228.

48

Кабалоев Б. Е. Речь на торжественном заседании, посвященном 25-й годовщине разгрома немецко-фашистских захватчиков на территории Северной Осетии. «Социалистическая Осетия», 6 января 1968 г.

49

Архив МО СССР, ф. 1047, оп 1, д. 11, л. 160.

50

Мальбахов Т. К. 50 лет Советской автономии КБ АССР. Нальчик, 1971, стр. 23.

51

Архив МО СССР, ф. 32, оп. 11306, д., л. 194.

Там же, ф. 3, оп. 11556, д. 12, л. 21.

Великая Отечественная война. М., Политиздат, 1970, стр. 167.